

Гарри Поттер и философский камень
Джоан Кэтлин Роулинг

Посвящается Джессике, которая любит сказки,
Энн, которая тоже их любила,
И Дай, которая услышала эту первую.

Глава первая. Мальчик, который выжил
Мистер и миссис Дёрсли, проживающие в доме номер четыре по Привит Драйв, могли с гордостью заявить, что они-то уж, слава богу, совершенно нормальные. От них меньше всего можно было ожидать чего-то странного или загадочного, потому что они просто не выносили подобной чепухи.

Мистер Дёрсли был директором фирмы «Граннингс», которая занималась производством дрелей. Это был большой, крепкий мужчина, у которого почти полностью отсутствовала шея, зато были очень большие усы. Миссис Дёрсли была худой блондинкой с шеей почти в два раза длиннее обычной, что оказалось весьма кстати, поскольку она проводила очень много времени, заглядывая за заборы и шпионя за соседями. У Дёрсли был маленький сын по имени Дадли, и, по их мнению, на свете не было мальчика прекрасней.

У Дёрсли было всё, чего им хотелось, но был и секрет, и больше всего они боялись, что о нём кто-нибудь узнает. Вряд ли бы они пережили, если бы кому-нибудь стало известно о Поттерах. Миссис Поттер приходилась сестрой миссис Дёрсли, но они не виделись несколько лет. Вообще-то, миссис Дёрсли делала вид, что у неё и вовсе нет сестры, потому что её сестра и её никчёмный муж были настолько «недёрслевыми», насколько это вообще было возможно. Дёрсли бросало в дрожь только при мысли о том, что сказали бы соседи, если бы Поттеры появились на их улице. Дёрсли знали, что у Поттеров тоже был маленький сын, но они даже никогда его не видели. Этот мальчик был ещё одной веской причиной, чтобы держаться от Поттеров подальше: им не хотелось, чтобы Дадли общался с таким ребёнком.

Когда мистер и миссис Дёрсли проснулись утром скучного пасмурного вторника – в день, когда начинается наша история, – ничто в облачном небе за окном не предвещало странных и загадочных событий, которые вскоре должны были произойти по всей стране. Мистер Дёрсли что-то мычал под нос, выбирая для работы свой самый невзрачный галстук, а миссис Дёрсли, с трудом усаживая орущего Дадли в его высокий детский стульчик, радостно сплетничала.

Никто из них не заметил, как мимо окна пролетела большая неясность.

В полдевятого мистер Дёрсли взял свой портфель, чмокнул миссис Дёрсли в щёчку и попытался поцеловать на прощание Дадли, но у него ничего не вышло, потому что Дадли бился в истерике и кидался овсяной кашей в стены. «Шалунишка», довольно фыркнул мистер Дёрсли, выходя из дома. Он сел в машину и выехал с подъездной дорожки перед домом номер четыре.

Первый признак того, что происходит что-то необычное, он заметил на углу – кошка изучала карту. Мистер Дёрсли не сразу осознал то, что увидел, но затем резко повернулся, чтобы посмотреть туда вновь. На углу Привит Драйв стояла полосатая кошка, но карты нигде не было. Что он себе придумал? Наверное, это была игра света. Мистер Дёрсли моргнул и уставился на

кошку. Она уставилась на него в ответ. Сворачивая на шоссе, мистер Дёрсли продолжил наблюдать за кошкой в зеркало. Теперь она читала надпись на указателе, которая гласила «Privet Drive»... нет, смотрела на указатель. Кошки не умеют читать, будь то хоть карты, хоть указатели. Мистер Дёрсли встряхнулся и выкинул кошку из головы. По дороге в город он думал только о большом заказе на дрели, который надеялся получить в этот день.

Но у городской черты дрели напрочь вылетели у него из головы. Стоя в обычной утренней пробке, он не мог не заметить, как много странно одетых людей было вокруг. Людей в длинных старинных плащах. Мистер Дёрсли терпеть не мог странно одетых людей... во что только не наряжалась молодёжь! Он предположил, что это, видимо, очередная глупая мода. Он забарабанил пальцами по рулю и увидел кучку таких же чудаков неподалёку. Они оживлённо о чём-то шептались. Мистера Дёрсли привело в ярость то, что некоторые из них были вовсе не молодыми юнцами, напротив, один из мужчин, наверное, даже старше его самого, а одет в изумрудно-зелёный плащ! Какая наглость! Но потом в голову ему пришло, что это, наверняка, была какая-то дурацкая кампания... эти люди, очевидно, собирали пожертвования для чего-то... да, так и есть. Машины начали двигаться, и через несколько минут мистер Дёрсли очутился на стоянке фирмы «Граннингс», снова думая о дрелях.

В своём офисе на девятом этаже мистер Дёрсли всегда сидел спиной к окну. Если бы он не сидел так, то сосредоточиться на дрелях тем утром ему было бы намного сложнее. Это он не видел, как среди бела дня мимо пролетали совы. Зато люди на улице их видели: они смотрели, открыв рот, и показывали пальцами на сов, пролетающих одна за другой над их головами. Многие из них никогда не видели сов даже ночью. У мистера Дёрсли же было совершенно нормальное утро без сов. Он накричал на пятерых людей. Он сделал несколько важных телефонных звонков и покричал ещё немного. У него было очень хорошее настроение, до тех пор, пока во время обеда он не решил поразмять ноги и купить булочку в пекарне через дорогу.

Он совсем позабыл о людях в плащах, пока не прошёл рядом с группой таких людей, стоявших рядом с пекарней. Он злобно оглядел их, проходя мимо. Он не знал, почему, но они доставляли ему беспокойство. Они также оживлённо перешёптывались, но он не увидел ни одной банки для пожертвований. Уже возвращаясь обратно, зажав в руке пакет с большим пончиком, он услышал несколько слов, донесшихся с их стороны.

— Поттеры, точно, так я и слышал...

— ...да, их сын, Гарри...

Мистер Дёрсли встал как вкопанный. Его охватил страх. Он оглянулся на шепчущихся, будто хотел им что-то сказать, но передумал.

Он перебежал через дорогу, быстро поднялся к себе в офис, крикнул своей секретарше, чтобы его не беспокоили, схватил телефон и почти закончил набирать домашний номер, как вдруг передумал. Он положил трубку и стал поглаживать усы, размышляя... нет, он вёл себя глупо. Поттер — не такая уж необычная фамилия. Он был уверен, что существовало множество Поттеров, у которых был сын Гарри. Ведь если подумать, он даже не был уверен, что его племянника действительно звали Гарри. Он же никогда не видел мальчика. А

может, его звали Харви. Или Гарольд. Не было смысла беспокоить миссис Дёрсли: она всегда так расстраивалась при любом упоминании об её сестре. И он её не винил: если бы у него была такая сестра... Но всё же, эти люди в плащах...

Теперь ему стало гораздо сложнее сосредоточиться на дрелях, а когда он вышел из здания в пять часов, он всё ещё так волновался, что столкнулся с кем-то прямо у входа.

— Извините, — проворчал он, когда маленький старичок споткнулся и чуть не упал. Прошло несколько секунд, прежде чем мистер Дёрсли осознал, что на мужчине был фиолетовый плащ. Он вовсе не выглядел расстроенным из-за того, что его чуть не свалили на землю. Напротив, его лицо расплылось в широкой улыбке, и он заговорил таким писклявым голоском, что прохожие начали оглядываться:

— Не извиняйтесь, мой дорогой, ведь ничто не может расстроить меня сегодня! Ликуйте, ибо Сами-Знаете-Кто наконец-то стигнул! Даже такие магглы как Вы должны праздновать в этот радостный-радостный день!

И старичок обнял мистера Дёрсли за талию и пошёл прочь.

Мистера Дёрсли словно приковали к месту. Его обнял абсолютно незнакомый человек. И ещё, кажется, назвал «магглом», что бы это ни значило. Он был потрясён. Он заторопился к машине и отправился домой, надеясь, что он это просто вообразил, чего, по правде говоря, с ним раньше никогда не случалось, поскольку он не одобрял воображение.

Как только он въехал на подъездную дорожку перед домом номер четыре, первым, что он увидел, и что вовсе не подняло ему настроения, оказалась полосатая кошка, которую он заметил ещё утром. Сейчас она сидела на садовой ограде. Он был уверен, что это та самая кошка. У неё были такие же отметины вокруг глаз.

— Брысь! — громко сказал мистер Дёрсли. Кошка не двинулась. Она только наградила его суровым взглядом. Мистер Дёрсли задался вопросом, было ли это обычным поведением для кошек. Пытаясь собраться с мыслями, он вошёл в дом. Он всё ещё был полон решимости ничего не говорить своей жене.

У миссис Дёрсли выдался самый обычный день. За ужином она рассказала о том, что у соседки проблемы с дочерью, и что Дадли выучился ещё одной фразе («Не буду!»). Мистер Дёрсли пытался вести себя как обычно. Когда Дадли положили спать, он вошёл в гостиную и успел как раз к концу вечерних новостей:

— И в завершение выпуска — отовсюду орнитологи докладывают о сегодняшнем необычном поведении сов. Хотя совы обычно охотятся по ночам, и их редко можно увидеть днём, сегодня, начиная с рассвета, они были сотни раз замечены летающими во всех направлениях. Эксперты не могут объяснить, почему совы вдруг изменили своей привычке спать днём, — диктор позволил себе улыбку. — Очень загадочно. А теперь передаю слово Джиму МакГаффину с его прогнозом погоды. Ну как, Джим, будут ли сегодня вечером новые дожди из сов?

— Что ж, Тед, — сказал метеоролог, — об этом мне ничего не известно, но сегодня не только совы вели себя странно. Зрители из таких отдалённых друг от друга мест, как Кент, Йоркшир и Данди звонили, чтобы рассказать, что вместо обещанного мною вчера дождя, у них был звездопад. Возможно, люди начали праздновать Ночь Гая Фокса раньше времени, но до неё ещё целая неделя, друзья... Хотя обещаю, ночь будет дождливой.

Мистер Дёрсли застыл в своём кресле. Звездопады по всей Британии? Совы, летающие днём? Повсюду таинственные люди в плащах? И шёпот, шёпот о Поттерах...

В гостиную вошла миссис Дёрсли с двумя чашками чая. Так не годится. Ему придётся ей что-то рассказать. Он нервно прокашлялся.

— Эээ... Петунья, милая... Ты в последнее время не получала вестей от своей сестры?

Как он и ожидал, миссис Дёрсли сильно разозлилась. Ведь обычно они делали вид, что у неё нет сестры.

— Нет, — резко ответила она. — А что?

— Странные вещи в новостях, — бормотал мистер Дёрсли. — Совы... звездопады... и сегодня много странно выглядящих людей в городе...

— И что? — бросила миссис Дёрсли.

— Ну, я просто подумал... может быть... это как-то связано с... знаешь... её компанией.

Миссис Дёрсли втянула чай сквозь сжатые губы. Мистер Дёрсли подумал, стоит ли говорить ей, что он слышал фамилию «Поттер». Он решил, что не стоит. Вместо этого он сказал самым обычным тоном, каким смог:

— Их сын... он же одного возраста с Дадли?

— Наверное, — выдавила миссис Дёрсли.

— Как там его зовут? Говард, верно?

— Гарри. По-моему, отвратительное банальное имя.

— Ах, да, — сказал мистер Дёрсли, и сердце его ушло в пятки. — Да, пожалуй.

Когда они поднялись в спальню, он больше не поднимал эту тему. Пока миссис Дёрсли была в ванной, мистер Дёрсли подкрался к окну спальни и выглянул в палисадник. Кошка всё ещё была там. Она пристально глядела вдоль Привит Драйв, словно ждала чего-то.

Может, у него и впрямь разыгралось воображение? Могло ли это всё как-то быть связано с Поттерами? А если могло... если бы стало известно, что они связаны с парочкой... что ж, он вряд ли бы это перенёс.

Дёрсли легли спать. Миссис Дёрсли уснула быстро, но мистер Дёрсли лежал без сна, прокручивая все произошедшие события в голове. Последней утешительной мыслью его, прежде чем он уснул, стало то, что даже если Поттеры и имели к этому какое-то отношение, то у них не было причин, чтобы вмешивать сюда его и миссис Дёрсли. Поттеры прекрасно знали, что они с Петунией думали о них и таких как они.. Он не представлял, как их с Петунией могли привязать ко всей этой истории. Он зевнул и перевернулся. Их это не могло коснуться...

Как же сильно он ошибался.

Мистер Дёрсли, возможно, и погружался в беспокойный сон, но кошка, сидящая на садовой ограде, не выказывала никаких признаков сонливости. Она сидела неподвижно, словно статуя, и не моргала, неотрывно следя за самым дальним поворотом с Привит Драйв. Она не шелохнулась ни когда на соседней улице захлопнулась дверь автомобиля, ни когда над ней пронеслись две совы. Лишь когда почти настала полночь, кошка впервые пошевелилась.

На углу Привит Драйв, за которым она наблюдала, появился человек. Появился так внезапно и тихо, что можно было подумать, будто он вырос из-под земли. Хвост кошки дёрнулся, а глаза сузились.

Никого подобного этому человеку на Привит Драйв ещё никогда не видели. Он был высоким, худым и, судя по седине волос и бороды, которые были настолько длинными, что их можно было заткнуть за пояс, очень старым. На нём была длинная мантия, пурпурный старинный плащ, подол которого волочился по земле, и сапоги с пряжками на высоком каблуке. Глаза его были светло-голубыми, яркими и сияли из-за очков в виде полумесяцев, а нос был длинным и кривым, будто его ломали по крайней мере два раза. Звали этого человека Альбус Дамблдор.

Альбус Дамблдор, похоже, не понимал, что он только что очутился на улице, где всё в нём – от имени до сапог – было нежеланным. Он что-то сосредоточено искал в своём плаще. Но, судя по всему, он понял, что за ним наблюдают, поскольку неожиданно взглянул на кошку, которая всё ещё пристально смотрела на него с другого конца улицы. Вид кошки, похоже, его почему-то развеселил. Он усмехнулся и пробормотал: «Мне следовало догадаться».

Наконец, он нашёл то, что искал у себя в кармане. Эта вещь была похожа на серебряную зажигалку. Он открыл её, поднял перед собой и щёлкнул. Ближайший от него фонарь погас с тихим приглушённым хлопком. Он щёлкнул ею снова – и следующий фонарь погрузился в темноту. Он щёлкал Выключалкой двенадцать раз до тех пор, пока на всей улице не остались гореть лишь два огонька вдалеке – глаза кошки, которые наблюдали за ним. Если бы кто-то, даже зоркая миссис Дёрсли, выглянул в этот момент в окно, разглядеть ничего из происходящего снаружи он бы не смог. Дамблдор засунул Выключалку обратно в плащ и направился по улице к дому номер четыре, где сел на ограду рядом с кошкой. Через мгновение, не глядя на неё, он произнёс:

– Не ожидал увидеть вас здесь, профессор МакГонагалл.

Он повернулся, чтобы улыбнуться полосатой кошке, но она исчезла. Вместо неё он улыбался весьма строго выглядевшей женщине, которая носила очки в квадратной оправе, такой же, какой были отметины вокруг глаз у кошки. На ней тоже был плащ, только изумрудный. Её чёрные волосы были собраны в тугой пучок. Она явно была чем-то встревожена.

— Как вы узнали, что это я? — спросила она.

— Моя дорогая профессор, я никогда не видел, чтобы кошка сидела так неподвижно.

— Вы бы тоже не смогли двигаться, если бы просидели весь день на кирпичной ограде, — сказала профессор МакГонагалл.

— Весь день? В то время как вы могли праздновать? Мне попало не меньше дюжины пиршеств на пути сюда.

Профессор МакГонагалл сердито фыркнула.

— Ах да, конечно, все празднуют, — нетерпеливо сказала она. — Им следовало бы быть поосторожнее, но нет... даже магглы заметили, что что-то происходит. Об этом передавали в их новостях, — она кивнула в сторону тёмного окна гостиной Дёрсли. — Я сама слышала. Стаи сов... звездопад... Они ведь не совсем глупые. Они обязаны были что-то заметить. Звездопад в Кенте... готова поспорить, что это был Дедалус Диггл. Он всегда был безрассудным.

— Не стоит их винить, — спокойно сказал Дамблдор. — За одиннадцать лет у нас было не так много поводов для празднеств.

— Я знаю, — раздражённо сказала профессор МакГонагалл. — Но это не причина, чтобы терять голову. Люди совершенно беспечны, ходят по улицам посреди бела дня, даже не одевшись в маггловскую одежду, сплетничают.

Тут она резко искоса взглянула на Дамблдора, словно надеясь, что он ей что-то расскажет, но поскольку он этого не сделал, она продолжила.

— Будет просто замечательно, если в тот самый день, когда Сами-Знаете-Кто, похоже, наконец, исчез, магглы узнают о нас. Он ведь действительно исчез, Дамблдор?

— Очень похоже на то, — сказал Дамблдор. — Мы должны за многое благодарить судьбу. Не желаете лимонную шипучку?

— Что?

— Лимонную шипучку. Это маггловский леденец, который мне очень нравится...

— Нет, спасибо, — прохладно ответила профессор МакГонагалл, словно ей вовсе не казалось, что сейчас подходящее время для лимонной шипучки. — Как я говорила, даже если Сами-Знаете-Кто исчез...

— Моя дорогая профессор, наверняка, такой разумный человек как Вы сможет называть его по имени. Вся эта чепуха про «Сами-Знаете-Кого»... Одиннадцать

лет я пытался убедить людей называть его истинным именем: Волдеморт. — Профессор МакГонагалл вздрогнула, но Дамблдор, который пытался разлепить две лимонные шипучки, похоже, этого не заметил. — Это сбивает с толку, если всё время говорить «Сами-Знаете-Кто». Никогда не видел причин, чтобы бояться произносить имя Волдеморта.

— Я знаю, что Вы не видели, — сказала профессор МакГонагалл, наполовину с раздражением, наполовину с восхищением. — Но Вы — другое дело. Все знают, что Вы — единственный, кого боялся Сами-Знаете... ну ладно, Волдеморт.

— Вы мне льстите, — спокойно сказал Дамблдор. — У Волдеморта были силы, которых у меня не будет никогда.

— Лишь потому, что Вы слишком... ну... благородны, чтобы их использовать.

— Моя удача, что сейчас темно. Так сильно я не краснел с тех пор, как мадам Помфри сказала, что ей нравятся мои новые меховые наушники.

Профессор МакГонагалл бросила резкий взгляд на Дамблдора и сказала:

— Совы — ничто по сравнению со слухами, которые витают повсюду. Знаете, о чём все говорят? Почему он исчез? Что его, наконец, остановило?

Похоже, профессор МакГонагалл наконец-то затронула тему, которая её волновала и была, скорее всего, настоящей причиной, по которой она весь день прождала на холодной кирпичной ограде, потому что ни в облинии кошки, ни в облинии женщины она не смотрела на Дамблдора таким пронзительным взглядом, как сейчас.

Было ясно, что она не собиралась верить тому, что говорили «все», пока Дамблдор не скажет ей, что это было правдой. Дамблдор тем временем выбирал ещё один леденец и не отвечал.

— Говорят, — настаивала она, — что прошлой ночью Волдеморт пришёл в Годрикову Лощину. Отправился искать Поттеров. Ходят слухи, что Лили и Джеймс Поттеры... что они... мертвы.

Дамблдор кивнул. Профессор МакГонагалл ахнула.

— Лили и Джеймс... не могу поверить... я не хотела в это верить... Ах, Альбус...

Дамблдор протянул руку и тихонько похлопал её по плечу.

— Знаю... знаю... — мрачно сказал он.

Голос профессор МакГонагалл задрожал, когда она продолжила говорить.

— Это не всё. Говорят, он пытался убить сына Поттеров, Гарри. Но... не смог. Не смог убить этого маленького мальчика. Никто не знает, почему или как, но говорят, что когда он не смог убить Гарри Поттера, каким-то образом сила Волдеморта угасла... и поэтому он исчез.

Дамблдор мрачно кивнул.

— Это... это правда? — нерешительно спросила профессор МакГонагалл. — После всего, что он сделал... после всех тех людей, которых убил... он не смог убить маленького мальчика? Это просто поразительно... из всего, что могло его остановить... но как, во имя всего святого, Гарри выжил?

— Мы можем лишь догадываться, — сказал Дамблдор. — И, может быть, никогда не узнаем.

Профессор МакГонагалл достала кружевной платочек и промокнула им глаза под очками. Дамблдор глубоко вздохнул, вытащив золотые часы и сверившись с ними. Это были очень странные часы. У них было двенадцать стрелок, но цифр не было, вместо них по краю двигались маленькие планеты. Видимо, для Дамблдора это всё имело какой-то смысл, потому что он положил их обратно в карман и сказал:

— Хагрид запаздывает. Кстати, это ведь он рассказал вам, что я буду здесь?

— Да, — сказала профессор МакГонагалл. — Полагаю, вы не собираетесь рассказать мне, почему вы здесь?

— Я пришёл, чтобы отдать Гарри его тётке и дяде. Они — единственные родственники, которые у него остались.

— Вы ведь не... вы не можете говорить о людях, которые живут здесь! — закричала профессор МакГонагалл, вскакивая на ноги и указывая на дом номер четыре. — Дамблдор... вы не можете. Я наблюдала за ними весь день. Во всём мире нет двух других людей, которые были бы так на нас не похожи. А их сын... я видела, как он пинал свою мать, пока они шли по улице, крича и требуя конфет. Чтобы Гарри Поттер жил с ними!

— Для него это лучшее место, — отрезал Дамблдор. — Его тётка и дядя смогут всё ему объяснить, когда он подрастёт. Я написал им письмо.

— Письмо? — слабо повторила профессор МакГонагалл, усаживаясь обратно на ограду. — Дамблдор, вы в самом деле считаете, что сможете объяснить им всё в письме? Эти люди никогда его не поймут! Он станет знаменитостью... легендой... я не удивлюсь, если сегодняшний день в будущем станет известен как день Гарри Поттера... про Гарри напишут книги... каждый ребёнок в нашем мире будет знать его имя!

— Вот именно, — сказал Дамблдор, со всей серьёзностью смотря поверх своих очков-полумесяцев. — Этого достаточно, чтобы вскружить голову любому мальчику. Стать знаменитым, прежде чем научиться ходить и говорить! Знаменитым благодаря тому, чего он, возможно, никогда не вспомнит! Разве Вам не понятно, насколько лучше для него будет расти вдали от всего этого до тех пор, пока он не будет к этому готов?

Профессор МакГонагалл открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала, сглотнула, и лишь затем сказала:

— Да... да, разумеется, Вы правы. Но как мальчик окажется здесь, Дамблдор?

Неожиданно она оглядела его плащ, будто думала, что он прятал Гарри под ним.

— Хагрид принесёт его.

— Вы думаете это... разумно... доверять Хагриду что-то настолько важное?

— Я бы доверил Хагриду свою жизнь, — сказал Дамблдор.

— Не хочу сказать, что у него не добрая душа, — неохотно сказала профессор МакГонагалл, — но вы не можете закрывать глаза на его беспечное поведение. Он склонен... Что это было?

Низкий грохочущий звук нарушил тишину вокруг них. Он становился всё громче и громче, и они оглядели улицу в поисках его источника. Звук превратился в рёв, они оба посмотрели наверх... и огромный мотоцикл свалился с неба и приземлился на дороге перед ними.

Если мотоцикл и был огромным, то он никак не шёл в сравнение с человеком, который сидел на нём. Он был почти в два раза выше обычного человека и, по крайней мере, в пять раз шире. Он выглядел огромнее дозволенного и весьма диким: длинные космы чёрных волос и бороды почти полностью скрывали его лицо, ладони были размером с крышки от мусорного бака, а ступни в кожаных сапогах размером напоминали детёнышей дельфинов. В своих огромных мускулистых руках он держал свёрток из одеяла.

— Хагрид, — сказал Дамблдор с облегчением. — Наконец-то. И где же ты взял этот мотоцикл?

— Позаимствовал, профессор Дамблдор, сэ, — ответил гигант, аккуратно слезая с мотоцикла. — Юный Сириус Блэк одолжил мне его. Он у меня, сэ.

— Проблем не возникло?

— Нет, сэ... дом почти разрушен, но я забрал его, прежде чем вокруг начали толпиться магглы. Он уснул, когда мы пролетали над Бристолем.

Дамблдор и профессор МакГонагалл склонились над свёртком. Внутри было едва видно мальчика-младенца, который крепко спал. Под чубчиком совершенно чёрных волос на его лбу виднелся порез любопытной формы: словно вспышка молнии.

— Это то место, куда?.. — прошептала профессор МакГонагалл.

— Да, — сказал Дамблдор. — Этот шрам останется у него навсегда.

— Разве вы не можете с ним ничего сделать, Дамблдор?

— Даже если бы мог, то не стал бы. Шрамы могут быть полезными. У меня самого есть один над левой коленкой в виде превосходной карты лондонского метро. Что ж... дай-ка его, Хагрид... пора заканчивать.

Дамблдор взял Гарри на руки и повернулся к дому Дёрсли.

— Можно мне... попрощаться с ним, сэр? — спросил Хагрид. Он склонил свою огромную лохматую голову над Гарри и наградил его, наверное, весьма колючим поцелуем. Затем неожиданно Хагрид взвыл, словно раненая собака.

— Тихо, — зашипела на него профессор МакГонагалл, — ты разбудишь магглов!

— П-п-простите, — рыдал Хагрид, доставая большой платок в горошек и зарываясь в него лицом. — Но я не могу этого вынести... Лили и Джеймс мертвы... а бедному маленькому Гарри придётся жить с магглами...

— Да, да, это всё очень печально, но возьми себя в руки, Хагрид, иначе нас обнаружат, — прошептала профессор МакГонагалл, осторожно хлопая Хагрида по руке, пока Дамблдор переступал через низкую садовую ограду и подходил к входной двери. Он осторожно опустил Гарри на крыльцо, достал письмо из кармана плаща, положил его в одеяльце Гарри, а затем вернулся к остальным. Целую минуту они стояли втроём и смотрели на маленький свёрток. Плечи Хагрида тряслись, профессор МакГонагалл быстро моргала, а мерцающий огонёк, который обычно сиял в глазах Дамблдора, похоже, погас.

— Что ж, — наконец сказал Дамблдор, — вот и всё. Нам больше незачем здесь оставаться. Мы тоже можем присоединиться к празднованию.

— Да, — сказал Хагрид очень приглушённым голосом, — увезу-ка я лучше этот мотоцикл. Доброй ночи, профессор МакГонагалл... профессор Дамблдор, сэр.

Вытирая слезящиеся глаза рукавом куртки, Хагрид взгромоздился на мотоцикл и завёл мотор. С рёвом он поднялся в воздух и скрылся в ночи.

— Полагаю, мы скоро увидимся, профессор МакГонагалл, — сказал Дамблдор, кивая ей. Профессор МакГонагалл высморкалась в ответ.

Дамблдор развернулся и пошёл обратно вдоль улицы. Он остановился на углу и достал серебряную Выключалку, щёлкнул ей, и двенадцать шариков света поспешили обратно к своим фонарям так быстро, что неожиданно Привит Драйв засияла оранжевым светом, и он мог различить полосатую кошку, которая прошмыгнула за угол на другом конце улицы. А ещё ему был едва виден свёрток на пороге дома номер четыре.

— Удачи, Гарри, — пробормотал он, повернулся на месте и со взмахом плаща исчез.

Лёгкий ветерок взъерошил живые изгороди тихой и аккуратной Привит Драйв, которая была последним местом, где можно было ожидать чего-то необычного. Гарри Поттер перевернулся под одеялом, но не проснулся. Маленькая ручка легла на письмо рядом с ним, и он продолжал спать, не зная, что он особенный, не зная, что он знаменит, не зная, что через несколько часов его разбудит вопль миссис Дёрсли, когда она откроет входную дверь, чтобы выставить бутылки из-под молока, и что следующие несколько недель его будет толкать и шипать его двоюродный брат Дадли... Он не мог знать, что в тот самый момент по всей стране люди, собравшиеся тайно, поднимали бокалы и произносили приглушёнными голосами:

— За Гарри Поттера — Мальчика, который выжил!

Глава вторая. Исчезнувшее стекло

Почти десять лет минуло с тех пор, как, проснувшись, Дёрсли обнаружили на своём крыльце собственного племянника, однако улица Привит Драйв практически не изменилась. Солнце вставало всё над теми же аккуратными садиками и ярко отражалось в медной цифре четыре на парадной двери дома Дёрсли. Оно прокралось в их гостиную, которая оставалась почти такой же, какой была в тот вечер, когда мистер Дёрсли увидел тот роковой репортаж о совах. И лишь фотографии на каминной полке позволяли увидеть, сколько времени прошло на самом деле. Десять лет назад здесь было множество снимков кого-то, очень напоминавшего огромный розовый надувной мяч в разноцветных детских чепчиках, но Дадли Дёрсли уже вырос, и теперь на фото был изображён крупный светловолосый мальчик, впервые севший на велосипед, катающийся на ярмарочной карусели, играющий в компьютерную игру с отцом, обнимаемый и целуемый своей матерью. В комнате не было ни единого признака того, что в доме живёт ещё один мальчик.

Несмотря на это, Гарри всё ещё жил здесь и в настоящий момент спал. Впрочем, спать ему оставалось совсем недолго. Тётя Петунья уже проснулась, и её резкий голос стал первым звуком наступающего дня.

— Вставай! Поднимайся! Сейчас же!

Гарри вздрогнул и проснулся. Тётя снова забарабанила в дверь.

— Вставай! — пронзительно крикнула она. Гарри услышал, как она направилась в кухню, а затем как сковородку поставили на плиту. Он перевернулся на спину и попытался вспомнить сон, который только что видел. Это был хороший сон. В нём был летающий мотоцикл. У него было странное чувство, словно ему это когда-то уже снилось.

Его тётя снова оказалась у двери.

— Ты уже встал? — настойчиво спросила она.

— Почти, — ответил Гарри.

— Давай живее, я хочу, чтобы ты последил за беконом. И смотри, чтобы он не пригорел. Я хочу, чтобы в день рождения Дадли всё было идеально.

Гарри простонал.

— Что ты сказал? — резко спросила тётя через дверь.

— Ничего, ничего...

День рождения Дадли... как он мог забыть? Гарри медленно поднялся с кровати и принялся искать свои носки. Он нашёл парочку под кроватью и, сняв паука с одного из носков, надел их. Гарри привык к паукам, потому что в чулане под лестницей их было полно, а именно там он спал.

Одевшись, он прошёл по коридору на кухню. Почти весь стол был заставлен подарками для Дадли. Похоже, Дадли подарили новый компьютер, который он хотел, не говоря уже о втором телевизоре и гоночном велосипеде. Зачем же Дадли понадобился гоночный велосипед, для Гарри оставалось загадкой, поскольку Дадли был очень толстым и терпеть не мог физические упражнения...

если, конечно, не хотел почесать об кого-нибудь кулаки. Любимой боксёрской грушей Дадли был Гарри, но ему не так часто удавалось того догнать. С виду не скажешь, но Гарри очень быстро бегал.

Возможно, из-за того, что он жил в тёмном чулане, Гарри всегда был очень маленьким и щуплым для своих лет. И он выглядел ещё более маленьким и щуплым, чем был на самом деле, потому что ему приходилось донашивать старую одежду Дадли, а Дадли был раза в четыре больше него. У Гарри было узкое лицо, острые коленки, чёрные волосы и ярко-зелёные глаза. Он носил очки в круглой оправе, половинки которых были скреплены толстым слоем скотча из-за того, что Дадли часто бил его в нос. Единственным, что Гарри нравилось в его внешности, был очень тонкий шрам в виде молнии на лбу. Этот шрам был у него, сколько он себя помнил, и первый вопрос на его памяти, заданный тёте Петунии, был о том, как он получил этот шрам.

— В автомобильной катастрофе, в которой погибли твои родители, — ответила она. — И не задавай вопросов.

Не задавать вопросов — это было первое правило, обеспечивающее спокойную жизнь вместе с семьёй Дёрсли.

Дядя Вернон вошёл в кухню в тот момент, когда Гарри переворачивал бекон.

— Причешись! — рявкнул он в качестве утреннего приветствия.

Приблизительно раз в неделю дядя Вернон, глянув поверх своей газеты на Гарри, кричал, что тому нужно подстричься. Гарри, должно быть, стригся чаще, чем остальные мальчики в его классе вместе взятые, но от этого было мало толку, так уж росли его волосы — во все стороны.

Гарри уже готовил яичницу, когда на кухню вместе с матерью вошёл Дадли. Он чрезвычайно походил на дядю Вернона. У него было большое розовое лицо, почти отсутствовала шея, были маленькие бледно-голубые глазки и густые светлые волосы, прилизанные к тупой жирной голове. Тётя Петуния часто повторяла, что Дадли похож на маленького ангелочка. Гарри часто повторял, что Дадли похож на бекон с шиньоном.

Гарри расставил тарелки с яичницей и беконом на столе, что было довольно сложно, поскольку на нём почти не было места. Тем временем Дадли пересчитывал подарки. Его лицо вытянулось.

— Тридцать шесть, — сказал он, посмотрев на отца и мать. — На два меньше, чем в прошлом году.

— Дорогой, ты не посчитал подарок тётушки Мардж. Посмотри, он под этой большой коробкой от мамы и папы.

— Ну ладно, тридцать семь, — сказал Дадли, багровея. Гарри, понимая, что у Дадли вот-вот начнётся истерика, принялся со всей скоростью, на которую был способен, уплетать бекон на случай, если Дадли перевернёт стол.

Тётя Петуния, очевидно, тоже почуяв опасность, быстро сказала:

— И мы купим тебе ещё два подарка, когда пойдём сегодня на прогулку. Как тебе такое, маленький? Ещё два подарка. Хорошо?

Дадли задумался. С виду это давалось ему с большим трудом. Наконец, он медленно произнёс:

— Это тогда будет тридцать... тридцать...

— Тридцать девять, сладенький, — сказала тётя Петунья.

— А, — сказал Дадли. Он тяжело плюхнулся на стул и взял ближайший свёрток. — Тогда ладно.

Дядя Вернон усмехнулся:

— Шалунишка знает себе цену — весь в отца. Молодчина, Дадли! — он взъерошил Дадли волосы.

В этот момент зазвонил телефон, и тётя Петунья пошла ответить, а Гарри и дядя Вернон, тем временем, наблюдали за тем, как Дадли разворачивает свой гоночный велосипед, видеокамеру, радиоуправляемый самолёт, шестнадцать новых компьютерных игр и видеомаягнитофон. Он сдирал упаковку с золотых наручных часов, когда после телефонного разговора вернулась тётя Петунья, которая выглядела одновременно сердитой и обеспокоенной.

— Плохие новости, Вернон, — сказала она. — Миссис Фигг сломала ногу и не сможет посидеть с ним, — она кивнула в сторону Гарри.

Дадли в ужасе открыл рот, но у Гарри ёкнуло сердце. Каждый год в день рождения Дадли родители вместе с ним и с кем-нибудь из его друзей на весь день отправлялись в парк развлечений, поест гамбургеров или сходить в кино. И каждый раз Гарри оставляли под присмотром миссис Фигг, ненормальной старухи, жившей через две улицы от дома Дёрсли. Гарри ненавидел бывать у неё. Весь дом пропах капустой, а миссис Фигг заставляла его рассматривать фотографии всех кошек, которые когда-либо у неё жили.

— Ну и что теперь? — спросила тётя Петунья, гневно глядя на Гарри, будто это были его происки. Гарри знал, что должен сочувствовать по поводу сломанной ноги миссис Фигг, но это было непросто, когда он подумал, что встреча с Тибблсом, Снежком, мистером Лапкой и Хохолком откладывается аж на целый год.

— Мы можем позвонить Мардж, — предложил дядя Вернон.

— Не глупи, Вернон, она терпеть не может мальчишку.

Дёрсли часто вот так разговаривали о Гарри — будто его не было рядом, или же, словно он был чем-то отвратительным и не способным их понять, вроде слизняка.

— Ну а как насчёт... как там её... ну твоей подруги — Ивонны?

— Она отдыхает на Майорке, — отрезала тётя Петунья.

– Можете просто оставить меня здесь, – с надеждой сказал Гарри (тогда он сможет посмотреть по телевизору всё, что захочет и, возможно, даже поиграет на компьютере Дадли).

Выражение лица тётки Петунии было таким, будто она проглотила лимон.

– А потом вернуться и обнаружить руины вместо дома? – огрызнулась она.

– Я не взорву дом, – сказал Гарри, но его не слушали.

– Я думаю, мы могли бы взять его в зоопарк, – медленно проговорила тётка Петуния, – и оставить в машине...

– Машина новая, я в ней его одного не оставлю...

Дадли принялся громко рыдать. На самом деле, он, конечно, не плакал – прошло уже много лет с тех пор, когда он плакал по-настоящему – просто он знал, что если как следует скорчить физиономию и завывать, мамочка сделает для него всё, что он пожелает.

– Мой маленький Дадличек, не надо плакать, мамуля не позволит ему испортить тебе праздник! – закричала она, обхватывая сына руками.

– Я... н-не хочу... чтобы... он... ехал... с-с н-на-ами! – заорал Дадли, издавая громкие притворные всхлипы после каждого слова. – Он всегда в-всё портит! – и он ехидно ухмыльнулся Гарри из-под руки матери.

В этот момент в дверь позвонили.

– О, Господи, они уже здесь! – в отчаянии воскликнула тётка Петуния... и мгновение спустя лучший друг Дадли, Пирс Полкисс, в сопровождении своей матери вошёл в комнату. Пирс был костлявым мальчиком с лицом, похожим на крысиную морду. Обычно именно он держал за спиной руки людей, пока Дадли их колотил. Дадли сразу же перестал притворяться, что плачет.

Через полчаса, Гарри, не веря в свою удачу, сидел на заднем сидении автомобиля Дёрсли вместе с Пирсом и Дадли на пути в зоопарк, где он раньше никогда не был. Тётка и дядя так и не смогли придумать, что с ним делать. Но перед уходом дядя Вернон отвёл Гарри в сторону.

– Предупреждаю тебя, – сказал он, приблизив своё багровое лицо к самому лицу Гарри. – Предупреждаю тебя заранее, парень, – какая-нибудь из твоих штучек, что угодно – и ты до Рождества не выйдешь из своего чулана.

– Я не собираюсь ничего делать, – пообещал Гарри, – честно...

Но дядя не поверил ему. Ему никто никогда не верил.

Проблема заключалась в том, что вокруг Гарри часто происходили странные вещи, и было бесполезно объяснять Дёрсли, что он тут ни при чём.

Однажды тётка Петуния, которой надоело, что из парикмахерской Гарри возвращается в таком виде, будто вовсе там не был, взяла кухонные ножницы

и подстригла его почти наголо, оставив только чёлку для того, чтобы, как она сказала, «скрыть этот ужасный шрам». Дадли смеялся над Гарри до упаду, а тот провёл всю ночь без сна, представляя завтрашний день в школе, где над ним и без того подшучивали из-за его мешковатой одежды и склеенных скотчем очков. Однако на следующее утро он обнаружил, что его причёска вновь стала прежней, какой была до того, как тётя Петуния его остригла. Из-за этого его на целую неделю заточили в чулане, несмотря на то, что он пытался объяснить, что не может объяснить, как его волосы отросли так быстро.

В другой раз тётя хотела вырядить его в отвратительный старый свитер Дадли (коричневый с оранжевыми помпонами) — и чем настойчивее она пыталась натянуть его на голову Гарри, тем меньше становился свитер, пока не стал таким маленьким, что его можно было надеть разве что на куклу, но никак не на Гарри. Тётя Петуния решила, что свитер сел во время стирки, и, к большому облегчению Гарри, его не наказали.

С другой стороны, однажды у Гарри возникли большие неприятности, когда его нашли на крыше школьной кухни. Как обычно, шайка Дадли гонялась за ним, как вдруг ко всеобщему удивлению, и к удивлению Гарри в том числе, он оказался сидящим на вытяжной трубе. Дёрсли получили гневное письмо от директрисы Гарри, в котором она уведомляла, что он лазает по школьным зданиям. Но всё, что он попытался сделать (как он кричал через закрытую дверь чулана дяде Вернону) — это прыгнуть за большие мусорные баки возле кухонных дверей. Гарри предположил, что во время прыжка его подхватил ветер.

Но сегодня ничего плохого не предвиделось. Провести весь день где-нибудь ещё, кроме школы, чулана или пропахшей капустой гостиной миссис Фигг, — это стоило того, чтобы терпеть общество Дадли и Пирса.

По дороге дядя Вернон жаловался тёте Петунии. Он вообще любил жаловаться: на людей, с которыми работал; на Гарри; на Совет; на Гарри; на банк; опять на Гарри — и это было лишь несколько из его любимых объектов жалоб. Тем утром это были мотоциклы.

— ...носятся как маньяки, хулиганье, — сказал он, когда их обогнал какой-то мотоцикл.

— Мне приснился сон про мотоцикл, — неожиданно вспомнив, сказал Гарри. — Он летал.

Дядя Вернон чуть не врезался во впереди едущий автомобиль. Развернувшись всем телом на сидении, он закричал на Гарри, а его лицо напоминало огромную свёклу с усами:

— МОТОЦИКЛЫ НЕ ЛЕТАЮТ!

Дадли и Пирс хихикнули.

— Я знаю, что не летают, — ответил Гарри. — Это был всего лишь сон.

Он пожалел, что заговорил. Если и было что-то, что Дёрсли ненавидели ещё сильнее, чем вопросы, которые он задавал, так это разговоры обо всём, что

происходило не так, как должно происходить, и неважно, был ли это сон или даже мультфильм – казалось, они боялись, что у него появятся опасные мысли.

Выдался очень солнечный субботний денёк, и в зоопарке было полно людей, гуляющих семьями. На входе Дёрсли купили Дадли и Пирсу по большому шоколадному мороженому и потом, когда улыбающаяся продавщица успела спросить у Гарри, что он желает прежде, чем его успели оттащить от киоска, им пришлось раскошелиться на дешёвый фруктовый лёд со вкусом лимона. Гарри решил, что мороженое было вполне сносным, облизывая его и глядя на скребущую затылок гориллу, удивительно похожую на Дадли, если не считать того, что последний был блондином.

Давно у Гарри не было такого замечательного утра. Он осторожно держался немного поодаль от Дёрсли, чтобы Дадли и Пирс, которым ближе к обеду начинали надоедать животные, не могли вернуться к своему любимому занятию – его избиению. Они поели в ресторане зоопарка, а когда Дадли разразился истерикой по поводу того, что его порция мороженого "Knickerbocker Glory" слишком маленькая, и дядя Вернон купил ему ещё одну, Гарри было позволено доесть первую.

Уже потом Гарри подумал, что мог бы и догадаться, что всё это было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго.

После обеда они отправились в террариум. Там было прохладно и темно, вдоль стен тянулись освещённые витрины. За стеклом между брёвнами и камнями ползали и извивались всевозможные змеи и ящерицы. Дадли и Пирсу хотелось посмотреть на больших ядовитых кобр и огромных, способных задушить человека, питонов. Дадли быстро нашёл самую большую змею в террариуме. Она могла дважды обмотаться вокруг машины дяди Вернона и смять её до размеров мусорного бака... только в настоящий момент она была не в том настроении. Точнее, она крепко спала.

Дадли прижался носом к стеклу и уставился на блестящие коричневые кольца.

– Пусть она поползает, – жалобно хныкнул он, обращаясь к отцу. Дядя Вернон легонько стукнул по стеклу, но змея не шевельнулась.

– Ещё раз, – приказал Дадли. Дядя Вернон сильнее постучал костяшками пальцев, но змея продолжала спать.

– Скучотища, – простонал Дадли, и шаркающей походкой пошёл прочь.

Гарри встал напротив вольера и внимательно посмотрел на змею. Он бы не удивился, узнав, что та умерла от скуки – никакой компании, кроме глупых людей, целый день нарушающих её покой, стуча по стеклу. Это было даже хуже, чем иметь в качестве спальни чулан, единственным визитёром которого является тётя Петунья, тарабанящая в дверь, чтобы тебя разбудить – по крайней мере, он мог передвигаться по всему дому.

Змея вдруг открыла свои похожие на бусинки глаза. Медленно, очень медленно, она подняла голову, пока её глаза не оказались напротив глаз Гарри.

Она подмигнула.

Гарри уставился на неё. Затем он быстро огляделся по сторонам, чтобы проверить, смотрит ли кто-нибудь сюда или нет. Никто не смотрел. Он снова взглянул на змею и тоже подмигнул.

Змея мотнула головой в сторону дяди Вернона и Дадли и потом подняла глаза к потолку. Взгляд её очень красноречиво говорил Гарри «И так всё время».

— Я знаю, — прошептал Гарри через стекло, хотя не был уверен, что змея его услышит. — Это, наверное, жутко раздражает.

Змея энергично закивала.

— А откуда вы? — спросил Гарри.

Змея ткнула хвостом в маленькую табличку рядом со стеклом. Гарри присмотрелся:

«Боа-констриктор, Бразилия»

— Там было здорово?

Боа-констриктор снова ткнул хвостом в табличку, и Гарри прочёл:

«Этот экземпляр был выведен в зоопарке»

— А, понятно... так вы никогда не были в Бразилии?

Едва змея покачала головой, как вдруг позади Гарри раздался оглушительный крик, от которого они оба подпрыгнули.

— ДАДЛИ! МИСТЕР ДЁРСЛИ! ПОСМОТРИТЕ НА ЭТУ ЗМЕЮ! ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, ЧТО ОНА ДЕЛАЕТ!

Дадли раскачивающейся походкой направлялся к ним со всей быстротой, на какую был способен.

— Эй ты, прочь с дороги! — сказал он, ударив Гарри в рёбра. От неожиданности Гарри с размаху упал на бетонный пол. Дальше события развивались с такой быстротой, что никто не увидел, как это произошло — Только что Пирс и Дадли стояли, уткнувшись носами в стекло, а в следующую секунду с воплями ужаса шарахнулись назад.

Гарри сел прямо и ахнул: стекло вольера боа-констриктора исчезло. Огромная змея, стремительно развёртывая кольца, выползала на пол. Люди по всему террариуму завопили и побежали к выходу. Гарри мог поклясться, что услышал, как змея, быстро проползая мимо него, сказала низким шипящим голосом:

— Бразилия, жди меня... С-с-спас-с-сибо, амиго.

Смотритель террариума был в шоке.

– Но стекло, – не прекращал повторять он, – куда подевалось стекло?

Директор зоопарка, рассыпаясь в извинениях, лично приготовил для тётки Петунии чашку крепкого сладкого чая. Пирс и Дадли были способны только на невнятное, нечленораздельное бормотание. Исходя из того, что видел Гарри, змея не сделала ничего, кроме как играючи стукнула их хвостом по пяткам, когда проползала мимо, однако к тому времени, когда все они вернулись в машину дяди Вернона, Дадли уже рассказывал, как она чуть было не откусила ему ногу, а Пирс клялся, что она пыталась его задушить. Но хуже всего, по крайней мере, для Гарри, было то, что Пирс успокоился настолько, что смог сказать:

– А Гарри разговаривал с ней, правда, Гарри?

Дядя Вернон дождался, пока Пирс, наконец, не пошёл домой, после чего накинулся на Гарри. Но он был столь зол, что с трудом мог говорить. Он смог выдавить из себя:

– Иди... чулан... не выходить... без еды! – прежде чем рухнул в кресло, а тётке Петунии пришлось сбежать для него за большим бокалом бренди.

Много позже Гарри лежал в тёмном чулане, мечтая о часах. Он не знал, который сейчас был час, и не был уверен, улеглись ли уже Дёрсли, или нет. Пока они не уснут, было слишком рискованно прокрадываться в кухню, чтобы раздобыть немного еды.

Он прожил с Дёрсли почти десять лет, десять несчастных лет, сколько себя помнил, с тех пор, когда был ещё совсем маленьким ребёнком, и его родители погибли в автокатастрофе. Он не помнил, что он был в машине, когда погибли его родители. Иногда, когда он долгими часами, сидя в чулане, напрягал свою память, его посещало странное видение: ослепительная вспышка зелёного цвета и жгучая боль во лбу. Он предполагал, что это было воспоминание об аварии, однако никак не мог взять в толк, откуда могла взятая зелёная вспышка. Он совершенно не помнил своих родителей. Тётя и дядя никогда ему о них не рассказывали, и, разумеется, ему не позволено было задавать им вопросы. В доме не было ни одной их фотографии.

Когда Гарри был помладше, он постоянно мечтал о том, что объявятся какие-нибудь неизвестные родственники и заберут его отсюда, но этого так и не произошло, и Дёрсли оставались его единственной семьёй. Но до сих пор иногда ему казалось (или он просто надеялся на это), что незнакомые люди на улице знают его. И это были очень странные незнакомцы. Крошечный мужчина в фиолетовом цилиндре однажды поклонился ему, когда он вместе с Дадли и тёткой Петунией отправился за покупками. Гневно спросив, знает ли он этого мужчину, тётя в спешке вытащила их из магазина, так ничего и не купив. А как-то раз дикого вида старушка, одетая во всё зелёное, радостно помахала ему рукой в автобусе. А на днях лысый незнакомец в очень длинном пурпурном плаще пожал ему руку на улице и ушёл, не сказав ни слова. Но самое необычное во всех этих людях было то, что они, казалось, просто исчезали, как только Гарри пытался рассмотреть их получше.

В школе у Гарри не было друзей. Все знали, что банда Дадли ненавидела странного Гарри Поттера в его мешковатой старой одежде и в склеенных скотчем очках, а спорить с шайкой Дадли никому не хотелось.

Глава третья. Письма из ниоткуда

Побег бразильского боа-констриктора стоил Гарри самого долгого на его памяти наказания. К тому времени, когда ему позволили снова выйти из чулана, наступили летние каникулы, и Дадли уже успел сломать свою новую видеокамеру, разбить радиоуправляемый самолёт и, впервые сев на гоночный велосипед, сбить переходившую на костылях через Привит Драйв миссис Фигг.

Гарри был рад, что школа закончилась, но ему некуда было деваться от банды Дадли, которая появлялась в доме каждый божий день. Все они — Пирс, Деннис, Малькольм и Гордон — были рослыми и тупыми, но Дадли среди них был самым здоровым и самым тупым, поэтому считался лидером. Его дружки с радостью присоединялись к любимому виду спорта Дадли — Охоте на Гарри.

По этой причине Гарри как можно больше времени проводил вне дома, слоняясь по окрестностям и думая об окончании каникул, несшим с собой слабый лучик надежды. В сентябре он должен был пойти в среднюю школу, впервые в своей жизни без Дадли, который был зачислен в частную школу Смелтингс, где когда-то учился дядя Вернон. Пирс Полкисс собирался учиться там же. Гарри же записали в Стоунволл Хай, местную государственную школу, что Дадли находил чрезвычайно забавным.

— В первый день учёбы в Стоунволле учеников окунают головой в унитаз, — сообщил он Гарри. — Не хочешь подняться наверх и потренироваться?

— Нет, спасибо, — ответил Гарри. — В бедный унитаз никогда не погружалось ничего ужаснее твоей головы.. его может стошнить.

Сказав это, он пустился наутёк раньше, чем до Дадли дошёл смысл сказанного.

Одним июльским днём тётя Петунья вместе с Дадли отправилась в Лондон покупать для него форменную одежду, которую носили ученики Смелтингс, оставив Гарри под присмотром миссис Фигг. У неё было не так ужасно, как обычно. Оказалось, что миссис Фигг сломала ногу, споткнувшись об одну из своих кошек, и, похоже, её любовь к ним слегка поостыла. Она позволила Гарри смотреть телевизор и угостила кусочком шоколадного кекса, который на вкус был таким, будто ему было несколько лет.

Вечером этого дня Дадли щеголял по гостинной в своей новенькой школьной форме перед семьёй. Мальчики в Смелтингс носили коричнево-малиновые фраки, оранжевые бриджи и плоские соломенные шляпы под названием «канотье». Кроме того, им полагалось носить узловатую трость, предназначенную для того, чтобы лупить друг друга, пока не смотрели учителя. Это, видимо, должно было служить отличной тренировкой на будущее.

Глядя на Дадли в его новых бриджах, дядя Вернон хриплым голосом признался, что это самый торжественный момент в его жизни. Тётя Петунья разрыдалась и сказала, что не может поверить, что это её Сладенький Дадличек — таким красивым и взрослым он выглядел. Гарри не решился ничего

сказать. Он и так боялся, что, наверное, сломал пару ребер, сдерживая хохот.

Когда на следующее утро Гарри вышел к завтраку, на кухне стоял отвратительный запах. Похоже, он исходил из большого металлического корыта, стоявшего в раковине. Он подошёл поближе, чтобы взглянуть. Корыто содержало в себе нечто, напоминавшее грязные лохмотья, плавающие в серой воде.

— Что это? — спросил он у тётки Петунии. Она поджала губы, как обычно делала, когда он осмеливался задать вопрос.

— Твоя новая школьная форма, — ответила она.

Гарри ещё раз заглянул в корыто.

— А, — сказал он, — не знал, что она должна быть такой мокрой.

— Не придуривайся, — резко сказала тётка Петунья. — Я перекрашиваю кое-какую старую одежду Дадли в серый цвет. После этого она будет такой же, как у всех.

Гарри сильно в этом сомневался, однако решил, что лучше не спорить. Он сел за стол и попытался не думать о том, как он будет выглядеть, когда появится в Стоунуолл Хай в первый день учёбы — скорее всего, так, будто напялил куски старой слоновьей шкуры.

Морща носы от запаха, исходящего новой школьной формой Гарри, вошли Дадли и дядя Вернон. Дядя Вернон, как обычно, раскрыл газету, а Дадли со стуком положил на стол свою школьную трость, которую теперь повсюду таскал с собой.

Раздался щелчок заслонки почтовой прорези в двери и на коврик шлёпнулись письма.

— Принеси почту, Дадли, — сказал дядя Вернон из-за газеты.

— Пусть Гарри принесёт.

— Гарри, принеси почту.

— Пусть Дадли принесёт.

— Ткни в него своей тростью, Дадли.

Гарри увернулся от трости и пошёл за почтой. На коврике лежало три письма: открытка от Мардж, сестры дяди Вернона, отдохавшей на острове Уайт, коричневый конверт, судя по всему, со счетами, и... письмо для Гарри.

Он поднял конверт и уставился на него, сердце в его груди звенело, как огромная упругая струна. Никто никогда в его жизни не писал ему писем. Да и кто бы ему писал? У него не было ни друзей, ни других родственников, он даже не был записан в библиотеке, откуда ему могли прислать требование о

возврате книг. Но вот оно, письмо, вне всяких сомнений, адресованное именно ему:
Мистеру Г. Поттеру

Чулан под лестницей,
дом 4, Привит Драйв,
Литтл Уинджинг
Суррей

Конверт был толстым и тяжёлым, из желтоватого пергамента, а адрес был написан изумрудно-зелёными чернилами. Марки не было.

Перевернув его трясущимися руками, Гарри увидел на обратной стороне багровую сургучную печать с гербом: лев, орёл, барсук и змея окружали большую букву «Х».

— Быстрее, парень! — крикнул дядя Вернон из кухни. — Что ты там делаешь? Проверяешь, нет ли в письмах бомбы? — и он усмехнулся собственной шутке.

Гарри вернулся в кухню, всё ещё глядя на своё письмо. Он отдал дяде Вернону счета и открытку, сел и медленно начал открывать жёлтый конверт.

Дядя Вернон вскрыл счета, недовольно фыркнул и перевернул открытку.

— Мардж заболела, — сообщил он тётке Петунии. — Съела какую-то странную улитку...

— Пап! — вдруг сказал Дадли. — Пап, Гарри что-то пришло!

Гарри уже собирался развернуть письмо, написанное на таком же тяжёлом листе пергамента, как тот, из которого был сделан конверт, но дядя Вернон грубо выдернул его у него из рук.

— Это моё! — крикнул Гарри, пытаясь выхватить письмо.

— Да кто тебе будет писать? — презрительно усмехнулся дядя Вернон. Держа письмо в одной руке, он потряхнул его, чтобы оно развернулось, и быстро взглянул на текст. Его лицо превратилось из красного в зелёное быстрее, чем переключается свет у светофора. Но на этом дело не закончилось. Очень скоро оно стало серовато-белым, как засохшая овсяная каша.

— П-П-Петуния! — ахнул он.

Дадли попытался схватить и прочитать письмо, но дядя Вернон поднял его высоко над головой, чтобы тот не мог достать. Тётя Петуния с любопытством взяла пергамент и прочла первую строчку. Сначала она выглядела так, будто готова была упасть в обморок, потом схватилась за горло и захрипела, словно от удушья.

— Вернон! О, Господи... Вернон!

Они уставились друг на друга, будто забыв о присутствующих в комнате Гарри и Дадли. Дадли, не привыкший к тому, что на него не обращают внимания, резко стукнул отца своей палкой по голове.

— Я хочу прочитать письмо, — громко заявил он.

— Нет, это я хочу его прочитать! — гневно воскликнул Гарри. — Оно же моё!

— Выметайтесь, вы, оба! — прохрипел дядя Вернон, запихивая письмо обратно в конверт.

Гарри не сдвинулся с места.

— ОТДАЙТЕ МНЕ МОЁ ПИСЬМО! — заорал он.

— Дайте мне его посмотреть! — потребовал Дадли.

— ВОН! — заревел Вернон и, схватив Гарри и Дадли за шиворот, вытолкнул их в прихожую, захлопнув за ними дверь кухни. В результате ожесточённой, но молчаливой борьбы за право подслушивать через замочную скважину победил Дадли, поэтому Гарри с болтающимися на одном ухе очками лег на живот, чтобы подслушивать через щель под дверью.

— Вернон, — говорила тётя Петунья дрожащим голосом, — посмотри на адрес. Откуда они могли узнать, где он спит? Думаешь, за домом наблюдают?

— Наблюдают... шпионят... возможно, следят за нами, — исступленно пробормотал дядя Вернон.

— И что же нам делать, Вернон? Может, нам следует написать ответ? Сказать им, что мы не хотим...

Гарри видел, как блестящие чёрные ботинки дяди Вернона вышагивают по кухне взад и вперед.

— Нет, — наконец, сказал он. — Нет, мы просто их проигнорируем. Если они не дождутся ответа... Да, так будет лучше всего... мы ничего не будем делать...

— Но...

— У меня никого подобного в доме не будет, Петунья! Разве, когда мы взяли его, мы не поклялись, что избавимся от этой опасной ереси?

Этим вечером, вернувшись домой с работы, дядя Вернон сделал то, чего раньше никогда не делал: он пришёл в чулан к Гарри.

— Где моё письмо? — спросил Гарри, как только дядя протиснулся в дверь. — Кто мне его написал?

— Никто. Ошиблись адресом, — коротко ответил Вернон. — Я его сжёг.

— Не было никакой ошибки, — сердито сказал Гарри, — в адресе был указан мой чулан.

— МОЛЧАТЬ! — завопил дядя Вернон так, что с потолка свалилась парочка пауков. Сделав несколько глубоких вздохов, он заставил свое лицо расплыться в улыбке, что, впрочем, выглядело довольно болезненно.

— Эээ... да, Гарри... по поводу чулана. Мы с твоей тётёй тут подумали... ты становишься слишком велик для него... мы решили, что было бы неплохо, если бы ты переселился во вторую спальню Дадли.

— Зачем?

— Не задавай вопросов! — отрезал дядя. — Бери свои манатки и поднимайся наверх, сейчас же!

В доме Дёрсли было четыре спальни: одна — дяди Вернона и тётёи Петунии; другая — для гостей (в ней обычно останавливалась Мардж, сестра дяди); в третьей спал Дадли; а в четвёртой хранились его игрушки и вещи, которые не вместились в его первую спальню. Гарри понадобился только один заход, чтобы перенести всё своё имущество из чулана в четвёртую спальню. Он присел на кровать и осмотрелся. Почти всё, что здесь находилось, было сломано. Купленная всего месяц назад видеокамера лежала на маленьком игрушечном танке, которым Дадли как-то раз переехал соседскую собаку; в углу стоял первый телевизор Дадли, который он разбил ногой, когда отменили показ его любимой передачи; здесь же находилась большая птичья клетка, в которой когда-то жил попугай, но Дадли обменял его в школе на настоящее пневматическое ружьё, лежавшее теперь на полке с погнутым дулом, потому что Дадли как-то на него сел. Другие полки были заняты множеством книг. И только они здесь выглядели новыми и нетронутыми.

Снизу послышались вопли Дадли, оравшего во всю глотку на свою мать:

— Я не хочу, чтобы он там жил... Мне нужна эта комната... Пусть он уберётся оттуда...

Гарри вздохнул и вытянулся на кровати. Накануне он отдал бы всё, чтобы оказаться здесь. Но сегодня он предпочёл бы остаться в своём чулане, но с письмом, чем здесь — без него.

На следующее утро за завтраком все молчали. Дадли пребывал в шоке. Накануне он кричал, лупил отца своей школьной палкой, делал вид, что его тошнит, пинал мать и кинул свою черепаху сквозь крышу оранжереи, но так и не получил свою комнату обратно. Гарри думал о прошлом утре и горько сожалел, что не вскрыл письмо в прихожей. Дядя Вернон и тётёя Петуния обменивались мрачными взглядами.

Когда принесли почту, дядя, который, казалось, старался вести себя добродетельно по отношению к Гарри, послал за ней Дадли. Было слышно, как тот стучал в коридоре палкой по всему, что попадалось у него на пути. Затем он закричал:

— Ещё одно! «Мистеру Г. Поттеру, Самая маленькая спальня, дом 4, Привит Драйв»...

Издав сдавленный крик, дядя Вернон вскочил со стула и помчался в прихожую, а Гарри преследовал его по пятам. Дяде пришлось повалить Дадли на пол, чтобы отобрать у него письмо, что было немного затруднительно, поскольку Гарри наскочил на него сзади и повис на шее. После минуты беспорядочной борьбы, в которой каждому досталось множество ударов

школьной палкой, дядя Вернон выпрямился, с трудом переводя дух, крепко сжимая в руках письмо Гарри.

— Марш в свой чулан... ну, то есть, в свою спальню, — просипел он, обращаясь к Гарри. — Дадли... марш... просто марш отсюда...

Гарри ходил кругами по своей новой комнате. Кто-то знал, что он переселился из чулана, и, похоже, они знали, что он не получил первое письмо. Означало ли это, что они попытаются написать ему снова? Уж на этот раз он сделает всё, чтобы письмо дошло до адресата. У него созрел план.

* * *

Починенный будильник зазвонил в шесть часов следующего утра. Гарри быстро отключил его и тихонько оделся. Ему ни в коем случае нельзя было разбудить Дёрсли. Он спустился по лестнице, не включая свет.

Он собирался подождать почтальона на углу Привит Драйв и первым получить почту для дома номер четыре. Его сердце бешено колотилось, пока он крался через тёмную прихожую к входной двери...

— АААААААААА!

Гарри подпрыгнул от неожиданности, наступив на что-то большое и мягкое, лежавшее на коврике у двери... что-то живое!

Наверху зажётся свет, и к своему ужасу Гарри осознал, что чем-то большим и мягким было дядино лицо. Дядя Вернон лежал возле входной двери в спальном мешке, явно чтобы не позволить Гарри сделать то, что он как раз и пытался сделать. Он кричал на Гарри около получаса, после чего велел ему идти на кухню и налить чашку чая. Гарри уныло поплёлся на кухню, а к тому времени, когда вернулся, почта уже прибыла и упала прямо на колени дяди Вернона. Гарри увидел три письма, адрес на которых был написан зелеными чернилами.

— Дайте... — начал он, но Вернон разорвал письма на мелкие кусочки прямо у него на глазах.

Дядя не пошёл в тот день на работу. Он остался дома и заколотил прорезь для почты.

— Понимаешь, — объяснял он с полным ртом гвоздей тёте Петунии, — если они не смогут доставлять их, они просто плюнут на это.

— Не уверена, что это сработает, Вернон.

— Мозги у этих людей работают странно, Петуния, они не такие, как мы с тобой, — сказал дядя, попытавшись забить гвоздь куском фруктового пирога, который только что принесла ему тётя Петуния.

* * *

В пятницу для Гарри пришло не менее дюжины писем. Но поскольку они не могли пролезть в прорезь для почты, то начали проникать в дом под дверь, через её боковые щели, а несколько даже просочились через маленькое окошко в ванной на нижнем этаже.

Дядя Вернон снова остался дома. Он сжёг все письма и, вооружившись молотком и гвоздями, заколотил досками щели вокруг парадной и задней двери, так что теперь никто не мог выйти из дома. Во время работы он напевал «Tiptoe Through the Tulips» и вздрагивал при малейшем шорохе.
* * *

В субботу ситуация стала выходить из-под контроля. Двадцать четыре свёрнутых письма оказались внутри двадцати четырёх яиц, которые, к крайнему удивлению молочника, ему пришлось передавать тётке Петунии через окно гостиной. Пока дядя Вернон возмущённо звонил на почту и в молочный магазин, ища виновных, тётка Петуния кромсала письма в кухонном комбайне.

— Кому так не терпится с тобой поговорить? — спрашивал у Гарри изумлённый Дадли.

* * *

За завтраком в воскресенье дядя Вернон выглядел усталым, а точнее, нездоровым, но счастливым.

— Почту по воскресеньям не носят, — радостно напомнил он, намазывая варенье на газету, — ни одного проклятушного письма сегодня не будет...

С этими словами что-то просвистело в кухонном дымоходе и с силой врезалось ему в затылок. И в следующий момент тридцать или сорок писем, словно пули, начали вылетать из камина. Дёрсли пригнулись, но Гарри, наоборот, подпрыгнул, пытаясь поймать хотя бы одно из них.

— Вон! ВОН!

Дядя Вернон обхватил Гарри вокруг пояса и выбросил его в прихожую. Когда тётка Петуния и Дадли, закрывая лицо руками, выбежали из кухни, дядя Вернон захлопнул дверь. Было слышно, как письма продолжают врываться в комнату, отскакивая от стен и пола.

— Довольно, — сказал Вернон, стараясь говорить спокойно, но при этом выдирая пучки волос из своих усов. — Даю вам пять минут на сборы. Мы уезжаем. Возьмите с собой только минимум одежды. И никаких возражений!

Со своими наполовину выдранными усами он выглядел столь устрашающе, что никто не посмел спорить. Через десять минут, взломав по пути заколоченные двери, они уже сидели в машине, несущейся в сторону шоссе. Дадли хлюпал носом на заднем сидении — отец отвесил ему подзатыльник за то, что он задерживал всех, пытаясь запихнуть в спортивную сумку свой телевизор, видеомэгафон и компьютер.

Они всё ехали и ехали куда-то. Даже тётка Петуния не решалась спросить, куда. Время от времени дядя Вернон резко разворачивал машину и ехал в противоположном направлении. «Оторваться... только бы оторваться», — каждый раз при этом бормотал он себе под нос.

За весь день они ни разу не остановились, чтобы попить и перекусить. К вечеру Дадли начал выть. Ему в жизни не было так плохо. Он был голоден, пропустил пять передач, которые хотел посмотреть, и никогда столько времени не обходился без того, чтобы не разнести в клочья какого-нибудь компьютерного пришельца.

Наконец, дядя Вернон остановил машину возле мрачного отеля на окраине большого города. Дадли и Гарри достался номер с двумя одинаковыми кроватями, застеленными сырыми, пахнущими плесенью простынями. Дадли сразу захрапел, но Гарри не сомкнул глаз всю ночь. Он сидел на подоконнике, глядя на свет проезжавших внизу автомобилей, и терялся в догадках...

* * *

Следующим утром они завтракали несвежими кукурузными хлопьями и тостами с холодными консервированными помидорами. Едва они закончили есть, как к столику подошла хозяйка отеля.

— Звиняюсь, есть тут мистер Г. Поттер? А то у меня штук сто таких на стойке администратора.

Она показала письмо, и они смогли прочитать на нём адрес, написанный зелеными чернилами:

Мистеру Г. Поттеру

Номер 17,

Отель «Рейлвью»,

Коукворт

Гарри попытался было схватить письмо, но дядя Вернон ударил его по руке. Женщина уставилась на них.

— Я заберу, — сказал дядя Вернон, быстро вставая из-за стола и выходя следом за хозяйкой из столовой.

* * *

— Дорогой, может быть, лучше вернуться домой? — спустя несколько часов робко предложила тётя Петунья. Но дядя Вернон, похоже, её не слышал. Никто не понимал, что именно он ищет. Он остановился посреди какого-то леса, вышел из машины, осмотрелся по сторонам, потряс головой, снова уселся за руль, и они опять куда-то поехали. То же самое повторилось и в центре вспаханного поля, на середине подвесного моста и на верхней платформе многоярусной автостоянки.

— Папа сошёл с ума, да? — вяло спросил Дадли у тёти Петунии вечером того же дня. Дядя Вернон остановил машину на берегу моря, запер их всех внутри, а сам куда-то исчез.

Начался дождь. Огромные капли забарабанили по крыше машины. Дадли шмыгнул носом.

— Сегодня понедельник, — сказал он матери. — Будут показывать «Великого Умберто». Я хочу, чтобы там, где мы остановимся, был телевизор.

Понедельник. Это кое о чём напомнило Гарри. Если сегодня действительно понедельник — а что касается дней недели, то в этом можно было полностью положиться на Дадли, по причине его любви к телевидению — тогда завтра, во вторник, будет одиннадцатый день рождения Гарри. Конечно, его дни рождения никогда не отличались особым весельем. В прошлом году, например, Дёрсли подарили ему вешалку и пару старых носков дяди Вернона. Но всё равно, одиннадцать исполняется не каждый день.

Дядя Вернон вернулся с улыбкой на лице. Он принёс с собой длинный тонкий свёрток и ничего не ответил, когда тётя Петунья спросила, что это он купил.

— Я нашёл идеальное место! — сказал он. — Давайте! Вылезайте!

Снаружи было очень холодно. Дядя Вернон указал на что-то наподобие большой скалы далеко в море. Высоко на самой её верхушке стояла самая жалкая лачуга, какую только можно себе представить. Одно можно было сказать с уверенностью — телевизора там не было.

— Сегодня ночью обещают шторм! — радостно возвестил дядя, хлопнув в ладоши. — И этот джентльмен любезно согласился одолжить нам свою лодку!

К ним подковылял беззубый старик и с какой-то мерзкой ухмылкой указал на старую шлюпку, раскачивающуюся на свинцово-серых волнах.

— Я уже раздобыл нам кое-какие припасы! — сказал дядя Вернон. — Так что, все на борт!

В лодке было невыносимо холодно. Ледяные морские брызги и капли дождя стекали за воротник, а пронизывающий ветер хлестал в лицо. Казалось, прошло много часов, прежде чем они добрались до скалы, где дядя Вернон, поскальзываясь и спотыкаясь, повел их к полуразрушенному жилищу.

Внутри было просто ужасно: воняло водорослями, ветер свистел через щели деревянных стен, а в камине было пусто и сыро. В лачуге было только две комнатки.

Припасами дяди Вернона оказались четыре банана и по одному пакетику чипсов на каждого. Он попытался разжечь огонь, но пустые пакеты из-под чипсов лишь чадили и сморщивались.

— Несколько тех писем не помешало бы, а? — весело спросил он.

Дядя пребывал в чрезвычайно хорошем расположении духа. Очевидно, он был уверен, что никто не сможет доставить сюда письма, особенно в шторм. Гарри про себя соглашался с ним, хотя эта мысль его совсем не радовала. Наступила ночь, и разразился обещанный шторм. Брызги от высоких волн ударялись о стены лачуги, а от свирепого ветра дребезжали грязные окна. Тётя Петунья нашла несколько заплесневелых одеял в соседней комнате и устроила Дадли постель на изъеденном молью диване. Они с дядей Верноном заняли шишковатую кровать в соседней комнате, а Гарри не оставалось ничего другого, как отыскать участок пола помягче и свернуться там под самым тонким и рваным одеялом.

Шторм продолжал набирать силу. Гарри никак не мог уснуть. Он дрожал и ворочался, пытаясь устроиться поудобнее. В желудке у него урчало от голода. Храп Дадли тонул в низких раскатах грома, впервые раздавшегося ближе к полуночи. Подсвеченный циферблат часов на свисающей с дивана жирной руке Дадли показывал, что через десять минут Гарри исполнится одиннадцать. Он лежал и наблюдал, как приближается его день рождения, думая о том, вспомнят ли вообще о нём Дёрсли, и гадая, где находится сейчас автор письма.

Оставалось пять минут. Гарри услышал, как снаружи хижины что-то скрипнуло. Он надеялся, что это не крыша собиралась обрушиться им на головы, — хотя, если бы она рухнула, может, ему стало бы теплее? Четыре минуты... Может, когда они вернутся на Привит Драйв, в доме будет так много писем, что ему удастся как-нибудь стащить одно? Три минуты... Неужели это море с такой силой бьётся о скалы? И (две минуты...) что это за странный хруст? Кусок скалы свалился в море?

Одна минута — и ему будет одиннадцать. Тридцать секунд... двадцать... десять... девять... может, разбудить Дадли, ну, просто, чтобы насолить?... три... две... одна...

БУМ!

Вся лачуга затряслась, и Гарри резко сел на полу, уставившись на дверь. Кто-то был снаружи и стучался в дверь, чтобы его впустили. Глава четвёртая. Хранитель ключей
БУМ! В дверь снова постучали. Дадли вздрогнул и проснулся.

— Где стреляют? — тупо спросил он.

Позади них раздался грохот, и в комнату ввалился дядя Вернон. В руках он держал винтовку — теперь всем стало ясно, что было в длинном тонком свёртке, который он взял с собой.

— Кто там? — закричал он. — Предупреждаю вас... я вооружен!

Настала тишина, а затем...

БА-БАХ!

В дверь ударили с такой силой, что она слетела с петель и с оглушительным грохотом плашмя упала на пол.

На пороге стоял великан. Его лицо было почти полностью скрыто под огромной копной длинных косматых волос и ужасно спутанной бородой, но за ними можно было разглядеть его глаза, напоминавшие блестящие чёрные бусинки.

Великан протиснулся в лачугу, пригнувшись, так что его голова лишь слегка задевала потолок. Он наклонился, поднял дверь и с лёгкостью поставил её на место. Грохот шторма снаружи немного утих. Затем он повернулся к ним.

— Можно чашечку чая, а? Дорога была нелёгкой...

Он прошёл к дивану, где сидел окаменевший от страха Дадли.

— Эй, чурбан, подвинься, — сказал незнакомец.

Дадли взвизгнул и побежал прятаться за спину своей матери, которая, сжавшись от ужаса, стояла позади дяди Вернона.

— А вот и Гарри! — произнёс великан.

Гарри посмотрел в свирепое дикое тёмное лицо и заметил, что глаза-бусинки прищурились в улыбке.

— В прошлый раз, когда я тебя видел, ты был совсем ещё ребёнком, — произнёс великан. — Ты очень похож на папу, но глаза у тебя мамины.

Дядя Вернон издал странный скрипучий звук.

— Я требую, чтобы вы немедленно убрались отсюда, сэр! — сказал он. — Вы вломились без спросу!

— Да заткнись ты, Дёрсли, тупица, — сказал гигант, дотянулся через спинку дивана, вырвал винтовку из рук дяди Вернона, с лёгкостью завязал её в узел, будто она была резиновой, и бросил в угол комнаты.

Дядя Вернон снова издал странный звук, похожий на писк мышки, на которую наступили.

— Так вот, Гарри, — сказал гигант, поворачиваясь спиной к Дёрсли, — с днём рождения тебя. У меня тут кое-что для тебя есть... кажется, я на него сел, но, думаю, вкус от этого хуже не стал.

Из внутреннего кармана своей чёрной куртки он достал слегка помятую коробку. Гарри открыл её дрожащими пальцами. Внутри оказался большой липкий шоколадный торт с надписью «С днём рождения Гарри», сделанной зелёной глазурью.

Гарри посмотрел на великана. Он собирался сказать спасибо, но слова будто растерялись по дороге, и вместо этого он спросил:

— Кто Вы?

Великан усмехнулся.

— Точно, я ж не представился. Рубеус Хагрид, Хранитель ключей и земель Хогвартса.

Он протянул огромную ладонь и пожал всю руку Гарри.

— Так как там насчёт чая, а? — спросил он, потирая руки. — Я бы не отказался и от чего-нибудь покрепче, если у вас найдётся.

Опустив глаза на пустой камин с валяющимися там сморщенными пакетиками из-под чипсов, гигант фыркнул и наклонился к нему. Они видели, что он делает, но когда он отодвинулся секунду спустя, в камине уже трещал огонь. Сырая хижина наполнилась мерцающим светом, и Гарри почувствовал, как его окутало теплом, словно он опустился в горячую ванну.

Великан снова уселся на диван, который прогнулся под его весом, и начал вынимать различные вещи из карманов куртки: медный котёл, помятую упаковку сосисок, кочергу, чайник, нескольких кружек с отбитыми краями и бутылку с янтарной жидкостью, из которой он отпил перед тем, как начать заваривать чай. Вскоре хижина наполнилась шипением и ароматом жарящихся

сосисок. Пока великан трудился, никто не проронил ни слова, но когда он снял с кочерги первые шесть сочных, жирных, чуть-чуть подгорелых сосисок, Дадли нервно затоптался на месте.

— Ничего у него не бери, Дадли, — резко сказал дядя Вернон.

Великан мрачно ухмыльнулся:

— Жирной сардельке, которую ты называешь сыном, уже больше некуда толстеть, так что не беспокойся, Дёрсли.

Он передал сосиски Гарри, который так проголодался, что словно вкусней еды в жизни не пробовал, но при этом он всё ещё не мог отвести взгляд от великана. Наконец, поскольку, похоже, никто не собирался объяснить, что происходит, он сказал:

— Извините, но я до сих пор не знаю, кто Вы.

Великан сделал большой глоток чая и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Зови меня Хагрид, — произнёс он, — все так зовут. И, как я сказал, я — Хранитель ключей Хогвартса... Ну, о Хогвартсе ты, конечно, всё знаешь.

— Э-э... нет, — сказал Гарри.

Хагрид, похоже, сильно удивился.

— Извините, — быстро добавил Гарри.

— Извините? — рявкнул Хагрид и повернулся к Дёрсли, и те снова отшатнулись в тень. — Это они должны извиняться! Я знал, что письма ты не получал, но уж не подумал бы, что ты даже не знаешь про Хогвартс! Неужели тебе никогда не было интересно, где твои родители всему этому научились?

— Чему всему? — спросил Гарри.

— ЧЕМУ? — прогремел Хагрид. — Так, погоди-ка!

Он вскочил с места и в своём гневе, казалось, заполнил всю хижину. Дёрсли сжались у стены.

— Вы хотите сказать, — прорычал Хагрид, обращаясь к Дёрсли, — что этот мальчик... этот мальчик!.. Не знает ничего... **ВООБЩЕ** ничего?

Гарри показалось, что великан зашёл слишком далеко. В конце концов, он учился в школе, и оценки у него были довольно неплохие.

— Кое-что я знаю, — сказал он. — Ну, там, математику и всякое такое.

Но Хагрид просто махнул рукой и сказал:

— Я имею в виду, о нашем мире. Твоём мире. Моём мире. Мире твоих родителей.

— О каком мире?

Хагрид выглядел так, словно вот-вот взорвётся.

— ДЁРСЛИ! — прогремел он.

Бледный как полотно дядя Вернон прошептал что-то похожее на «мимбл-вимбл». Хагрид ошеломлённо посмотрел на Гарри:

— Но ты должен знать о своих маме и папе, — сказал он. — Они же знамениты. И ты знаменит.

— Что? Мои... мои мама и папа не были знаменитыми.

— Ты не знаешь... ты не знаешь... — Хагрид запустил пальцы в волосы и озадаченно посмотрел на Гарри.

— Так ты не знаешь, кто ты такой? — спросил он, наконец.

Дядя Вернон внезапно обрёл дар речи.

— Прекратите! — потребовал он. — Прекратите сейчас же! Я запрещаю вам что-либо говорить мальчишке!

Даже более храбрый человек, чем Вернон Дёрсли, испугался бы разъяренного взгляда Хагрида; и когда великан заговорил, его голос дрожал от ярости.

— Вы никогда не говорили ему? Никогда не рассказывали, что было в письме, которое оставил ему Дамблдор? Я был там! Я видел, как Дамблдор оставил его, Дёрсли! И вы все эти годы скрывали это от него?

— Что скрывали? — нетерпеливо спросил Гарри.

— ОСТАНОВИТЕСЬ! Я ЗАПРЕЩАЮ ВАМ! — в панике завопил дядя Вернон.

Тётя Петунья ахнула от ужаса.

— Да ну вас к чёрту, — сказал Хагрид. — Гарри... ты волшебник.

В хижине наступила тишина. Были слышны лишь шум моря и свист ветра.

— Кто? — выдохнул Гарри.

— Волшебник, конечно же, — сказал Хагрид, садясь обратно на диван, отчего тот застонал и прогнулся ещё ниже. — Я б даже сказал, очень хороший, если тебе немножечко подучиться. С такими мамой и папой кем же ещё ты мог стать? Думаю, сейчас самое время прочитать письмо.

Гарри протянул руку, чтобы наконец-то взять желтоватый конверт, на котором изумрудными чернилами был написан адрес: «Мистеру Г. Поттеру, Пол, Хижина на скале, Море».

Он распечатал письмо и прочитал:
ШКОЛА ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕВСТВА ХОГВАРТС

Директор школы: Альбус Дамблдор

(Орден Мерлина первой степени, Великий Колдун, Глав. Чародей, Верховный независимый член Международной Конфед. Магов)

Уважаемый мистер Поттер,

Мы рады сообщить Вам, что Вы зачислены в Школу Чародейства и Волшебства Хогвартс. Пожалуйста, ознакомьтесь со вложенным списком всех необходимых книг и принадлежностей.

Занятия начинаются 1 сентября. Мы ожидаем вашу сову не позднее 31 июля.

С уважением,

Минерва МакГонагалл,

Заместитель директора

Вопросы в голове Гарри вспыхнули, словно фейерверк, и он никак не мог решить, какой из них задать первым. Спустя несколько минут он, запынаясь, спросил:

— Что значит, они ожидают мою сову?

— Гаргулья подери, совсем забыл, — сказал Хагрид, хлопнув себя по лбу с такой силой, что этим ударом можно было бы сбить с ног запряжённую в телегу лошадь, и достал из кармана куртки сову — настоящую сову, живую, только немного взъерошенную, — длинное перо и свиток пергамента. Высунув язык от усердия, он быстро написал записку, которую Гарри сумел прочитать вверх тормашками:

Дорогой профессор Дамблдор,

Письмо Гарри передал.

Завтра везу его за покупками.

Погода ужасная. Надеюсь, у вас всё хорошо.

Хагрид.

Хагрид свернул записку и отдал сове, та зажала её в клюве. Подойдя к двери, он выбросил птицу в бурю. Потом он вернулся и сел с таким видом, словно всё это было таким же обычным делом, как разговор по телефону.

Гарри вдруг осознал, что стоит с открытым ртом, и быстро закрыл его.

— Так на чём я остановился? — спросил Хагрид, но в этот момент всё ещё бледный, но жутко злой дядя Вернон встал в освещённый камином круг.

— Он никуда не едет, — сказал он.

Хагрид хмыкнул.

— Хотелось бы мне посмотреть, как такой великий маггл, как ты, сможет ему помешать, — сказал он.

— Кто? — с интересом переспросил Гарри.

— Маггл, — ответил Хагрид. — Ну, так мы зовём немагический люд, как эти. Да... Не повезло тебе вырасти в семье этих самых маггловских магглов, которых я когда-либо видел.

— Мы поклялись, когда взяли его, что положим конец этой чепухе, — сказал дядя Вернон, — Поклялись, что выйдем из него эту дурь! Волшебник, это же надо придумать!

— Так вы знали? — спросил Гарри. — Вы знали, что я... волшебник?

— Знали? — внезапно завопила тётя Петунья. — Знали! Конечно, мы знали! Кем же ты ещё мог быть, если моя треклятая сестрица была тем, кем была? О, она получила точно такое же письмо и уехала в эту... в эту школу. Приезжала домой на каникулы с полными карманами лягушачьей икры и превращала чайные чашки в крыс. Я была единственной, кто понимал, кто она такая... чудачка! Но для моей матери и отца... нет... Лили — то, Лили — сё. Они гордились тем, что в их семье есть ведьма!

Она замолчала, чтобы перевести дыхание, и затем продолжила свою тираду. Казалось, тётя Петуньи уже давно, все эти годы, не терпелось высказаться.

— Потом в школе она встретила этого Поттера, они сбежали и поженились, а потом родился ты. Конечно, я знала, что ты будешь таким же, таким же странным и... и ненормальным, как и она, и вот, пожалуйста, она взлетела на воздух, а нам достался ты!

Гарри сильно побледнел. Как только к нему вернулся дар речи, он сказал:

— Взлетела на воздух? Но вы ведь сказали мне, что они погибли в автокатастрофе!

— В АВТОКАТАСТРОФЕ? — прогремел Хагрид и вскочил с дивана в таком гневе, что Дёрсли торопливо ретировались в свой угол. — Как Лили и Джеймс Поттер могли погибнуть в какой-то аварии? Это возмутительно! Позор! Гарри Поттер не знает своего прошлого, в то время как каждому ребёнку в нашем мире известно его имя!

— Но почему? Что случилось? — настойчиво спросил Гарри.

Гнев исчез с лица Хагрида, внезапно сменившись беспокойством.

— Не ожидал я такого, — сказал он приглушённым взволнованным голосом. — Я и понятия не имел, как много ты не знаешь, когда Дамблдор говорил мне, что придётся непросто. Эх, Гарри, не думаю, что я тот человек, который должен обо всём тебе рассказать... но кому-то придётся... ты просто не можешь ехать в Хогвартс, ничего не зная.

Он со злостью взглянул на Дёрсли.

— Ну ладно, всё-таки будет лучше, если ты будешь знать то, что я смогу тебе рассказать. Всего я рассказать не смогу, кое-что из этого большая загадка...

Он сел и несколько секунд смотрел на огонь, затем заговорил:

— Всё началось, думаю, из-за... из-за одного человека по имени... нет, это немыслимо, что ты не знаешь, как его зовут! В нашем мире все его знают...

— Кого?

— Ну... Вообще-то я не люблю называть его по имени, если в этом нет особой надобности. Никто не любит.

— Но почему?

— Гаргуля меня подери! Гарри, люди до сих пор боятся. Проклятье, как же это сложно. Видишь ли, когда-то жил волшебник, который стал, ну, плохим... Таким плохим, что ты себе представить не можешь. Ужасным. Хуже худшего. А звали его...

Хагрид сглотнул, но слова так и застряли в горле.

— Может, лучше написать? — предложил Гарри.

— Нет, я не знаю, как оно пишется. Ну, хорошо — Волдеморт. — Хагрида передёрнуло. — Только не заставляй меня повторять. Ну так вот, этот... этот волшебник, приблизительно двадцать лет назад начал искать себе сторонников. И такие нашлись — одни были просто запуганы, другие хотели обладать частью его власти, потому что он становился всё могущественнее, это уж точно. Тёмные деньки, Гарри. Никто не знал, кому можно доверять, все боялись вести себя дружелюбно с незнакомыми волшебниками и волшебницами... ужасные вещи творились. Он захватывал власть. Конечно, некоторые выступали против него... и он их убивал. Причём жестоко. Единственным безопасным местом оставался Хогвартс. Наверное, потому что Сам-Знаешь-Кто боялся лишь Дамблдора. Во всяком случае, он так и не осмелился захватить школу, по крайней мере, тогда.

Ну, а твои мама и папа были самыми лучшими волшебницей и волшебником, которых я когда-либо знал. Они были Старостами Хогвартса в своё время! И это большая загадка, почему Сам-Знаешь-Кто раньше не попытался привлечь их на свою сторону. Вероятно, он знал, что они были слишком близки к Дамблдору и не хотели иметь ничего общего с Тёмными Силами.

Возможно, он думал, что сможет их убедить... а может, просто хотел убрать их со своего пути. Известно только то, что десять лет назад, в Хэллоуин, он появился в деревне, где вы жили. Тебе был только годик. Он пришел в ваш дом и... и...

Неожиданно Хагрид достал очень грязный носовой платок в горошек и высморкался так громко, что это напомнило звук сирены.

— Извини, — сказал он. — Но это так печально... Я знал твоих маму и папу — такие замечательные люди, каких ещё поискать надо...

В общем, Сам-Знаешь-Кто убил их и — это одна из самых больших загадок — попытался убить тебя. Может, как я думаю, потому что хотел замести следы, или потому что просто любил убивать людей. Но ему это не удалось. Никогда не задумывался, откуда у тебя эта метка на лбу? Это не обычный порез. Такое случается, когда на тебя посылают сильное злое заклятие... разделалось оно с твоими папой с мамой, даже с домом вашим... но на тебя не подействовало, и поэтому ты знаменит, Гарри. Никто не выживал, если он

решался на убийство. Никто, кроме тебя. Он убил много сильных волшебников – МакКиннонов, Боунсов, Прюэттов... а ты был всего лишь ребёнком, но выжил.

Что-то болезненное происходило в голове Гарри. Когда Хагрид закончил рассказ, он снова ясно, как никогда, увидел вспышку ослепительного зелёного света... и впервые в жизни вспомнил ещё кое-что: высокий, холодный, жестокий смех.

Хагрид смотрел на него с грустью.

– Я вынес тебя из развалин дома по приказу Дамблдора и привёз к ним..

– Полнейшая ерунда, – сказал Дядя Вернон.

Гарри подпрыгнул – он почти забыл о присутствии Дёрсли. К дяде Вернону, похоже, вернулась былая храбрость. Он свирепо глядел на Хагрида, сжав кулаки.

– А теперь слушай меня, парень, – прорычал он. – Допустим, у тебя всё же есть некоторые странности, от которых, вполне возможно, помогла бы излечиться хорошая порка. А что до всей этой истории с твоими родителями... что ж, они действительно были с приветом, я этого не отрицаю, и, по-моему, без них мир стал гораздо лучше. За что боролись, на то и напоролись. Повелись с этими колдующими типами, и случилось то, чего и следовало ожидать. Я всегда знал, что они плохо кончат..

Но в этот момент Хагрид подскочил с дивана, вытащил из кармана потрёпанный розовый зонтик и, наставив его на дядю Вернона, как меч, произнёс:

– Предупреждаю тебя, Дёрсли... Предупреждаю: скажи только слово..

Перед опасностью быть насаженным бородатым великаном на остриё зонта, бравада дяди Вернона снова улетучилась. Он вжался в стену и затих.

– Так-то лучше, – тяжело дыша, сказал Хагрид и сел обратно на диван, который на сей раз прогнулся до самого пола.

А у Гарри, между тем, оставались незадаанные вопросы. Сотни вопросов.

– Но что случилось с Вол... ой, простите, с Сами-Знаете-Кем?

– Хороший вопрос, Гарри. Исчез. Испарился. В ту же самую ночь, когда пытался тебя убить, из-за чего ты стал ещё более знаменитым. Понимаешь, в этом-то и есть самая большая загадка. Он становился всё более и более могущественным... Но куда делся?

Кто-то говорит, что он умер. По-моему, так чушь собачья. Сомневаюсь, что в нём осталось что-нибудь человеческое, чтобы умереть. Некоторые говорят, что он всё ещё жив и ждёт своего часа, но я в это не верю. Те, кто были с ним, переметнулись на нашу сторону. Некоторые из них словно вышли из транса. Не думаю, что они смогли бы это сделать, если бы он собирался вернуться.

Большинство из нас полагает, что он где-то рядом, просто потерял всю свою силу и стал слишком слабым, чтобы продолжать борьбу. Всё-таки что-то в тебе остановило его, Гарри. Той ночью случилось нечто, чего он не ожидал. Не знаю, что именно, никто не знает, но что-то в тебе остановило его, это точно.

Хагрид посмотрел на Гарри, его глаза лучились теплотой и уважением, но вместо чувства радости и гордости Гарри овладела уверенность в том, что это была какая-то ужасная ошибка. Волшебник? Он? Как такое возможно? Всю свою жизнь он терпел затрещины Дадли и издевательства тётки Петунии и дяди Вернона. Если он действительно был волшебником, почему тогда они не превращались в бородавчатых жаб каждый раз, когда пытались запереть его в чулане? Если он когда-то победил сильнейшего волшебника в мире, почему Дадли всегда пинал его, как футбольный мяч?

— Хагрид, — сказал он тихо, — Вы, скорее всего, ошибаетесь. Я не уверен, что могу быть волшебником.

К его удивлению Хагрид хихикнул.

— Не волшебник, говоришь? А с тобой никогда не случалось ничего странного, когда ты был напуган или рассержен?

Гарри посмотрел на огонь. А ведь если подумать... все странности, приводившие в бешенство дядю и тётку, происходили тогда, когда он, Гарри, был расстроен или зол... Когда его преследовала шайка Дадли, он каким-то образом удрал от них... Боясь появиться в школе с дурацкой причёской, он заставил волосы отрасти... А когда Дадли ударил его в последний раз, разве он не отомстил за это, хоть и не осознавал, что делает? Разве не он напустил на него боа-конструктора?

Улыбнувшись, Гарри снова взглянул на Хагрида и увидел, что тот прямо засветился от радости.

— Вот видишь? — сказал Хагрид. — Гарри Поттер-неволшебник... вот погоди, ты будешь знаменитостью в Хогвартсе.

Но дядя Вернон не собирался сдаваться без борьбы.

— Разве я не ясно сказал, что он никуда не поедет? — прошипел он. — Он отправится в Стоунволл Хай и ещё спасибо за это скажет. Я прочитал те письма, в них говорится, что ему понадобится всякая ерунда вроде... книг заклинаний, волшебных палочек и...

— Если он захочет, то даже такой великий маггл, как ты, не сможет его остановить, — прорычал Хагрид. — Запретить сыну Лили и Джеймса Поттеров учиться в Хогвартсе! Да ты псих. Он записан туда с тех пор, как родился. Он будет учиться в самой прекрасной школе чародейства и волшебства в мире. Семь лет — и он сам себя не узнает. Там он будет учиться с ребятами своего круга, и у него будет самый великий директор школы Хогвартс, сам Альбус Дамбл...

— Я НЕ СТАНУ ПЛАТИТЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ КАКОЙ-ТО НЕНОРМАЛЬНЫЙ СТАРЫЙ ИДИОТ УЧИЛ МАЛЬЧИШКУ ВОЛШЕБНЫМ ФОКУСАМ! — завопил дядя Вернон.

Но теперь он зашёл слишком далеко. Хагрид схватил зонтик и замахнулся им:

— НИКОГДА... — прогремел он, — НЕ ОСКОРВЛЯЙ... АЛЬБУСА... ДАМБЛДОРА... В МОЁМ... ПРИСУТСТВИИ!

Он опустил зонтик. Тот со свистом рассёк воздух и остановился, указывая на Дадли. Последовала вспышка фиолетового света, затем звук словно от разорвавшегося фейерверка, потом пронзительный крик, и в следующую секунду Дадли уже пританцовывал на месте, схватившись обеими руками за свой жирный зад и воя от боли. Когда он повернулся к Гарри спиной, тот увидел, что через отверстие в брюках торчит витой поросячий хвостик.

Дядя Вернон взревел. Втащив Дадли и тётю Петунию в соседнюю комнату, он бросил на Хагрида последний испуганный взгляд и захлопнул за собой дверь.

Хагрид посмотрел на свой зонтик и погладил бороду.

— Не стоило мне выходить из себя, — сокрушённо сказал он. — Хотя, всё одно не сработало... Собирался превратить его в свинью, но он, видимо, так похож на поросю, что не очень уж много оставалось сделать...

Он искоса взглянул на Гарри из-под косматых бровей:

— Буду признателен, если ты не расскажешь об этом в Хогвартсе. Мне... ээ... не положено колдовать, вообще-то говоря. Но мне позволили чуть-чуть поколдовать, чтобы найти тебя, доставить письмо и всё такое... Это одна из причин, по которой я взялся за эту работу с таким рвением....

— А почему вам нельзя колдовать? — поинтересовался Гарри.

— Ну... Я когда-то тоже учился в Хогвартсе... ээ... но меня, если честно, исключили... На третьем курсе... Волшебную палочку взяли да и сломали пополам. Но Дамблдор позволил мне остаться там егерем. Дамблдор — великий человек.

— И за что же вас исключили?

— Поздно уж, а у нас куча дел на завтра, — громко заговорил Хагрид. — Надо будет съездить в город и купить тебе книги и всё остальное.

Он снял с себя толстую чёрную куртку и бросил её Гарри.

— Можешь поспать под ней, — сказал он. — Не обращай внимания, если она будет немного шевелиться. Кажется, у меня в одном из карманов всё ещё осталась парочка сонек.

Глава пятая. Диагон Аллея

На следующее утро Гарри проснулся рано. И хотя было понятно, что уже наступил день, открывать глаза он не спешил.

«Это был сон», — твёрдо сказал он сам себе. — «Мне приснилось, что пришёл великан по имени Хагрид и сказал, что меня приняли в школу волшебников. Я открою глаза и окажусь дома, в своём чулане».

Неожиданно раздался громкий стук.

«А вот и тётя Петунья стучит в дверь», – подумал Гарри с упавшим сердцем. Но глаза всё же не открыл – ведь это был такой хороший сон.

Тук. Тук. Тук.

– Хорошо, хорошо, – пробормотал Гарри, – встаю.

Он сел, и тяжёлая куртка Хагрида свалилась с него. Лачуга была залита солнечным светом, шторм прекратился, на сломанном диване спал сам Хагрид, а в окно когтем стучала сова с газетой в клюве.

Гарри вскочил на ноги. Его распирало от счастья, как будто внутри надулся большой воздушный шар. Он подбежал к окну и распахнул его. Сова влетела в комнату и бросила газету прямо на Хагрида, но тот не проснулся. Затем сова опустилась на пол и набросилась на куртку Хагрида.

– Не надо.

Гарри попытался отогнать сову, но она лишь сердито щёлкнула клювом и продолжила терзать куртку.

– Хагрид! – громко позвал Гарри. – Здесь сова...

– Заплати ей, – пробурчал Хагрид в диван.

– Что?

– Она хочет плату за доставку газеты. Посмотри в карманах.

Куртка Хагрида, казалось, состояла только из карманов... Связки ключей, таблетки от слизней, мотки верёвок, мятные конфеты, пакетики чая... наконец, Гарри вытащил пригоршню странного вида монет.

– Дай ей пять кнатов, – сонно пробормотал Хагрид.

– Кнатов?

– Которые маленькие, бронзовые.

Гарри отсчитал пять маленьких бронзовых монеток, и сова вытянула лапку с привязанным к ней маленьким кожаным мешочком, чтобы Гарри смог положить туда деньги. После этого она вылетела в открытое окно.

Хагрид громко зевнул, сел и потянулся.

– Пора отправляться, Гарри, у нас сегодня куча дел. Едем в Лондон, купить всякую всячину для школы.

Гарри вертел в руках волшебные монетки, разглядывая их. Ему в голову пришла одна мысль, из-за которой возникло ощущение, будто шарик счастья внутри него прокололи.

— Эээ... Хагрид?..

— Ммм? — отозвался Хагрид, натягивая свои огромные сапоги.

— У меня совсем нет денег... и ты слышал, что сказал вчера дядя Вернон... он не будет платить за то, чтобы я учился магии.

— За это не волнуйся, — сказал Хагрид, вставая и почёсывая голову. — Неужели ты думаешь, что родители тебе ничего не оставили?

— Но если их дом был разрушен...

— Они и не хранили своё золото в доме, парень! Нет уж, первым делом заглянем в Гринготтс. Банк волшебников. Возьми вон сосиску, они и холодные ничего... А я, по правде говоря, не откажусь и от кусочка твоего именинного торта.

— У волшебников есть банки?

— Всего один. Гринготтс. В нём гоблины заправляют.

Кусочек сосиски выпал у Гарри из рук.

— Гоблины?

— Ага... И надо быть сумасшедшим, чтобы попытаться его ограбить. Никогда не шути с гоблинами, Гарри. Гринготтс — самое надёжное место в мире, чтобы держать что-то в сохранности... Ну, может, кроме Хогвартса. Вообще-то, мне так и так нужно в Гринготтс. Дамблдор попросил. По делам Хогвартса. — Хагрид гордо приосанился. — Он обычно поручает мне всякие важные дела. За тобой вот съездить, кой-чего из Гринготтса забрать... Он знает, что мне можно доверять. Собрался? Тогда пойдём.

Гарри последовал за Хагридом на вершину скалы. Небо сегодня было чистым, и море сверкало в солнечном свете. Взятая напрокат лодка дяди Вернона всё ещё была здесь, в ней было полно воды после шторма.

— А как ты сюда попал? — спросил Гарри, ища глазами ещё одну лодку.

— Прилетел, — ответил Хагрид.

— Прилетел?

— Ага... Но обратно придётся плыть. Теперь, когда ты со мной, нельзя мне колдовать.

Они уселись в лодку, а Гарри всё не сводил глаз с Хагрида, пытаясь представить его в полёте.

— А всё ж досадно самому грести, — сказал Хагрид, опять искоса взглянув на Гарри. — Если я того... эээ... чуток ускорю дело, ты ведь не будешь об этом в Хогвартсе распространяться?

— Конечно, нет, — сказал Гарри, спорая от желания увидеть ещё какое-нибудь волшебство. Хагрид снова вытащил свой розовый зонтик, дважды стукнул им о борт лодки, и они стремительно помчались к берегу.

— А почему только сумасшедший может попытаться ограбить Гринготтс? — спросил Гарри.

— Заклинания... чары, — ответил Хагрид, разворачивая при этом газету. — Говорят, самые важные хранилища охраняются драконами. И потом, ещё наружу выйти надо — Гринготтс на сотни миль уходит под Лондон. Глубоко под метро. Даже если что и стащишь, то помрёшь с голоду, пока выберешься.

Гарри сидел и думал о сказанном, пока Хагрид читал свою газету — «Ежедневный Пророк». По дяде Вернону Гарри знал, что люди не любят, когда их отрывают от чтения, но удержаться было трудно: у него в жизни не было столько вопросов.

— Ну вот, как всегда. Министерство Магии опять напортачило, — проворчал Хагрид, переворачивая страницу.

— Есть Министерство Магии? — вырвалось у Гарри, прежде чем он успел остановиться.

— Конечно, — сказал Хагрид. — Они, понятно, хотели, чтоб Дамблдор был министром, но он бы никогда не оставил Хогвартс, так что место досталось старику Корнелиусу Фаджу. Растяпа, каких свет не видывал. Теперь он каждое утро Дамблдора совами забрасывает — совета просит.

— А чем занимается Министерство Магии?

— Ну, главное занятие — скрывать от магглов то, что в стране всё ещё полно волшебниц и волшебников.

— Зачем?

— Зачем? Да ты что, Гарри, тогда каждый захочет решать свои проблемы с помощью волшебства. Нет, лучше, чтоб нас не трогали.

В этот момент лодка мягко уткнулась в опору причала. Хагрид сложил газету, и они поднялись по каменным ступенькам на улицу.

Прохожие много глазели на Хагрида, пока они пробирались через маленький город к станции. И Гарри их прекрасно понимал. Хагрид не только был в два раза выше всех, но и постоянно тыкал пальцем в совершенно обычные вещи вроде парковочных счётчиков, громко восклицая:

— Видал, Гарри? Что только эти магглы не придумают!

— Хагрид, — сказал Гарри, запыхавшись оттого, что перешёл на бег, чтобы не отставать, — ты сказал, что в Гринготтсе есть драконы?

— Ну, по крайней мере, так говорят, — ответил Хагрид. — Чёрт, хотел бы я дракона.

— Хотел бы?

— Ага, ещё с детства хотел... Ну, вот мы и пришли.

Они добрались до станции. Через пять минут отправлялся поезд до Лондона. Хагрид, который совершенно не разбирался в «маггловских деньгах», как он их называл, дал несколько банкнот Гарри, чтобы тот купил билеты.

В поезде на них главели ещё больше. Хагрид занял сразу два места и начал вязать нечто, напоминающее цирковой шатёр канареечного цвета.

— Письмо с тобой, Гарри? — спросил он, подсчитывая петли. Гарри вытащил пергаментный конверт из кармана.

— Это хорошо, — сказал Хагрид. — Там есть список всего, что тебе понадобится.

Гарри развернул второй лист бумаги, на который он до этого не обратил внимания, и прочитал:

ШКОЛА ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕВСТВА ХОГВАРТС

Форма

Студентам-первокурсникам требуется:

1. Три комплекта простых рабочих мантий (чёрные)
2. Одна простая остроконечная шляпа (чёрная)
3. Одна пара защитных перчаток (из кожи дракона или аналогичные)
4. Один зимний плащ (чёрный, с серебряными застёжками)

Обращаем внимание, что вся одежда учеников должна иметь метку с именем

Учебники

Все ученики должны иметь при себе следующие книги:

- «Стандартная книга заклинаний (1 уровень)» Миранды Госхок
- «История магии» Батильды Бэгшот
- «Теория магии» Адалберта Уоффлинга
- «Руководство по трансфигурации для начинающих» Эмерика Свитча
- «Тысяча магических трав и грибов» Филлиды Споры
- «Магические настои и зелья» Арсениуса Джиггера
- «Фантастические чудовища и места их обитания» Ньюта Скамандера
- «Тёмные силы: руководство по самообороне» Квентина Тримбла

Прочие принадлежности

- 1 волшебная палочка
- 1 котёл (оловянный, стандартного 2-го размера)
- 1 набор стеклянных или хрустальных флаконов
- 1 телескоп
- 1 комплект медных весов

Студенты могут также взять с собой сову, ИЛИ кота, ИЛИ жабу

НАПОМИНАЕМ РОДИТЕЛЯМ, ЧТО ПЕРВОКУРСНИКАМ ЗАПРЕЩЕНО ИМЕТЬ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ МЁТЛЫ

— Разве всё это можно купить в Лондоне? — вслух поинтересовался Гарри.

— Если знаешь, куда пойти, — ответил Хагрид.

* * *

До этого Гарри никогда не бывал в Лондоне. Хотя Хагрид, вроде, и знал, куда идёт, он явно не привык добираться туда обычным способом. Он застрял в турникете в метро, а позже громко жаловался, что сиденья в поезде слишком маленькие, а поезда слишком медленные.

— Не понимаю, и как магглы живут без магии, — сказал он, взбираясь по неисправному эскалатору, ведущему на шумную улицу со множеством магазинов.

Хагрид был такой большой, что без труда рассекал толпу, и Гарри оставалось только не отставать от него. Они проходили мимо книжных и музыкальных магазинов, закусочных и кинотеатров, но ни одно из этих мест не выглядело так, будто в нём можно было купить волшебную палочку. Это была обычная улица с обычными людьми. Неужели, под всем этим спрятаны горы золота, принадлежащего волшебникам? Неужели, действительно существуют магазины, продающие книги заклинаний и метлы? Может быть, это всё какой-то большой розыгрыш, который устроили Дёрсли? Если бы Гарри не знал наверняка, что у Дёрсли напрочь отсутствует чувство юмора, он, может быть, так и подумал бы. И всё же, хотя всё сказанное Хагридом и звучало просто неправдоподобно, Гарри почему-то не мог не верить ему.

— Вот он, — сказал Хагрид, вдруг остановившись. — Дырявый Котёл. Знаменитое место.

Это был крошечный грязный бар. Если бы Хагрид не указал на него, Гарри его даже бы и не заметил. Спешащие прохожие не обращали на него внимания. Их взгляды скользили по большому книжному магазину и сразу перескакивали на музыкальный магазин, не задерживаясь на «Дырявом Котле», как будто вообще его не видели. У Гарри даже возникло странное чувство, что видеть его могут только он и Хагрид. Но прежде чем он успел об этом сказать, Хагрид провёл его внутрь.

Для знаменитого места тут было слишком темно и убого. В углу сидели несколько пожилых женщин и пили херес из крошечных стаканчиков. Одна из них курила длинную трубку. Маленький мужчина в цилиндре разговаривал со старым барменом, который был совершенно лыс и морщинист, отчего напоминал беззубый грецкий орех. Как только они вошли, тихий гул прекратился. Хагрида, похоже, знали все: ему замахали и заулыбались, а бармен потянулся за стаканом:

— Как всегда, Хагрид?

— Не могу, Том, я здесь по делам Хогвартса, — сказал Хагрид, положив свою огромную руку на плечо Гарри, отчего у того подогнулись колени.

— Боже мой, — воскликнул бармен, уставившись на Гарри. — Это... неужели это?...

Весь Дырявый Котёл вдруг замер, и воцарилась полная тишина.

— Благослови мою душу... — прошептал старый бармен. — Гарри Поттер... какая честь.

Он выскочил из-за стойки, подбежал к Гарри и со слезами на глазах схватил его за руку.

— С возвращением, мистер Поттер, с возвращением!

Гарри не знал, что и сказать. Все смотрели на него. Пожилая женщина с трубкой продолжала затягиваться, не замечая, что трубка уже погасла. Хагрид сиял.

Затем раздался скрежет стульев, и в следующий момент Гарри обнаружил, что пожимает руки всем, кто был в «Дырявом Котле».

— Дорис Крокфорд, мистер Поттер, просто не верится, что я наконец-то вас встретила.

— Я так горжусь, мистер Поттер, так горжусь.

— Всегда хотела пожать вам руку... Я вся трепещу.

— В полном восхищении, мистер Поттер, просто нет слов. Меня зовут Диггл. Дедалус Диггл.

— А я видел вас раньше! — сказал Гарри, когда с Дедалуса Диггл от его волнения свалился цилиндр. — Вы однажды поклонились мне в магазине.

— Он помнит! — воскликнул Дедалус Диггл, оглядываясь на остальных. — Слышите? Он меня помнит!

Гарри продолжал пожимать руки. Дорис Крокфорд уже сделала несколько заходов.

Вперёд, явно нервничая, вышел бледный молодой человек. Один глаз у него дёргался.

— Профессор Квиррелл! — сказал Хагрид. — Гарри, профессор Квиррелл будет одним из твоих учителей в Хогвартсе.

— П-п-поттер, — заикаясь, произнес профессор Квиррелл, пожимая Гарри руку. — Н-не могу в-выразить, к-как я рад познакомиться с вами.

— Какой раздел магии вы преподаёте, профессор Квиррелл?

— З-защиту от Т-т-тёмных Искусств, — пробормотал профессор Квиррелл с таким видом, как будто предпочитал не думать об этом. — Н-не то чтобы вам это было нужно, а, П-п-поттер? — нервно рассмеялся он. — Я так п-понимаю, вы з-за школьными п-п-принадлежностями? Я вот т-тоже х-хочу п-приобрести новую к-книгу о вампирах.

Сама мысль об этом, казалось, его ужасала.

Но остальные не дали профессору Квирреллу долго отвлекать внимание Гарри на себя. На то, чтобы избавиться от них, ушло ещё почти десять минут. Наконец, Хагрид повысил голос, заглушая общий гомон.

– Нам пора... ещё кучу всего надо купить. Пошли, Гарри.

Дорис Крокфорд пожала Гарри руку в последний раз, и Хагрид провёл его через бар в маленький, обнесённый стенами, задний дворик, в котором, кроме мусорного бака и сорняков, ничего не было.

Хагрид улыбнулся Гарри.

– Ну, что я тебе говорил? Говорил ведь, что ты знаменит. Даже профессор Квиррелл задрожал, когда тебя увидел... Впрочем, по правде говоря, он всегда трясётся.

– Он всегда такой нервный?

– О, да. Бедный парень. Золотая голова. С ним всё было хорошо, пока учился по книгам, но потом он на год уехал, чтобы приобрести опыт, как говорится, из первых рук... Говорят, он встретил вампиров в Чёрном Лесу, и ещё какая-то неприятность с одной каргой приключилась... С тех пор он сам не свой. Боится учеников, боится своего собственного предмета... Где мой зонт?

Вампиры? Карга? У Гарри кружилась голова. Хагрид тем временем отсчитывал кирпичи на стене над мусорным баком.

– Три вверх... два в сторону... – бормотал он. – Так, отойди, Гарри.

Он трижды стукнул по стене кончиком своего зонта.

Кирпич, к которому он прикоснулся, зашевелился... и изогнулся... в середине появилось маленькое отверстие... оно становилось всё больше и больше... а через секунду они уже стояли перед аркой, достаточно большой даже для Хагрида, которая вела на извилистую улицу с булыжной мостовой, исчезающую за поворотом.

– Добро пожаловать, – сказал Хагрид, – на Диагон Аллею.

Он довольно улыбнулся, увидев удивление на лице Гарри. Они прошли через арку. Гарри быстро оглянулся и успел заметить, как арка моментально превратилась в сплошную стену.

На груде котлов, выставленных у ближайшего магазина, ярко играло солнце. «Котлы – Всех Размеров – Медные, Латунные, Оловянные, Серебряные – Самопомешивающиеся – Складные» – гласила вывеска над ними.

– Ага, один тебе понадобится, – сказал Хагрид. – Но сначала сходим за твоими деньгами.

Гарри мечтал, чтобы у него было, по меньшей мере, ещё четыре пары глаз. Пока они шли по улице, он крутил головой во все стороны, пытаясь успеть увидеть всё сразу: магазины, выставленные снаружи товары, людей, делающих покупки. Полная женщина возле аптеки качала головой, когда они проходили мимо, приговаривая: «Шестнадцать сиклей за унцию печени дракона, да они с ума посходили...»

Глухое, мягкое уханье доносилось из тёмного магазина с вывеской «Магазин Сов Айлопса – Неясыти, совки, сипухи и полярные». Несколько мальчиков возраста Гарри прижались носами к витрине с метлами.

– Смотри, – донеслось до Гарри, – новый «Нимбус-2000»... Самая скоростная...

Здесь были магазины, торгующие мантиями, магазины, продающие телескопы и странные серебряные инструменты, которых Гарри раньше не видел, витрины, заставленные бочками с селезёнками летучих мышей и глазами угрей, высоченными стопками книг с заклинаниями, перьями и свитками пергамента, бутылочками с зельями, лунными глобусами...

– Гринготтс, – сказал Хагрид.

Они подошли к белоснежному зданию, возвышающемуся над низкими магазинчиками. Возле отполированной бронзовой двери в алой с золотом форменной одежде стоял...

– Да, это гоблин, – тихо сказал Хагрид, пока они поднимались к нему по белым каменным ступеням.

Гоблин был почти на голову ниже Гарри. У него было смуглое умное лицо, острая бородка и, как заметил Гарри, очень длинные пальцы и ступни. Когда они заходили внутрь, гоблин поклонился. Теперь они стояли перед вторыми дверями, на этот раз серебряными, с выгравированной на них надписью:

Входи, незнакомец, но помни

О жадности сути греховной,

И вор, до чужого охочий,

Поплатится дорого очень.

А если, забыв о приличьях,

Пробрался к нам ради добычи,

Тогда берегись на пути

Ты больше, чем золото, найти.

– Как я и сказал, надо быть сумасшедшим, чтобы попытаться их ограбить, – сказал Хагрид.

Два гоблина с поклоном пропустили их через серебряные двери, и они оказались в огромном мраморном зале. Ещё около сотни гоблинов восседали на высоких табуретках за длинной стойкой, делая записи в больших бухгалтерских книгах, взвешивая монеты на медных весах и изучая драгоценные камни через лупу. Из холла вело бессчётное количество дверей, и другие гоблины пропускали людей через эти двери. Хагрид и Гарри подошли к стойке.

– Доброе утро, – сказал Хагрид незанятому гоблину. – Мы пришли взять немного денег из сейфа мистера Гарри Поттера.

– У вас есть его ключ, сэр?

– Где-то был... – ответил Хагрид и начал выкладывать на стойку всё из своих карманов, высыпав на бухгалтерскую книгу гоблина пригоршню заплесневелого собачьего печенья. Гоблин поморщил нос. Гарри тем временем смотрел на гоблина справа, взвешивающего горку большущих рубинов, похожих на тлеющие угли.

— Нашёл, — наконец сказал Хагрид, показывая маленький золотой ключик.

Гоблин тщательно осмотрел его.

— Кажется, всё в порядке.

— И ещё у меня есть письмо от профессора Дамблдора, — важно произнёс Хагрид, выпячивая грудь. — Насчёт Сами-Знаете-Чего в хранилище 713.

Гоблин внимательно прочитал письмо.

— Очень хорошо, — сказал он, возвращая его Хагриду. — Я пошлю кого-нибудь с вами вниз к обоим хранилищам. Грипхук!

Грипхук тоже оказался гоблином. Когда Хагрид стрёб всё собачье печенье обратно в карманы, они с Гарри последовали за Грипхуком к одной из дверей, ведущих из зала.

— А что это такое — «Сами-Знаете-Что» в хранилище 713? — спросил Гарри.

— Этого я тебе сказать не могу, — таинственно сказал Хагрид. — Большой секрет. Дела Хогвартса. Дамблдор мне доверяет. Я слишком дорожу своим местом, чтобы тебе рассказывать.

Грипхук придержал дверь, пропуская их вперёд. Гарри, ожидавший увидеть вокруг мрамор, был удивлён: они оказались в узком каменном коридоре, освещённом факелами. Он круто уходил вниз, а по полу были проложены небольшие рельсы. Грипхук свистнул, и по рельсам к ним быстро приехала маленькая тележка. Они забрались внутрь, причём Хагриду это удалось не сразу, и тронулись.

Сначала тележка просто с грохотом неслась по лабиринту извивающихся коридоров. Гарри попытался запомнить дорогу — налево, направо, ещё раз направо, налево, в центральный коридор, направо, налево... Нет, это было совершенно невозможно. Дребезжащая тележка, похоже, сама знала дорогу, потому что Грипхук никакого участия в управлении не принимал.

Глаза Гарри слезились от холодного встречного ветра, но он всё равно держал их широко открытыми. В какой-то момент ему показалось, что он увидел вспышку огня в конце коридора, и повернулся, чтобы проверить, не дракон ли это, но опоздал — они нырнули ещё глубже, проезжая мимо подземного озера, где огромные сталактиты и сталагмиты росли из потолка и пола.

— Никогда не понимал, — крикнул Гарри Хагриду сквозь грохот тележки, — в чём разница между сталагмитом и сталактитом?

— В «сталагмите» есть «м», — ответил Хагрид. — И не задавай мне сейчас вопросов, по-моему, меня сейчас стошнит.

Он весь позеленел, и когда тележка, наконец, остановилась возле маленькой дверцы в стене коридора, Хагрид выбрался наружу и ему пришлось прислониться к стене, чтобы коленки перестали дрожать.

Грипхук отпер дверь. Наружу вырвалось облако зелёного дыма, и когда он рассеялся, Гарри ахнул. Внутри были холмы из золотых монет, колонны из серебряных и горы из маленьких бронзовых кнатов.

— Это всё твоё, — улыбнулся Хагрид.

Всё это принадлежало Гарри.. Невероятно. Очевидно, Дёрсли ничего об этом не знали, иначе прибрали бы всё это к рукам в мгновение ока. Сколько раз они жаловались, что Гарри влетает им в копеечку? И всё это время глубоко под Лондоном его дожидалось целое состояние.

Хагрид помог Гарри собрать часть денег в сумку.

— Вот эти золотые — галеоны, — объяснял он. — Всё очень просто: в одном галеоне семнадцать серебряных сиклей, а в одном сикле двадцать девять кнатов. Ладно, на пару семестров этого должно хватить, остальное сохраним на потом.

Он повернулся к Грипхуку:

— Теперь хранилище 713, и, пожалуйста, нельзя ли помедленнее?

— Скорость только одна, — ответил Грипхук.

Теперь они спускались ещё ниже, опять набирая скорость. С каждым крутым поворотом воздух становился всё холоднее и холоднее. Они пронеслись над подземным ущельем, и Гарри перегнулся через край, пытаясь рассмотреть, что там, на тёмном дне, но Хагрид, простонав, схватил его за шиворот и затащил обратно.

У сейфа 713 замочной скважины не было.

— Отойдите, — важно сказал Грипхук. Он провёл по двери одним из своих длинных пальцев, и та просто исчезла.

— Если кто-нибудь, кроме гоблинов Гринготтса, попробует сделать то же самое, его засосёт внутрь сквозь дверь, и он окажется в ловушке, — пояснил Грипхук.

— И как часто вы проверяете, есть ли кто-нибудь внутри? — спросил Гарри.

— Приблизительно раз в десять лет, — ответил Грипхук, довольно неприятно ухмыльнувшись.

Гарри был уверен, что внутри столь защищённого хранилища должно быть что-то действительно необычное, и он с любопытством заглянул внутрь, ожидая увидеть, как минимум, невероятные сокровища.. Но сначала ему показалось, что сейф вообще пуст. Затем он заметил на полу грязный маленький свёрток из коричневой бумаги. Хагрид поднял его и спрятал поглубже в недрах своей куртки. Гарри так и хотел спросить, что это такое, но понял, что не стоит.

— Давай, пошли в эту адскую тележку, и не болтай со мной на обратном пути, мне лучше держать рот закрытым, — сказал Хагрид.

После ещё одной сумасшедшей гонки на тележке, они стояли на ступенях Гринготтса, шурясь от солнечного света. Гарри не знал, куда бежать в первую очередь, теперь, когда у него была полная сумка денег. Ему не нужно было знать курс галеонов относительно к фунтам, чтобы понять, что сейчас у него столько денег, сколько не было за всю его жизнь — и больше даже, чем у Дадли.

— Теперь можешь купить форму, — сказал Хагрид, кивая на магазин «Мантии мадам Малкин на все случаи». — Послушай, Гарри, ты не возражаешь, если я пока заскочу в Дырявый Котёл пропустить стаканчик? Терпеть не могу эти гринготтские тележки.

Он действительно всё ещё выглядел неважно, поэтому Гарри вошёл в магазин мадам Малкин один, слегка нервничая.

Мадам Малкин оказалась маленькой улыбчивой толстушкой-волшебницей, одетой во все сиреневое.

— Хогвартс, дорогой? — сказала она, как только Гарри открыл рот. — У нас тут есть всё что нужно... Вообще-то, ещё один молодой человек прямо сейчас на примерке.

В глубине магазина на табуретке стоял бледный мальчик с острым подбородком, пока вторая волшебница подкалывала подол его длинной чёрной мантии. Мадам Малкин поставила Гарри на табуретку рядом, надела на него через голову длинную мантию и тоже начала подкалывать её булавками, подбирая подходящую длину.

— Привет, — сказал мальчик. — Тоже в Хогвартс?

— Да, — ответил Гарри.

— Мой отец покупает в соседнем магазине учебники, а мама смотрит волшебные палочки дальше по улице, — сообщил мальчик скучающим голосом, растягивая слова. — А потом я поташу их посмотреть гоночные метлы. Не понимаю, почему первокурсникам нельзя иметь свои. Думаю, я заставлю отца купить метлу, а потом как-нибудь пронесу её в школу.

Гарри это сильно напомнило о Дадли.

— А у тебя есть своя метла? — продолжил мальчик.

— Нет, — сказал Гарри.

— А в Квиддич играешь?

— Нет, — повторил Гарри, гадая, что же это штука такая — Квиддич.

— А я — да... отец говорит, что если меня не возьмут играть за свой Дом, это будет преступлением, и, должен тебе сказать, я с ним согласен. Уже знаешь, в какой Дом попадёшь?

– Нет, – ответил Гарри, чувствуя себя с каждой минутой всё глупее и глупее.

– Ну, на самом деле этого никто не знает, пока туда не приедет, но я наверняка буду в Слизерине, вся наша семья училась там.. Представь себе попасть в Хаффлпафф, я бы ушёл из школы, а ты?

– Мхм, – ответил Гарри, жалея, что не может сказать ничего более интересного.

– Взгляни на того громилу! – вдруг воскликнул мальчик, кивая в сторону окна. Там стоял Хагрид, улыбаясь Гарри и показывая на две большие порции мороженого, из-за которых он не мог войти внутрь.

– Это Хагрид, – сказал Гарри, радуясь, что и он знает нечто неведомое собеседнику. – Он работает в Хогвартсе.

– А, – сказал мальчик. – Я слышал о нём. Он кто-то вроде слуги, да?

– Он егерь, – ответил Гарри. Этот мальчик с каждой секундой нравился ему всё меньше и меньше.

– Да, точно. Я слышал, он как дикарь: живёт в лачуге на территории школы, время от времени напивается, пытается колдовать, и в итоге поджигает собственную кровать.

– А по-моему, он замечательный, – холодно ответил Гарри.

– Неужели? – сказал мальчик чуть насмешливо. – А почему он с тобой? Где твои родители?

– Они умерли, – коротко сказал Гарри. Ему не очень-то хотелось посвящать этого мальчика в детали.

– Жаль, – сказал тот, без тени сожаления в голосе. – Но они ведь были из наших?

– Они были волшебниками, если ты это имеешь в виду.

– Я вообще считаю, что не нужно принимать людей другого сорта, а ты? Они ведь не такие, им просто не дано понять то, что дано нам. Представляешь, некоторые из них даже не слышали никогда о Хогвартсе, пока не получили письмо. Я думаю, что следует принимать только детей из старых династий волшебников. Кстати, а какая у тебя фамилия?

Но прежде чем Гарри успел ответить, мадам Малкин сказала «Ну вот и всё, мой дорогой», и Гарри, радуясь предлогу прервать разговор, спрыгнул с табуретки.

– Ну, тогда увидимся в Хогвартсе, – сказал мальчик, растягивающий слова.

Гарри молча ел мороженое, купленное ему Хагридом (шоколадно-малиновое с молотыми орехами).

– Что случилось? – спросил Хагрид.

– Ничего, – соврал Гарри. Они остановились, чтобы купить пергамент и перья. Гарри немного повеселел, когда обнаружил пузырёк чернил, меняющих свой цвет во время письма. Когда они вышли из магазина, он спросил:

– Хагрид, что такое Квиддич?

– Чёрт подери, Гарри, я всё время забываю, как мало ты знаешь – это ж надо, не знать про Квиддич!

– Не порть мне настроение ещё больше, – попросил Гарри. Он рассказал Хагриду о бледном мальчишке из магазина мадам Малкин. – ... И ещё он сказал, что детей из маггловских семей вообще нельзя принимать.

– Ну, ты же не из маггловской семьи. Знал бы он, кто ты такой... да он с пелёнок слышал твоё имя, если его родители – волшебники. Ты же видел, что творилось в Дырявом Котле. Да и вообще, что он в этом смыслит? Самые лучшие волшебники, которых я встречал, как раз вышли из маггловских семей... твоя мама, например! И посмотри, какая у неё сестра!

– Так что такое Квиддич?

– Это наша спортивная игра. Игра волшебников. Он похож... похож на футбол у магглов... все обожают Квиддич. Играют в воздухе, на метлах, четырьмя мячами. Так сразу тяжеловато правила объяснить.

– А что такое Слизерин и Хаффлпафф?

– Школьные Дома. Всего их четыре. Все говорят, якобы в Хаффлпаффе учатся одни тупицы, но...

– Могу поспорить, я попаду Хаффлпафф, – уныло заключил Гарри.

– Лучше уж в Хаффлпафф, чем в Слизерин, – хмуро ответил Хагрид. – Не было ни одного волшебника и волшебницы, ступивших на плохую дорожку, которые не вышли бы из Слизерина. Сам-Знаешь-Кто – один из них.

– Вол... извини, Сам-Знаешь-Кто учился в Хогвартсе?

– Много-много лет назад, – сказал Хагрид.

Учебники для Гарри они покупали в магазине под названием «У Флориша и Блоттса», где полки до самого потолка были забиты книгами – огромными, как камни мостовой в кожаных переплетках; книгами размером с почтовую марку в шёлковых обложках; книгами, полными загадочных символов; а в некоторых так вообще ничего не было. Даже Дадли, который никогда ничего не читал, не удержался бы и захотел их полистать.

Хагриду почти силой пришлось оттащить Гарри от пособия «Проклятия и контрпроклятия (Разыграйте своих друзей и одурачьте своих врагов с помощью новейших возмездий: Выпадение волос, Ватные ноги, Связывание языка и многое-многое другое)» профессора Виндиктуса Виридиана.

– Я хотел узнать, как заколдовать Дадли.

– Не сказал бы, что это плохая идея, но использовать магию среди магглов нельзя, за исключением особых обстоятельств, – сказал Хагрид. – И у тебя всё равно не получится ни одно из этих заклятий. Тебе придётся многому научиться, прежде чем ты достигнешь такого уровня.

Хагрид также не позволил Гарри купить котёл из чистого золота («В списке ведь ясно сказано – оловянный»), но зато они купили отличный набор весов для взвешивания ингредиентов зелий и складной медный телескоп. Затем они посетили аптеку, которая компенсировала своим волшебным видом ужасную вонь: смесь запахов тухлых яиц и гнилой капусты. На полу стояли бочки с какой-то слизью, вдоль стен выстроились банки с травами, сушеными кореньями и разноцветными порошками, с потолка свешивались пучки перьев, связки клыков и изогнутых когтей. Пока Хагрид заказывал человеку за стойкой некоторые основные ингредиенты зелий для Гарри, сам Гарри рассматривал серебряные рога единорога по цене 21 галеон за каждый, и крошечные чёрные блестящие глаза жуков (пять кнатов за ковшик). Выйдя из аптеки, Хагрид опять заглянул в список Гарри.

– Осталась только палочка... Ах да, и я ещё не выбрал тебе подарок на день рождения.

Гарри почувствовал, что краснеет.

– Но это совсем не обязательно...

– Знаю, что не обязательно. А знаешь что, куплю-ка я тебе какую-нибудь животину. Только не жабу, они давным-давно вышли из моды, тебя засмеют. Кошек я тоже не люблю – я от них чихаю. Давай я подарю тебе сову. Каждый ребёнок хочет сову, они страшно полезные – приносят почту и не только.

Через двадцать минут они вышли из Магазина Сов Айлопса, в котором стоял полумрак, повсюду шелестели крылья и моргали горящие глаза. Теперь у Гарри в руках была большая клетка с чудесной полярной совой, которая крепко спала, спрятав голову под крыло. Произнося слова благодарности, Гарри всё время заикался, прямо как профессор Квиррелл.

– Да не за что, – ворчливо заметил Хагрид. – Думаю, Дёрсли тебя не очень-то подарками баловали. Ну что ж, остался только магазин Олливандеров... Олливандеры – лучшее место, где можно приобрести палочку. У тебя она должна быть самой лучшей.

Волшебная палочка... О ней Гарри мечтал больше всего.

Этот последний магазин был узким и невзрачным. Облупившиеся золотые буквы над дверью гласили: «Олливандеры: Изготовители превосходных палочек с 382 года до н. э.». За пыльным стеклом витрины на выцветшей пурпурной подушечке лежала всего одна палочка.

Когда они вошли внутрь, где-то в глубине магазина звякнул колокольчик. Помещение было совсем крошечным и пустым, если не считать единственного высокого стула, на который Хагрид и уселся в ожидании. Гарри охватило

странное чувство, как будто он вошёл в библиотеку со строгими правилами. Он подавил в себе желание задать множество новых вопросов и посмотрел на тысячи узких коробочек, аккуратно сложенных стопками почти до потолка. Почему-то он покрылся мурашками. Даже пыль и тишина в этом месте, казалось, трепетали от какой-то таинственной магии.

— Добрый день, — произнёс мягкий голос. Гарри подпрыгнул. Хагрид, похоже, тоже подпрыгнул, потому что послышался громкий треск, и он быстро вскочил с высокого стула.

Перед ними стоял старик, чьи большие почти бесцветные глаза светились в темноте магазина словно две луны.

— Здравствуйте, — неловко поздоровался Гарри.

— Ах, да, — сказал старик. — Да, да. Я так и думал, что скоро вас увижу. Гарри Поттер. — Это был не вопрос. — У вас глаза вашей матери. Кажется, только вчера она сама стояла здесь, покупая свою первую палочку. Десять с четвертью дюймов, хлёсткая, сделанная из ивы. Прекрасная палочка для наведения чар.

Мистер Олливандер подошёл ближе к Гарри. Гарри захотелось, чтобы тот моргнул: от взгляда серебристых глаз становилось жутковато.

— А вот ваш отец предпочёл палочку из красного дерева. Одиннадцать дюймов. Гнущаяся. Немного более мощная и замечательно подходящая для трансфигурации. Впрочем, я сказал, что ваш отец предпочел её... Разумеется, на самом деле это палочка выбирает волшебника.

Мистер Олливандер подошёл так близко, что они с Гарри едва не касались друг друга носами. Гарри видел своё отражение в его туманных глазах.

— А вот куда...

Длинным белым пальцем мистер Олливандер дотронулся до шрама в виде молнии на лбу Гарри.

— Мне горько говорить о том, что я продал палочку, сделавшую это, — мягко произнёс он. — Тринадцать с половиной дюймов. Тис. Мощная палочка, очень мощная, но в плохих руках... Что ж, если бы я знал, что эта палочка выйдет в мир для того, чтобы...

Он покачал головой, после чего, к облегчению Гарри, заметил Хагрида.

— Рубеус! Рубеус Хагрид! Как чудесно снова видеть Вас... Дуб, шестнадцать дюймов, довольно гибкая, такой ведь она была?

— Да, была, сэр, — ответил Хагрид.

— Хорошая была палочка. Но я полагаю, её сломали напополам, когда вас исключили? — неожиданно строго спросил Олливандер.

— Э... да, так и было, да, — сказал Хагрид, шаркая ногами по полу. — Но я всё ещё храню обломки, — добавил он, просияв.

— Но вы ведь ими не пользуетесь? — резко спросил мистер Олливандер.

— О, нет, сэр, — быстро ответил Хагрид. Гарри заметил, как при этом он крепко вцепился в свой розовый зонтик.

— Хммм... — произнёс мистер Олливандер, бросая на Хагрида пронзительный взгляд. — Что ж... мистер Поттер. Посмотрим... — Он вытащил из кармана длинный сантиметр с серебряными делениями. — Какой рукой вы держите палочку?

— Эээ... ну, я правша, — ответил Гарри.

— Вытяните руку. Отлично. — Он измерил Гарри от плеча до кончиков пальцев, затем от запястья до локтя, от плеча до пола, от колена до подмышек и размер его головы. Занимаясь этими измерениями, он говорил: — Внутри каждой палочки Олливандеров — сердцевина из мощной магической субстанции, мистер Поттер. Мы используем волос единорога, перья из хвоста феникса и сердечную жилу дракона. У Олливандеров не бывает двух одинаковых палочек, как не бывает двух совершенно одинаковых единорогов, драконов или фениксов. И, разумеется, вы никогда не добьётесь хороших результатов с палочкой другого волшебника.

Неожиданно Гарри понял, что сантиметр, измеряющий в данный момент расстояние между его ноздрями, делает это сам по себе. Мистер Олливандер ходил вдоль полок, вынимая коробочки.

— Достаточно, — сказал он, и лента сантиметра упала на пол бесформенной кучкой. — Итак, мистер Поттер. Попробуйте эту. Бук и сердечная жила дракона. Девять дюймов. Весьма упругая. Просто возьмите и взмахните.

Гарри взял палочку и (чувствуя себя очень глупо) слегка взмахнул ею, но мистер Олливандер тут же выхватил её из его руки.

— Клён и перо феникса. Семь дюймов. Очень гибкая. Попробуйте...

Гарри попробовал... Но едва он приподнял палочку, как мистер Олливандер мгновенно выхватил и эту.

— Нет-нет, вот, чёрное дерево и волос единорога, восемь с половиной дюймов, пружинистая. Давайте, давайте, пробуйте.

Гарри попробовал ещё раз. И ещё. Он совершенно не представлял себе, чего ждёт мистер Олливандер. Гора испытанных палочек на стуле росла, но чем больше новых палочек мистер Олливандер снимал с полок, тем счастливее он становился.

— Непростой клиент, да? Не беспокойтесь, мы обязательно найдём что-то подходящее... Интересно... Да, почему, собственно, и нет... необычное сочетание — остролист и перо феникса, одиннадцать дюймов, в меру податливая.

Гарри взял палочку, и вдруг почувствовал тепло в своих пальцах. Он поднял палочку над головой, рассёк ею пыльный воздух, и из кончика вырвался сноп красных и золотых искр, похожий на фейерверк, отбрасывая пляшущие пятна

света на стены. Хагрид закричал и захлопал в ладоши, а мистер Олливандер воскликнул:

— О, браво! Да, действительно, очень хорошо. Так, так, так... любопытно... Весьма любопытно...

Он положил палочку Гарри обратно в коробочку и завернул её в коричневую бумагу, продолжая бормотать:

— Любопытно... Как любопытно...

— Извините, — спросил Гарри, — но что любопытно?

Мистер Олливандер пристально посмотрел на Гарри своими бледными глазами.

— Я помню каждую проданную мной палочку, мистер Поттер. Абсолютно каждую. Так уж случилось, что феникс, чьё хвостовое перо находится в вашей палочке, дал ещё одно перо — одно-единственное. Весьма любопытным является обстоятельство, что эта палочка предназначалась именно вам, в то время как её сестра... сестра её наградила вас этим шрамом.

Гарри сглотнул.

— Да, тринадцать с половиной дюймов. Тис. Какое интересное совпадение. Однако же, помните, палочка выбирает волшебника... Думаю, нам стоит ожидать великих дел от вас, мистер Поттер... В конце концов, Тот-Кого-Нельзя-Называть совершал великие вещи. Ужасные, да, но всё же великие.

Гарри передёрнуло. Он не был уверен, что мистер Олливандер так уж ему понравился. Он заплатил семь золотых галеонов за свою палочку, и мистер Олливандер с поклоном проводил их до двери.

Вечернее солнце уже клонилось к горизонту, когда Гарри и Хагрид возвращались по Диагон Аллее, обратно через стену, в Дырявый Котёл, где сейчас никого не было. Пока они шли, Гарри молчал. Он даже не замечал, как много на них глазели в метро, рассматривая множество пакетов странной формы и спящую полярную сову на коленях Гарри. Вверх ещё по одному эскалатору, выход на Пэддингтонском вокзале.

Гарри осознал, где они, только когда Хагрид потрогал его по плечу.

— До отбытия твоего поезда у нас ещё есть время чуток перекусить, — сказал он.

Он купил Гарри гамбургер, и они уселись на пластиковые стулья, чтобы поесть. Гарри непрерывно смотрел по сторонам. Всё вокруг почему-то казалось ему странным.

— С тобой всё нормально, Гарри? Что-то ты притих, — сказал Хагрид.

Гарри не знал, сможет ли он объяснить. Сегодня у него был самый чудесный день рождения в жизни... И всё же... Он жевал гамбургер, пытаясь найти слова.

— Все думают, что я особенный, — сказал он, наконец. — Все эти люди в Дырявом Котле, профессор Квиррелл, мистер Олливандер... Но я совсем ничего не знаю о магии. Как от меня можно ожидать чего-то великого? Я знаменит, но даже не помню, почему. Я не знаю, что случилось, когда Вол... извини... в смысле, в ту ночь, когда погибли мои родители.

Хагрид перегнулся через стол. За его густой бородой и бровями притаилась очень добрая улыбка.

— Не волнуйся, Гарри. Ты достаточно скоро всему научишься. В Хогвартсе все начинают с нуля. У тебя всё получится. Просто будь самим собой. Я знаю, это тяжело. Всегда тяжело, когда тебя выделяют. Но тебе будет хорошо в Хогвартсе... Как было и мне... и до сих пор хорошо, кстати говоря.

Хагрид помог Гарри забраться в поезд, который должен был везти его обратно к Дёрсли, после чего протянул конверт.

— Твой билет до Хогвартса, — сказал он. — Первого сентября... Кингс-Кросс... На билете всё написано. Будут проблемы с Дёрсли, пошли мне весточку со своей совой. Она знает, где меня найти. До скорой встречи, Гарри.

Поезд тронулся. Гарри хотел смотреть на Хагрида, пока тот не исчезнет из виду. Он приподнялся на сиденье и прижался носом к стеклу, но стоило ему моргнуть, как Хагрид исчез.

Глава шестая. Путешествие с платформы Девять и Три Четверти
Последний месяц у Дёрсли для Гарри был невесёлым. Правда, Дадли теперь настолько боялся Гарри, что не хотел оставаться с ним в одной комнате, а тётя Петуния и дядя Вернон не запирали Гарри в чулане, не заставляли что-нибудь делать и не кричали на него — вообще-то, они совсем с ним не разговаривали. Они были так напуганы и, в то же время, злы на Гарри, что вели себя так, будто он вообще был для них пустым местом. И, хотя во многом жить стало лучше, чем прежде, спустя некоторое время это начало действовать слегка угнетающе.

Гарри сидел у себя в комнате в компании своей новой совы. Он решил назвать её Хедвигой — именем, которое он нашёл в «Истории Магии». Его учебники оказались очень интересными. Лёжа на кровати, он читал их до поздней ночи, а Хедвига, когда ей вздумается, вылетала и влетала в открытое окно. Хорошо ещё, что тётя Петуния больше не приходила сюда пылесосить, потому что Хедвига постоянно таскала в дом дохлых мышей. Каждый вечер, перед тем, как лечь спать, Гарри отмечал галочкой ещё один день на листе бумаги, который он прикрепил к стене, чтобы отсчитывать время, оставшееся до первого сентября.

В последний день августа он подумал, что было бы неплохо поговорить с дядей и тётей по поводу того, как ему добраться до вокзала Кингс-Кросс на следующий день, поэтому он спустился в гостиную, где они смотрели по телевизору викторину. Он кашлянул, давая знать о себе, и Дадли с криками выскочил из комнаты.

— Э-э... дядя Вернон?

Дядя Вернон что-то буркнул, давая понять, что он слушает.

– Э... мне нужно попасть на Кингс-Кросс завтра... чтобы поехать в Хогвартс.

Дядя Вернон снова буркнул.

– Не могли бы вы меня туда подбросить?

Бурк. Гарри предположил, что это означает «да».

– Спасибо.

Он уже собирался отправиться к себе наверх, как вдруг дядя Вернон заговорил:

– Интересный способ добраться до школы колдунов – на поезде! Что, все ковры-самолёты прохудились?

Гарри ничего не ответил.

– Так где находится эта школа?

– Я не знаю, – ответил Гарри, впервые осознав этот факт. Он вытащил из кармана билет, который ему дал Хагрид.

– Я просто сяду на поезд, который отходит от платформы девять и три четверти в одиннадцать часов, – прочитал он.

Дядя и тётя уставились на него.

– С какой платформы?

– Девять и три четверти.

– Не мели вздор, – сказал дядя Вернон, – не бывает платформы девять и три четверти.

– Так указано в моём билете.

– Сумасшедшие, – сказал дядя Вернон. – абсолютные психи – вот все они кто. погоди, сам увидишь. Ладно, отвезём мы тебя завтра на Кингс-Кросс. Всё равно мы собираемся в Лондон, иначе я не стал бы себя утруждать.

– А зачем вы поедете в Лондон? – спросил Гарри, стараясь оставаться дружелюбным.

– Свозим Дадли в больницу, – прорычал дядя Вернон. – Нужно удалить этот проклятый хвост, прежде чем он отправится в Смелтингс.

* * *

Следующим утром Гарри проснулся в пять часов и больше не мог заснуть, потому что слишком волновался и нервничал. Он встал и натянул джинсы, поскольку не хотел появляться на вокзале в своей чародейской мантии – лучше переодеться в поезде. Он ещё раз сверился со списком принадлежностей для Хогвартса, чтобы удостовериться, что у него есть всё необходимое, убедился, что Хедвига надёжно заперта в своей клетке, и затем принялся расхаживать по комнате, ожидая пробуждения Дёрсли. Двумя

часами позже его огромный и тяжёлый чемодан погрузили в машину Дёрсли, тётя Петунья уговорила Дадли сесть рядом с Гарри, и они отправились в путь.

До Кингс-Кросс они добрались в половине одиннадцатого. Дядя Вернон швырнул чемодан Гарри на тележку и сам покатил её на вокзал. Гарри думал, что это было подозрительно любезно с его стороны, пока дядя Вернон внезапно не остановился лицом к платформам со злобной ухмылкой на лице.

— Ну что ж, вот и всё, парень. Платформа девять — платформа десять. Твоя платформа должна быть где-то посередине, но её, видимо, ещё не построили, а?

Конечно же, он был совершенно прав. Над одной платформой висела большая пластиковая табличка с номером девять, над следующей — с номером десять, а в середине ничего не было.

— Приятного семестра, — сказал дядя Вернон с ещё более злобной ухмылкой. Он ушёл, больше ничего не сказав. Гарри обернулся и увидел, как Дёрсли уезжают. Все трое хохотали. У Гарри пересохло во рту. Что же ему теперь делать? Он уже начал привлекать к себе множество любопытных взглядов из-за Хедвиги. Придётся у кого-нибудь спросить.

Он остановил проходившего мимо охранника, но не осмелился упомянуть платформу девять и три четверти. Охранник никогда не слышал о Хогвартсе, и, когда Гарри даже не смог объяснить, в какой части страны находится эта школа, начал раздражаться, будто Гарри нарочно включил дурака. Впадая в отчаяние, Гарри осведомился о поезде, который отходит в 11 часов, но охранник сказал, что такого нет. В конце концов, охранник зашагал прочь, ворча что-то про тех, кто тратит его время впустую. Теперь Гарри изо всех сил старался не паниковать. Большие часы над расписанием прибытия поездов гласили, у него оставалось десять минут, чтобы сесть на поезд в Хогвартс, а он не имел ни малейшего понятия, как это сделать. Он оказался один посреди вокзала с чемоданом, который он с трудом мог поднять, полным карманом колдовских денег и большой совой.

Очевидно, Хагрид забыл сказать ему что-то, что надо сделать, вроде того, как постучать по третьему кирпичу слева, чтобы попасть на Диагон Аллею. Гарри подумал, а не вытащить ли ему свою волшебную палочку и начать обстукивать ею стойку билетного контролёра между платформами девять и десять?

В этот момент прямо позади него прошла группа людей, и он уловил несколько слов из их разговора:

— ...забито магглами, конечно...

Гарри резко обернулся. Это сказала полная женщина, разговаривавшая с четырьмя мальчиками. Все они были с огненно-рыжими волосами. Каждый из них толкал впереди себя тележку с таким же, как у Гарри, чемоданом... и у них была сова!

С бешено бьющимся сердцем, Гарри толкнул свою тележку следом за ними. Они остановились, он тоже, достаточно близко, чтобы слышать, о чём они говорят.

— Так, какой номер платформы? — спросила мать мальчиков.

— Девять и три четверти! — пропищала маленькая девочка, тоже рыжеволосая, которая держалась за её руку, — Мам, можно мне поехать?...

— Ты ещё недостаточно взрослая, Джинни, а теперь — тихо. Давай, Перси, ты первый.

Парень, выглядевший среди мальчиков самым старшим, зашагал по направлению к платформам девять и десять. Гарри наблюдал за ним, стараясь не моргать, чтобы ничего не пропустить, но когда мальчик приблизился к разделительному барьеру между платформами, большая толпа туристов прошла прямо перед Гарри, и к моменту, когда последний рюкзак перестал загромождать поле зрения, парень уже исчез.

— Фред, ты следующий, — сказала полная женщина.

— Я не Фред, я Джордж, — сказал мальчик. — Честное слово, женщина, и ты ещё называешь себя нашей матерью? Разве не видно, что я Джордж?

— Извини, Джордж, дорогой.

— Шучу, я — Фред, — сказал мальчик, и двинулся вперёд. Его близнец закричал ему вслед, чтобы тот поторопился, и, видимо, тот так и поступил, потому что секундой позже он исчез, — но как он это сделал?

Теперь третий из братьев бодро направлялся к барьеру — он был уже почти там — и затем, совершенно внезапно, его не стало.

Ничего другого не оставалось.

— Извините, — обратился Гарри к полной женщине.

— Здравствуй, милый, — сказала она. — Первый раз едешь в Хогвартс? Рон тоже новичок.

Она указала на последнего и самого младшего из своих сыновей. Он был высоким, худощавым, нескладным, веснушчатым, с большими руками и ногами и с длинным носом.

— Да, — сказал Гарри, — Дело в том... дело в том, что я не знаю, как...

— Как попасть на платформу? — доброжелательно спросила она, и Гарри кивнул.

— Не волнуйся, — сказала она, — Всё, что тебе нужно сделать, это пойти прямо на барьер между платформами девять и десять. Не останавливайся и не бойся, что ты в него врежешься, это очень важно. Если нервничаешь, лучше всего сделать это с разбегу. Давай, ступай сейчас, перед Роном.

— Э... ладно, — ответил Гарри.

Он развернул свою тележку и уставился на барьер. Тот выглядел весьма твёрдым.

Гарри пошёл на него. Люди толкали его, спеша к платформам девять и десять, и он ускорил шаг. Сейчас он врежется в прямо в стойку билетного контролёра, и тогда попадёт в беду... налегая на тележку, он сорвался на тяжёлый бег... барьер всё приближался... он уже не мог остановиться... тележка стала неуправляема... остаётся всего фут... он закрыл глаза, приготовившись к столкновению...

Но его не произошло... он продолжал бежать... он открыл глаза.

Ярко-алый паровоз ожидал возле платформы, заполненной людьми. Табличка наверху гласила: «Хогвартс-экспресс, 11 часов». Гарри оглянулся и на месте барьера увидел кованую железную арку с надписью «Платформа девять и три четверти». У него получилось.

Дым от паровоза плыл над головами гудящей толпы, в то время как кошки всевозможных окрасов сновали под ногами людей. Совы раздражённо ухали друг на друга сквозь гул голосов и скрип тяжёлых чемоданов.

Несколько первых вагонов были уже заполнены учениками: одни вывешивались из окон, чтобы поговорить со своей семьёй, другие боролись за места. Гарри толкал свою тележку вперёд по платформе, в поисках свободного места. Он прошёл мимо круглолицего мальчика, сказавшего:

— Ба, я снова потерял свою жабу.

— Ох, Невилл, — услышал он вздох пожилой женщины.

Вокруг мальчика с дредами собралась небольшая толпа.

— Дай нам посмотреть, Ли, давай!

Парень поднял крышку коробки, которую держал в руках, и все вокруг него завизжали и завопили, когда изнутри что-то высунуло длинную волосатую лапу.

Гарри протискивался через толпу, пока не обнаружил пустое купе почти в конце поезда. Сначала он занёс внутрь Хедвигу, потом принялся подтаскивать чемодан к двери вагона. Он пытался поднять его вверх по ступенькам, но смог лишь с трудом приподнять один край, дважды уронив чемодан себе на ногу, что было довольно болезненно.

— Тебе помочь?

Это был один из рыжеволосых близнецов, за которыми он прошёл через барьер.

— Да, пожалуйста, — тяжело дыша, сказал Гарри.

— Эй, Фред! Подойди-ка сюда, помоги!

С помощью близнецов Гарри наконец-то задвинул свой чемодан в угол купе.

— Спасибо, — сказал Гарри, убирая с глаз мокрые от пота волосы.

— А это что? — вдруг спросил у Гарри один из близнецов, показывая на шрам в виде молнии.

— Чтоб мне провалиться, — сказал другой. — Неужели ты..

— Это он, — сказал первый. — Это ведь ты? — добавил он, обращаясь к Гарри.

— Что? — спросил Гарри.

— Гарри Поттер, — хором сказали близнецы.

— А, он, — сказал Гарри. — В смысле, да, это я.

Оба мальчика вытаращили на него глаза, и Гарри почувствовал, что краснеет. Затем, к его облегчению, через открытую дверь вагона послышался голос:

— Фред? Джордж? Вы здесь?

— Идём, мам.

Последний раз взглянув на Гарри, близнецы спрыгнули с поезда.

Гарри сел рядом с окном, где, наполовину спрятавшись, он мог наблюдать за рыжеволосым семейством на платформе и слушать, о чём они говорят. Их мать только что достала носовой платок.

— Рон, ты чем-то запачкал нос.

Младший сын попытался увернуться от неё, но она ухватила его и начала оттирать кончик его носа.

— Мам.. отстань, — вывернулся он.

— А-а-а, малыш Ронни сем-то запаськал свой носик? — произнес один из близнецов.

— Заткнись, — сказал Рон.

— А где Перси? — спросила мама.

— Он сейчас подойдёт.

Широко шагая, появился старший брат. Он уже облачился в широкую чёрную мантию Хогвартса, и Гарри заметил сверкающий золотисто-красный значок с буквой «П» у него на груди.

— Я не могу остаться надолго, матушка, — сказал он. — Мне нужно быть в голове состава. У Префектов два отдельных купе...

— О, Перси, неужели ты — Префект? — сказал один из близнецов, демонстрируя крайнее удивление. — Надо было нам сказать, а то мы ведь и не догадывались.

— погоди, кажется, я припоминаю, он что-то об этом говорил, — сказал второй близнец. — Один раз...

— Или два...

— В минуту...

— Всё лето...

— Да заткнитесь вы, — сказал Префект Перси.

— Кстати, почему это Перси досталась новая мантия?

— Потому что он Префект, — любовно сказала их мать. — Ладно, дорогой, хорошего семестра... пошли мне сову, когда доберётесь.

Она поцеловала Перси в щёку, и тот ушёл. Затем она обратилась к близнецам.

— Так, вы двое — в этом году вести себя, как подобает. Если я получу ещё одну сову с сообщением, что вы... что вы взорвали туалет или...

— Взорвали туалет? Мы никогда не взрывали туалет.

— Хотя идея отличная, спасибо, мам.

— Не смешно. И присмотрите за Роном.

— Не волнуйся, малыс Ронкинс с нами в безопасности.

— Заткнись, — снова сказал Рон. Ростом он был почти таким же высоким, как и близнецы, а на его носу всё ещё алело пятно в том месте, где его потёрла мать.

— Эй, мам, а знаешь, что? Угадай, кого мы только что встретили в поезде!

Гарри быстро отклонился назад, чтобы они не увидели, что он на них смотрит.

— Помнишь того черноволосого мальчика, который был рядом с нами на вокзале? Знаешь, кто он?

— Кто?

— Гарри Поттер!

Гарри услышал голос маленькой девочки:

– Ой, мам, можно мне пойти в поезд и посмотреть на него? Мам, ну пожалуйста...

– Ты его уже видела, Джинни, и бедный мальчик – не зверь в зоопарке, чтобы ты на него тарашилась. Это действительно он, Фред? Как ты узнал?

– Спросил у него. Видел его шрам. Он действительно есть – в виде молнии.

– Бедняжка... Неудивительно, что он был один, а я-то всё гадала. Он был так вежлив, когда спрашивал, как попасть на платформу.

– Это ерунда, думаешь, он помнит, как выглядит Сама-Знаешь-Кто?

Их мать неожиданно стала очень суровой.

– Я запрещаю тебе его спрашивать, Фред! Нет, даже не смей! Как будто ему нужно напоминание об этом в первый день в школе.

– Ладно, не бойсь.

Раздался гудок.

– Поторопитесь! – сказала им мать, и трое ребят забрались в поезд. Они свесились из окна для её прощального поцелуя, а их младшая сестрёнка заплакала.

– Не надо, Джинни, мы пришлём тебе уйму сов!

– Мы пришлём тебе сиденье от унитаза из Хогвартса!

– Джордж!

– Шучу, мам.

Поезд тронулся. Гарри видел, как мать мальчиков машет им рукой, а их сестра, смеясь и плача одновременно, бежит рядом с поездом, пока тот не набрал слишком большую скорость, после чего она отстала и помахала им вслед.

Гарри наблюдал, как девочка и её мама исчезают, когда поезд повернул. За окном мелькали дома. Гарри охватило радостное волнение. Он не знал, что его ждёт впереди, но наверняка это было лучше, чем то, что он оставлял позади.

Дверь купе отъехала в сторону, и вошёл самый младший из рыжих мальчиков.

– Здесь не занято? – спросил он, указывая на место напротив Гарри. – Все остальные купе уже заполнены.

Гарри покачал головой, и мальчик сел. Он бросил взгляд на Гарри и затем быстро отвернулся к окну, притворяясь, что и не смотрел вовсе. Гарри увидел, что у него на носу всё ещё было чёрное пятнышко.

– Эй, Рон.

Вернулись близнецы.

– Слушай, мы идём в середину поезда – там у Ли Джордана гигантский тарантул.

– Ладно, – пробубнил Рон.

– Гарри, – сказал другой близнец, – мы ведь не представились? Фред и Джордж Уизли. А это Рон, наш брат. Ладно, увидимся позже.

– Пока, – сказали Гарри и Рон. Близнецы затворили за собой дверь купе.

– Ты действительно Гарри Поттер? – выпалил Рон.

Гарри кивнул.

– А... а то я думал, Фред и Джордж опять прикалываются, – сказал Рон. – А у тебя действительно есть... ну, знаешь...

Он указал на лоб Гарри.

Гарри убрал в сторону чёлку, чтобы показать шрам-молнию. Рон вытаращил глаза.

– Значит, вот куда Сам-Знаешь-Кто...

– Да, – сказал Гарри, – но я ничего не помню.

– Совсем ничего? – нетерпеливо спросил Рон.

– Ну... я помню много зелёного света, только и всего.

– Ух ты, – сказал Рон. Он несколько секунд пялился на Гарри, но затем, словно опомнившись, опять быстро отвернулся к окну.

– В твоей семье все волшебники? – спросил Гарри, находя Рона таким же интересным, каким был для того он сам.

– Э... Да, по-моему, – сказал Рон. – Вроде бы, у мамы есть троюродный брат, который работает бухгалтером, но мы никогда не говорим о нём.

– Тогда ты, должно быть, уже знаешь много волшебства.

Уизли определённо были одной из тех старых чародейских фамилий, о которых говорил бледный мальчик на Диагон Аллее.

– Я слышал, ты жил с магглами, – сказал Рон. – Какие они?

– Ужасные... ну, не все. Но мои дядя, тётя и двоюродный брат ужасные. Хотелось бы мне иметь трёх братьев-волшебников.

— Пятерых, — сказал Рон. Почему-то он помрачнел. — Я шестой в нашей семье иду в Хогвартс. Можно сказать, мне есть, к чему стремиться. Билл и Чарли уже закончили учиться — Билл был Старостой, а Чарли — капитаном команды по Квиддичу. Теперь Перси — Префект. Фред и Джордж много хулиганят, но всё равно получают очень хорошие отметки, и все находят их очень забавными. Все ожидают, что я буду не хуже остальных, но даже если я и буду не хуже, то это будет не так уж важно, потому что они достигли всего раньше. И если у тебя есть пять братьев, у тебя никогда не будет ничего нового. У меня старая мантия Билла, старая палочка Чарли, и старая крыса Перси.

Рон запустил руку в свою куртку и вытащил толстую серую крысу, которая спала.

— Его зовут Короста, и от него никакого проку, он почти не просыпается. Перси получил сову от папы за то, что стал Префектом, но они не могли позв... ну, то есть, а мне достался Короста.

У Рона покраснели уши. Похоже, он решил, что слишком разболтался, потому что снова уставился в окно.

Гарри не видел ничего постыдного в том, что кто-то не может позволить себе купить сову. В конце концов, у него никогда в жизни не было денег до прошлого месяца, и он сказал об этом Рону, как и о том, что ему приходилось донашивать старую одежду Дадли, и что он никогда не получал настоящих подарков в день рождения. Казалось, это приободрило Рона.

— ...и до тех пор, пока Хагрид не рассказал мне, я ничего не знал ни о том, что я волшебник, ни о своих родителях, ни о Волдеморте.

Рон ахнул.

— Что? — спросил Гарри.

— Ты назвал Сам-Знаешь-Кого по имени! — потрясённо и, в то же время, с восхищением сказал Рон. — Я думал, кто-кто, а уж ты-то...

— Я не стараюсь казаться храбрым, произнося его имя, — сказал Гарри. — Я просто никогда не знал, что этого нельзя делать. Понимаешь, о чём я? Мне многому ещё нужно научиться... И спорим, — добавил он, впервые озвучивая терзавшие его в последнее время опасения, — спорим, я буду худшим учеником в классе.

— Не будешь. Куча народа приходит из семей магглов, и они достаточно быстро всему учатся.

Пока они разговаривали, поезд выехал из Лондона. Теперь они мчались мимо лугов, на которых паслись многочисленные стада коров и овец. Некоторое время они молчали, глядя на мелькавшие за окном поля и шоссе.

Около половины первого снаружи из коридора послышалось сильное гроыхание, и улыбающаяся женщина с ямочками на щеках отодвинула дверь и спросила:

– Хотите что-нибудь с тележки, дорогие?

Гарри, который не завтракал, вскочил на ноги, а у Рона опять покраснели уши, и он пробормотал, что взял с собой бутерброды. Гарри вышел в коридор.

У него никогда не было денег на сладости, когда он жил у Дёрсли, но теперь, когда в карманах звенело золото и серебро, он был готов купить столько батончиков «Марс», сколько смог бы унести – но у женщины не было батончиков «Марс». Зато у неё оказались «Конфеты с Любими Вкусами от Берти Ботта», «Лучшая Жвачка от Друбл», Шоколадные Лягушки, тыквенные пирожки, Кексы-Котлы, лакричные палочки и еще много странных вещей, которых Гарри не видел никогда в своей жизни. Не желая ничего упустить, он взял всего понемногу и заплатил продавщице одиннадцать серебряных сиклей и семь бронзовых кнатов.

Рон уставился на Гарри, когда тот принёс всё это в купе и свалил на свободное сиденье.

– Проголодался, да?

– Просто помираю с голоду, – ответил Гарри, откусывая большой кусок от тыквенного пирожка.

Рон вынул пухлый пакет и развернул его. Внутри оказалось четыре бутерброда. Он разъединил ломтики хлеба и сказал:

– Она всегда забывает, что я не люблю солонину.

– Меняем, – предложил Гарри, протягивая пирожок. – Бери...

– Не надо, он весь высох, – сказал Рон. – Ей всё время некогда, – быстро добавил он, – ну, понимаешь, нас пятеро.

– Давай, бери пирожок, – сказал Гарри, у которого раньше никогда не было, чем поделиться, да и с кем поделиться, честно говоря, тоже не было. Это было здорово, сидеть вот так с Роном, поедая все эти купленные Гарри пирожки и кексы (про бутерброды никто не вспоминал).

– А это что такое? – спросил Гарри у Рона, взяв в руки упаковку с Шоколадными Лягушками. – Это ведь не настоящие лягушки?

Он начинал чувствовать, что ничему бы уже не удивился.

– Нет, – сказал Рон. – Но посмотри, какая там карточка. У меня не хватает Агриппы.

– Что?

– А, конечно, откуда тебе знать... Внутри упаковок с Шоколадными Лягушками есть карточки, ну, знаешь, чтобы коллекционировать, – Знаменитые Волшебницы и Волшебники. У меня уже около пяти сотен, но никогда не попадались Агриппа или Птолемей.

Гарри развернул свою Шоколадную Лягушку и вытащил карточку. На ней было изображено мужское лицо в очках-полумесяцах, с длинным крючковатым носом, ниспадающими седыми волосами, бородой и усами. Под картинкой было имя – Альбус Дамблдор.

– Так вот каков Дамблдор! – сказал Гарри.

– Только не говори, что ты никогда не слышал о Дамблдоре! – сказал Рон. – Можно я возьму лягушку? Может, там будет Агриппа... спасибо..

Гарри перевернул карточку и прочёл:
АЛЬБУС ДАМБЛДОР –
В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ДИРЕКТОР ХОГВАРТСА

Признан многими величайшим чародеем современности. Профессор Дамблдор особенно известен благодаря своей победе над тёмным волшебником Гриндельвальдом в 1945 году, открытию двенадцати способов использования драконьей крови, а также совместной работе с Николасом Фламелем в области алхимии. Профессор Дамблдор обожает камерную музыку и игру в кегли. Гарри снова перевернул карточку и, к своему изумлению, обнаружил, что лицо Дамблдора исчезло.

– Он пропал!

– Ну не будет же он торчать там весь день, – сказал Рон. – Он вернётся. О, нет, опять Моргана – у меня уже шесть таких... хочешь? Ты можешь начать коллекционировать.

Взгляд Рона обратился к куче ещё не распечатанных Шоколадных Лягушек.

– Утощайся, – сказал Гарри. – А, знаешь, в маггловском мире люди просто остаются неподвижными на фотографиях.

– Да? Что, они совсем не двигаются? – изумился Рон. – Странно!

Гарри во все глаза смотрел на Дамблдора, который бочком проскользнул обратно на картинку и едва заметно ему улыбнулся. Рон был больше заинтересован в поедании лягушек, чем в созерцании карточек со Знаменитыми Волшебниками и Волшебницами, но Гарри не мог оторвать от них глаз. Скоро у него были не только Дамблдор и Моргана, но и Хенгист Вудкрофтский, Альберик Граннион, Цирцея, Парацельс и Мерлин. Наконец, он отвёл взгляд от почёсывающей свой нос друидессы Клиодны, чтобы открыть пакет «Конфет с Любymi Вкусами от Берти Ботт».

– Ты поосторожнее с ними, – предупредил его Рон. – Когда говорят «любой вкус», они подразумевают именно любой вкус – там есть и всякие обычные, например, со вкусом шоколада, мяты или мармеладные, но, бывает, попадаются и со вкусом шпината, или печёнки, или требухи. Джордж говорит, однажды ему попала со вкусом козявки.

Рон выбрал зелёную конфету, внимательно посмотрел на неё и отгрыз краешек.

– Бее... вот видишь? Брюссельская капуста.

Они отлично провели время, поедая «Конфеты с Любymi Вкусами». Гарри попались тост, кокос, тушёная фасоль, клубника, карри, трава, кофе, сардина, и он даже осмелился откусить кусочек от странной серой конфеты, к которой Рон не притронулся, и которая оказалась со вкусом перца.

Пролетающие за окном пейзажи становились всё более пустынными и дикими. Ухоженные поля исчезли. Теперь шли леса, извилистые реки, и тёмно-зелёные холмы.

В дверь постучали, и в купе вошёл круглолицый мальчик, мимо которого Гарри проходил на платформе девять и три четверти. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Простите, — сказал он, — вы нигде не видели жабу?

Когда они покачали головами, он запричитал:

— Я потерял его! Он постоянно от меня удирает!

— Найдётся, — сказал Гарри.

— Да, — печально ответил мальчик. — Ладно, если вы его увидите...

Он вышел.

— Не знаю, чего он так волнуется, — сказал Рон. — Если бы я вёз жабу, я бы постарался потерять её как можно быстрее. Хотя, мне бы говорить, у меня у самого Короста.

Крыса всё ещё дремала на коленях у Рона.

— Даже если он умрёт, всё равно не заметишь разницы, — с отвращением сказал Рон, — Вчера я попытался переокрасить его в жёлтый цвет, чтобы сделать его хоть чуточку интереснее, но заклинание не сработало. Сейчас покажу, смотри...

Он порылся в своём чемодане и вытащил довольно потрепанную на вид волшебную палочку. Дерево было местами отколото, а на конце блестело что-то белое.

— Волос единорога почти вылез. Короче...

Едва он поднял свою палочку, как дверь купе снова отъехала в сторону. Вернулся мальчик, потерявший жабу, но на этот раз с ним была какая-то девочка. На ней уже была новая школьная мантия.

— Никто не видел жабу? Невилл её потерял, — спросила она. У неё был начальственный голос, пышные каштановые волосы, и довольно большие передние зубы.

— Мы уже сказали ему, что не видели, — сказал Рон, но девочка не слушала, она смотрела на палочку в его руке.

— О, вы колдуете? Ну, давайте-ка поглядим.

Она села. Рон, похоже, опешил.

— Э... ладно.

Он прокашлялся.

— Масло, маргаритки, немного солнечного света, пусть станет эта крыса жёлтого цвета.

Он махнул палочкой, но ничего не произошло. Короста остался серым и продолжал крепко спать.

— А ты уверен, что это настоящее заклинание? — спросила девочка. — Ну, оно не слишком хорошее, правда? Я испробовала несколько простых заклинаний для практики, и они все у меня работали. У меня в семье совсем нет волшебников, и это был такой сюрприз, когда я получила письмо, но, конечно, очень обрадовалась, ну, вы понимаете, это же лучшая школа колдовства из существующих, как я слышала... Конечно же, я заучила все учебники нашего курса наизусть и очень надеюсь, что этого будет достаточно... Кстати, я Гермиона Грэйнджер, а вы кто?

Всё это было сказано очень быстро.

Гарри посмотрел на Рона, и с облегчением понял по его ошеломлённому лицу, что тот тоже не заучивал наизусть все учебники.

— Я — Рон Уизли, — пробормотал Рон.

— Гарри Поттер, — сказал Гарри.

— Неужели это ты? — спросила Гермиона. — Конечно же, я всё о тебе знаю. Я взяла ещё несколько книг для дополнительного чтения, и про тебя написано в «Современной Волшебной Истории», и в «Возвышении и Упадке Тёмных Искусств», и в «Великих Волшебных Событиях Двадцатого Века».

— Про меня? — изумлённо спросил Гарри.

— Господи, ты что, не знал? На твоём месте я бы всё о себе выяснила, — сказала Гермиона. — Кто-нибудь из вас знает, в какой Дом попадёт? Я навела кое-какие справки, и надеюсь, что буду учиться в Гриффиндоре. Судя по всему, он самый лучший; я слышала, что там учился сам Дамблдор, но полагаю, что попасть в Рэйвенкло было бы не так уж плохо... В любом случае, нам лучше пойти и поискать жабу Невилла. Знаете, вам двоим лучше переодеться, думаю, мы скоро приедем.

И она вышла и увела мальчика без жабы.

— В какой бы Дом я ни попал, надеюсь, её там не будет, — сказал Рон. Он кинул палочку в чемодан. — Дурацкое заклинание... Мне его дал Джордж и наверняка ведь знал, что оно негодное.

— А в каком Доме твои братья? — спросил Гарри.

— В Гриффиндоре, — ответил Рон. Казалось, он снова помрачнел. — Мама и папа тоже там учились. Я даже не знаю, что они скажут, если я туда не попаду. Думаю, в Рэйвенкло и правда было бы не так уж плохо, но представь, если меня определяют в Слизерин.

— Это Дом, в котором учился Вол... то есть, Сам-Знаешь-Кто?

— Да, — сказал Рон. Он плюхнулся на своё сиденье и выглядел при этом подавленным.

— Знаешь, мне кажется, концы усов у Коросты немного посветлели, — сказал Гарри, пытаясь отвлечь Рона от мыслей о Домах. — А чем занимаются твои старшие братья теперь, когда отучились?

Гарри было интересно, чем вообще занимаются волшебники, окончившие школу.

— Чарли в Румынии, изучает драконов, а Билл в Африке, что-то делает для Гринготтса, — сказал Рон. — Ты слышал о Гринготтсе? «Ежедневный Пророк» много об этом писал, хотя, не думаю, что ты получал его у магглов. Кто-то пытался ограбить хранилище с повышенной защитой.

Гарри вытаращил глаза.

— Неужели? И что стало с грабителями?

— Ничего, именно поэтому подняли такую шумиху. Их не поймали. Папа говорит, что только очень сильный Тёмный волшебник может пробраться в Гринготтс, но они думают, что грабители ничего не взяли, вот что странно. Конечно, все напуганы, когда что-нибудь подобное происходит, — вдруг за этим стоит Сам-Знаешь-Кто.

Гарри попытался переварить в мозгу услышанное. Он начал испытывать слабое чувство страха каждый раз, когда упоминался Сам-Знаешь-Кто. Он полагал, что всё это — часть проникновения в мир волшебников, но было куда комфортнее говорить «Волдеморт» без опаски.

— Ты в Квиддиче за какую команду? — спросил Рон.

— Э... я ни одной не знаю, — признался Гарри.

— Что? — Рон, казалось, был потрясён до глубины души. — О, да ты погоди, это же лучшая игра в мире... — и он пустился в объяснения по поводу четырёх мячей и позиций семерых игроков; описал знаменитые игры, на которых он был со своими братьями, и метлу, которую он хотел бы иметь, если бы у него были деньги. Он уже начал посвящать Гарри в тонкости игры, когда снова открылась дверь купе. Но на этот раз это был не Невилл без своей жабы и не Гермиона Грэйнджер.

В купе вошли три мальчика, и среднего из них Гарри узнал сразу же: это был бледный мальчик из магазина мантий мадам Малкин. Он смотрел на Гарри с гораздо большим интересом, чем выказал тогда на Диагон Аллее.

— Это правда? — спросил он. — По всему поезду говорят, что в этом купе едет Гарри Поттер. Так это ты, да?

— Да, — сказал Гарри. Он смотрел на других мальчиков. Оба были коренастыми и выглядели чрезвычайно злыми. Стоя по обеим сторонам бледного мальчика, они смотрелись как телохранители.

— А это Крэбб, а это Гойл, — небрежно сказал бледный мальчик, перехватив взгляд Гарри. — А меня зовут Малфой, Драко Малфой.

Рон слегка кашлянул, похуже, пытаюсь скрыть смехок. Драко Малфой посмотрел на него.

— Моё имя кажется тебе забавным, да? Нет необходимости спрашивать, кто ты такой. Отец мне говорил, что у всех Уизли рыжие волосы, веснушки, и больше детей, чем они могут себе позволить.

Он снова повернулся к Гарри.

— Ты скоро поймешь, что одни колдовские семьи намного лучше, чем другие, Поттер. Лучше не заводить друзей не того сорта. Я могу тебе помочь.

Он протянул руку для рукопожатия, но Гарри не ответил.

— Думаю, я сам знаю, кто не того сорта, благодарю, — холодно сказал он.

Драко Малфой не покраснел, но на его бледных щеках появился лёгкий румянец.

— На твоём месте я был бы осторожнее, Поттер, — медленно произнёс он. — Если ты не будешь повежливее, ты пойдёшь тем же путём, что и твои родители. Они тоже не знали, что для них хорошо. Будешь водиться со всяким сбродом вроде Уизли и этого Хагрида, сам таким же станешь.

Гарри и Рон оба встали. Лицо Рона стало таким же огненным, как и его волосы.

— Повтори-ка, — сказал он.

— Что, драться с нами собираетесь? — усмехнулся Малфой.

— Если не уберётесь сейчас же, — сказал Гарри намного храбрее, чем он себя чувствовал, поскольку Крэбб и Гойл были намного больше их с Роном.

— А мы не хотим уходить, правда, ребята? Свою еду мы уже съели, а у вас, похуже, ещё кое-что осталось.

Гойл потянулся к Шоколадным Лягушкам, лежащим рядом с Роном. Рон рванулся вперёд, но не успел он коснуться Гойла, тот издал ужасный вопль.

Крыса Короста висела на его пальце, впившись маленькими острыми зубками в костяшку пальца. Крэбб и Малфой попятились назад, пока Гойл выл и размахивал крысой во все стороны, и, после того, как Короста, наконец, отлетел от него и шмякнулся об окно, все трое мгновенно исчезли.

Возможно, они подумали, что здесь есть еще крысы, притаившиеся среди сладостей, а, может быть, они услышали шаги, потому что секундой позже вошла Гермиона Грэйнджер.

— Что здесь случилось? — спросила она, глядя на разбросанные по всему полу сладости и на Рона, поднимающего Коросту за хвост.

— Думаю, он вырубился, — сказал Рон Гарри. Он присмотрелся к Коросте более внимательно. — Нет... Глазам не верю — он снова спит!

Так и было.

— Так ты уже видел Малфоя?

Гарри рассказал про их встречу на Диагон Аллее.

— Слышал я про его семью, — мрачно сказал Рон. — Они были одними из первых, кто вернулся на нашу сторону после исчезновения Сам-Знаешь-Кого. Сказали, что были околдованы. Мой папа в это не верит. Он говорит, что отцу Малфоя не нужен был предлог, чтобы перейти на Тёмную Сторону. — Он повернулся к Гермионе. — Тебе что-то нужно?

— Вы бы лучше поторопились и надели свои мантии. Я только что была впереди — разговаривала с проводником, и он сказал, что мы уже почти приехали. Вы ведь не дрались? А то у вас будут неприятности ещё до того, как мы приедем!

— Короста дрался, а не мы, — сказал Рон, сердито посмотрев на неё. — Не могла бы ты выйти, чтобы мы переоделись?

— Ладно... Я зашла только потому, что все снаружи ведут себя как малые дети, носятся по коридорам туда-сюда, — презрительно сказала Гермиона. — И, кстати, у тебя грязь на носу, ты в курсе?

Когда она уходила, Рон проводил её свирепым взглядом. Гарри посмотрел в окно. Темнело. Под тёмно-багровым небом ещё можно было разглядеть горы и леса. Поезд, казалось, и в самом деле замедлял ход.

Они с Роном сняли свои куртки и надели длинные чёрные мантии. Мантия Рона была ему немного коротковата, и из-под неё выглядывали кроссовки.

Голос эхом пронёсся по поезду: «Мы прибудем в Хогвартс через пять минут. Пожалуйста, оставьте свой багаж в поезде, его доставят в школу отдельно».

Гарри так разнервничался, что у него скрутило живот, и было заметно, как Рон побледнел под своими веснушками. Они набили карманы оставшимися сладостями, и присоединились к толпе, заполнившей коридор.

Поезд катился всё медленнее, пока, наконец, не остановился. Народ проталкивался к дверям и выходил на маленькую тёмную платформу. Гарри дрожал из-за холодного ночного воздуха. Затем над головами учеников появился качающийся фонарь, и Гарри услышал знакомый голос:

— Первогодки! Первогодки — все сюда! Как дела, Гарри?

Большое волосатое сияющее лицо Хагрида возвышалось над морем голов.

— Идите за мной.. Есть ещё первогодки? Смотрите под ноги! Первогодки — за мной!

Скользя и спотыкаясь, они последовали за Хагридом вниз по крутой и узкой тропинке. По обеим сторонам от них было так темно, что Гарри решил, что там густой лес. Они почти не разговаривали. Невилл, мальчик, который всё время терял свою жабу, шмыгнул носом пару раз.

— Ещё секунда, и вы все впервые увидите Хогвартс, — через плечо крикнул Хагрид, — прямо вот за этим поворотом.

Затем последовало громкое «Ооооо!»

Узкая тропинка неожиданно вывела их на берег огромного чёрного озера. На другой его стороне, на вершине высокой горы, сверкая окнами в звёздном небе, стоял громадный замок с многочисленными башенками и башнями.

— Не больше четырёх человек в лодке! — прокричал Хагрид, показывая на флотилию маленьких лодок, стоявших в воде у берега. Вслед за Гарри и Роном в лодку забрались Невилл и Гермиона.

— Уселись? — выкрикнул Хагрид. У него была собственная лодка. — Ну тогда — ВПЕРЕД!

И флотилия маленьких лодок отчалила вся одновременно, скользя по гладкому, как стекло, озеру. Все молчали, глядя на великолепный замок впереди. По мере того, как они подплывали к утёсу, на котором он стоял, замок всё больше возвышался над ними.

— Пригните головы! — скомандовал Хагрид, когда первые лодки достигли скалы, и они все пригнулись, и маленькие лодки пронесли их сквозь завесу из плюща, которая скрывала широкое отверстие в склоне утёса. Их несло по тёмному туннелю, который, похоже, вёл прямо под замок, пока они не достигли чего-то вроде подземной гавани, где выбрались из лодок на берег, усыпанный камнями и галькой.

— Эй, ты! Это твоя жаба? — спросил Хагрид, который проверял лодки после того, как из них выбирались школьники.

— Тревор! — завопил счастливый Невилл, протягивая руки. Потом они стали взбираться вверх по проходу в скале, следуя за фонарём Хагрида, и вышли, наконец, на гладкую, покрытую росой траву прямо перед замком.

Поднявшись по каменным ступенькам, они столпились у огромной, дубовой парадной двери.

— Все здесь? Эй ты, жаба при тебе?

Хагрид поднял гигантский кулак и три раза ударил в дверь замка.

Глава седьмая. Распределяющая Шляпа

Дверь тут же отворилась. На пороге стояла высокая черноволосая ведьма в изумрудно-зелёной мантии. У неё было очень строгое лицо, и Гарри сразу понял, что она не из тех, кому можно перечить.

— Вот первогодки, профессор МакГонагалл, — сказал Хагрид.

— Спасибо, Хагрид. Я отведу их.

Она распахнула дверь настежь. Вестибюль был таких большим, что в нём вполне мог бы разместиться весь дом Дёрсли. Каменные стены освещали пылающие факелы, как в Гринготтсе, потолок был таким высоким, что его не было видно, а величественная мраморная лестница впереди вела на верхние этажи.

Они последовали за профессором МакГонагалл по выложенному каменной плиткой полу. Из-за дверей справа до Гарри доносился приглушенный гул сотен голосов — должно быть, там уже собралась вся школа — но профессор МакГонагалл провела первокурсников в маленькую пустую комнату рядом с вестибюлем. Они столпились, стоя друг к другу ближе, чем встали бы в любой другой ситуации, и боязливо озирались.

— Добро пожаловать в Хогвартс, — сказала профессор МакГонагалл. — Торжественный банкет по случаю начала учебного года скоро начнётся, но прежде, чем вы займёте свои места в Большом Зале, вас распределят по Домам. Распределение — очень важная церемония, потому что, пока вы здесь, Дом будет как бы вашей семьёй в Хогвартсе. Вы будете учиться вместе с учениками вашего Дома, спать в спальне вашего Дома и проводить свободное время в гостиной вашего Дома.

— Всего у нас четыре Дома: Гриффиндор, Хаффлафф, Рэйвенкло и Слизерин. У каждого из них своя славная история, и из каждого выходили выдающиеся волшебники и волшебницы. Пока вы учитесь в Хогвартсе, за ваши успехи вашему Дому будут начисляться баллы, а за любое нарушение правил баллы будут сниматься. В конце года Дому, набравшему наибольшее количество баллов, вручается Кубок Школы, а это очень почётная награда. Надеюсь, каждый из вас станет достойным учеником Дома, в который будет распределён.

Церемония Распределения начнётся через несколько минут в присутствии всей школы. Предлагаю вам по возможности привести себя в порядок, пока будете ожидать начала церемонии.

Её взгляд на мгновение задержался на плаще Невилла, застёгнутом под левым ухом, и на испачканном носе Рона. Гарри лихорадочно попытался пригладить свои волосы.

— Я вернусь, когда мы будем готовы вас принять, — сказала профессор МакГонагалл. — Ждите здесь и не шумите.

Она вышла из комнаты. Гарри сглотнул.

— А как именно распределяют по Домам? — спросил он у Рона.

— Это что-то вроде испытания, наверное. Фред сказал, что это очень больно, но я думаю, он пошутил.

У Гарри сжалось сердце. Испытание? В присутствии всей школы? Но он ещё совсем не знает магии — что же он будет делать? Он никак не ожидал чего-либо подобного сразу по приезду. Он встревожено осмотрелся по сторонам и увидел, что остальные тоже выглядят напуганными. Почти все молчали, кроме Гермионы Грэйнджер, которая очень быстро шёпотом рассказывала о заклинаниях, которые она выучила, и гадала, какое из них ей понадобится. Гарри изо всех сил старался её не слушать. Он никогда в жизни так не нервничал, никогда, даже когда ему пришлось нести Дёрсли записку о том, что он каким-то образом перекрасил парик учительницы в синий цвет. Он неотрывно смотрел на дверь — в любой момент могла вернуться профессор МакГонагалл и отвести его на верную гибель.

Но тут случилось нечто, что заставило его подпрыгнуть почти на фут от пола — несколько ребят позади него завопили.

— Что за...?

Гарри ахнул, как и все вокруг. Около двадцати призраков просочились через заднюю стену. Жемчужно-белые и полупрозрачные, они скользили по комнате, разговаривая друг с другом и почти не обращая внимания на первокурсников. Судя по всему, они спорили. Похожее на маленького толстого монаха привидение говорило:

— А я вам говорю, простить и забыть. Мы должны дать ему ещё один шанс...

— Мой дорогой Монах, разве мы не предоставили Пивзу все шансы, какие только можно? Он бросает тень на всех нас, а, как вы знаете, он даже не призрак... Что это вы тут делаете?

Призрак в жёстком гофрированном круглом воротнике и трико вдруг заметил первокурсников.

Никто не ответил.

— Новые ученики! — воскликнул Толстый Монах, улыбаясь им. — Полагаю, ждёте Распределения?

Несколько человек молча кивнули.

— Надеюсь увидеть вас в Хаффлпаффе! — сказал Монах. — Это мой бывший Дом.

— Проходите, — раздался резкий голос. — Церемония Распределения вот-вот начнётся.

Это вернулась профессор МакГонагалл. Один за другим призраки уплыли через противоположную стену.

— А теперь встаньте друг за другом, — сказала профессор МакГонагалл первогодкам, — и следуйте за мной.

Чувствуя, как ноги наливаются свинцом, Гарри встал в строй за светловолосым мальчиком, за Гарри встал Рон, и они вышли из комнаты, пересекли вестибюль и через двойные двери вошли в Большой Зал.

Гарри даже представить себе не мог такого странного и великолепного места. Зал был освещён тысячами и тысячами свечей, плавающими в воздухе над четырьмя длинными столами, за которыми сидели остальные ученики. Столы были сервированы сверкающими золотыми тарелками и кубками. В противоположном конце зала стоял еще один длинный стол, за которым сидели преподаватели. Профессор МакГонагалл провела к нему новичков и выстроила их в линию лицом к ученикам и спиной к преподавателям. Сотни лиц, в мерцающем свете свечей похожих на тусклые фонари, были повернуты в их сторону. Там и тут между учениками туманным серебром сияли фигуры привидений. Главным образом, чтобы избежать пристальных взглядов, Гарри посмотрел наверх и увидел бархатисто-чёрный потолок, усыпанный звёздами. Он услышал шёпот Гермионы:

— Его заколдовали, чтобы он выглядел так же, как небо снаружи. Я читала об этом в книге «Хогвартс: История».

Было сложно поверить в то, что там вообще был потолок, и что Большой Зал не находится прямо под открытым небом.

Гарри быстро опустил голову, когда профессор МакГонагалл молча поставила перед первогодками табурет на четырёх ножках. Сверху она положила остроконечную колдовскую шляпу. Шляпа была вся в заплатках, потрёпанная и ужасно грязная. Тётя Петунья ни за что бы не согласилась держать такую в доме.

«Может, нужно будет попытаться достать из неё кролика?» — с ужасом подумал Гарри. Заметив, что все в зале теперь глядели на шляпу, он тоже уставился на неё. На несколько секунд воцарилась полная тишина. Потом шляпа дёрнулась. Разрез возле её полей широко открылся напоподобие рта... и шляпа запела:

Вы не судите по заплаткам,
Я знаю, прожив сотни лет,
(Готова съесть себя на завтрак)
Умнее шляпы в мире нет.
Пусть котелок ваш не заляпан,
И пусть цилиндр без заплат,
Распределяющая шляпа —
Вот имя мне, я сущий клад.
Я вижу мысли и секреты
В головках ваших без прикрас.
Меня примерьте для ответа,
В который Дом отправить вас.
Быть может, дом ваш — Гриффиндор,
Где сердцем храбрые живут,
Отваги, рыцарства, задора
Не зря от гриффиндорцев ждут.
Иль в Хаффлпаффе ваше место,
Где честность и упорство чтут,
Там люди из крутого теста,
Не страшен им тяжёлый труд.

Ждёт Рэйвенкло вас, не дожждётся,
Коль дан был ум пытливым вам.
Кто к мудрости и знаньям рвётся,
Найдёт своё призванье там.
А может в хитром Слизерине
Найдёте вы своих друзей.
Они идут на всё и ныне,
Чтоб к цели двигаться своей.
Так надевайте же без страха
Меня на голову свою.
Не наказанье я, не плаха.
Я мыслю и на том стою.
Зал взорвался аплодисментами, когда шляпа допела свою песню. Она
поклонилась каждому из четырёх столов и опять затихла.

— Так мы должны просто надеть шляпу! — прошептал Рон Гарри. — Я убью
Фреда — он говорил о схватке с троллем.

Гарри слабо улыбнулся. Да, гораздо лучше примерять шляпу, чем колдовать,
но ему всё же хотелось, чтобы это происходило не на глазах у всех. Ему
казалось, что шляпа предъявляла слишком большие требования. Гарри не
чувствовал себя ни смелым, ни сообразительным, ни каким-либо ещё в данный
момент. Если бы шляпа упомянула Дом для тех, кого подташнивает, то это
было бы как раз для него.

И вот профессор МакГонагалл шагнула вперёд, держа перед собой длинный
свиток пергамента.

— Когда я назову ваше имя, надевайте шляпу и садитесь на табурет, чтобы
вас распределили, — сказала она. — Эббот, Ханна!

Розовощёкая девочка со светлыми косичками, спотыкаясь, вышла вперёд,
надела шляпу, которая тут же съехала ей на глаза, и села. Секундная
пауза...

— ХАФФЛПАФФ! — выкрикнула шляпа.

Ребята за столом справа радостно кричали и хлопали в ладоши, когда Ханна
садилась за стол Хаффлпаффа. Гарри увидел, как Толстый Монах весело машет
ей рукой.

— Боунс, Сьюзен!

— ХАФФЛПАФФ! — снова прокричала шляпа, и Сьюзен поспешила сесть рядом с
Ханной.

— Бут, Терри!

— РЭЙВЕНКЛО!

На это раз рукоплескали за вторым столом слева. Когда Терри подошёл к
ним, несколько рэйвенкловцев встали, чтобы пожать ему руку.

«Броклхёрст, Мэнди» тоже отправилась в Рэйвенкло, но «Браун, Лаванда» стала первой новой гриффиндоркой, и дальний слева стол взорвался радостными возгласами. Гарри видел, как близнецы-братья Рона свистели.

Затем «Булстроуд, Миллисент» стала слизеринкой. Возможно, Гарри это просто почудилось после всего, что он слышал о Слизерине, но он подумал, что все слизеринцы выглядят как-то неприятно.

Теперь его определённо тошнило. Гарри вспомнил, как их отбирали в команды на физкультуре в его старой школе. Его всегда выбирали последним, не потому что он плохо играл, а потому что никто не хотел, чтобы Дадли думал, что Гарри им нравится.

— Финч-Флетчли, Джастин!

— ХАФФЛПАФФ!

Гарри заметил, что иногда шляпа выкрикивала название Дома сразу, а иногда ей требовалось время, чтобы принять решение. «Финниган, Шеймус», светловолосый мальчик, стоявший в шеренге рядом с Гарри, сидел на стуле почти целую минуту, пока шляпа не определила его в Гриффиндор.

— Грейнджер, Гермиона!

Гермиона чуть ли не бегом бросилась к табурету и с энтузиазмом нахлобучила шляпу себе на голову.

— ГРИФФИНДОР! — прокричала шляпа. Рон застонал.

Гарри вдруг поразила ужасная мысль, как это всегда делают ужасные мысли, когда очень нервничаешь. Что, если его вообще не распределят? Что, если он так и будет сидеть со шляпой на глазах, пока профессор МакГонагалл не сорвёт её с него и не скажет, что, наверное, произошла какая-то ошибка, и ему лучше оправиться обратно на поезд?

Когда вызывали Невилла Лонгботтома, мальчика, который постоянно терял свою жабу, тот упал по дороге к табурету. Шляпе потребовалось много времени, чтобы определиться с Невиллом. Когда она наконец-то прокричала: «ГРИФФИНДОР!», — Невилл бросился прочь со шляпой на голове, и ему, под бурю всеобщего хохота, пришлось вернуться, чтобы передать шляпу «МакДугал, Мораг».

Малфой важно вышел вперёд, когда назвали его имя, и сразу получил желаемое: шляпа, едва коснувшись его головы, прокричала: «СЛИЗЕРИН!»

Довольный собой, Малфой присоединился к своим друзьям Крэббу и Гойлу.

Осталось не так много людей.

«Мун», «Нотт», «Паркинсон», потом сёстры-близняшки «Патил» и «Патил», потом «Перкс, Салли-Энн» и, наконец...

— «Поттер, Гарри!»

Едва только Гарри вышел из строя, начался шёпот, словно повсюду в зале вспыхнули маленькие шипящие огоньки:

— Она сказала Поттер?..

— Тот самый Гарри Поттер?..

Последнее, что увидел Гарри прежде, чем шляпа упала ему на глаза, был полный зал учеников, вытягивающих шеи, чтобы получше его разглядеть. В следующую секунду он уже смотрел на чёрную изнанку шляпы. Он ждал.

— Хм, — прозвучал в ухе тихий голосок. — Трудно. Очень трудно. Вижу, есть отвага. А также неплохой ум. Талант. Боже мой, да... и жажда проявить себя, интересно... Так куда же тебя определить?

Гарри вцепился в край табурета и подумал: «Не в Слизерин. Не в Слизерин».

— Не в Слизерин? — сказал тихий голосок. — Ты уверен? Ты мог бы стать великим. Это всё здесь, в твоей голове, и Слизерин поможет тебе на пути к величию, без сомнения... нет?.. Что ж, если ты уверен... пусть будет ГРИФФИНДОР!

Гарри услышал, как последнее слово Шляпа выкрикнула на весь зал. Он снял шляпу и на дрожащих ногах направился к столу Гриффиндора. Гарри испытывал такое облегчение от того, что его выбрали и к тому же не определили в Слизерин, что не заметил, что ему аплодируют громче, чем всем остальным. Префект Перси поднялся и энергично затряс его руку, а близнецы Уизли скандировали: «Поттер наш! Поттер наш!». Гарри сел напротив призрака в круглом воротнике, которого он видел прежде. Призрак похлопал его по руке, и Гарри испытал жутко неприятное чувство, будто он только что окунул руку в ведро с ледяной водой.

Теперь Гарри как следует разглядел Главный Стол. С ближнего к нему краю сидел Хагрид, который, поймав его взгляд, поднял оба больших пальца. Гарри широко улыбнулся в ответ. А в центре стола, в большом золотом кресле, восседал Альбус Дамблдор. Гарри сразу узнал его по карточке из упаковки Шоколадной Лягушки. Серебристые волосы Дамблдора были единственным во всём зале, что сияло так же ярко, как и призраки. Гарри также заметил профессора Квиррелла, нервного молодого человека из Дырявого Котла. Он выглядел очень странно в большом фиолетовом тюрбане.

Теперь оставалось распределить только четверых учеников. «Томас, Дин», чернокожий мальчик ещё выше Рона, присоединился к Гарри за столом Гриффиндора. «Турпин, Лиза» отправилась в Рэйвенкло, и вот настал черёд Рона. К этому моменту его лицо приобрело зеленоватый оттенок. Гарри скрестил пальцы под столом, и секунду спустя шляпа объявила: «ГРИФФИНДОР!»

Гарри громко хлопал вместе с остальными, когда Рон рухнул на стул рядом с ним.

— Молодец, Рон, просто превосходно, — напыщенно похвалил его Перси Уизли через Гарри, пока «Забини, Блейз» становился слизеринцем. Профессор МакГонагалл свернула свиток и унесла Распределяющую Шляпу.

Гарри посмотрел на свою пустую золотую тарелку. Он только сейчас понял, как сильно проголодался. Казалось, тыквенные пирожки они ели целую вечность назад.

Альбус Дамблдор поднялся. Он радостно улыбался ученикам, широко раскинув руки, словно для него не было ничего приятнее, чем видеть их всех здесь.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Добро пожаловать в Хогвартс на новый учебный год! Но перед тем, как мы приступим к торжественному обеду, я хотел бы сказать несколько слов. Вот они: Простофиля! Ворвань! Остатки! Щипок! Спасибо!

Он сел. Все захлопали в ладоши и радостно закричали. Гарри не знал, смеяться ему или нет.

— Он что... слегка того? — неуверенно обратился он к Перси.

— Того? — сказал Перси беззаботно. — Он гений! Лучший волшебник на свете! Но да, он слегка того. Картошку будешь, Гарри?

Гарри открыл рот. Блюда перед ним теперь были полны яств. Он никогда ещё не видел сразу так много вкусностей на столе: ростбиф, жареные цыплята, свиные и бараньи отбивные, сосиски, бекон, стейк, картошка варёная, картошка жареная, картошка фри, йоркширский пудинг, горошек, морковь, соус, кетчуп и зачем-то даже мятные конфетки.

Дёрсли вообще-то не морили Гарри голодом, но ему никогда не позволяли есть столько, сколько хотелось. Дадли всегда забирал то, что хотелось Гарри, даже если его от этого тошнило. Гарри наполнил тарелку всем понемногу, за исключением конфеток, и начал есть. Вкусным оказалось всё.

— Выглядит аппетитно, — грустно сказал призрак в круглом воротнике, наблюдая, как Гарри разрезает стейк.

— А вы не?..

— Я не ел вот уже почти пятьсот лет, — сказала привидение. — Мне, конечно, это ни к чему, но иногда по еде так скучаешь. Кажется, я не представился. Сэр Николас де Мимзи-Порпингтон к вашим услугам. Привидение, обитающее в башне Гриффиндора.

— А я знаю, кто вы! — вдруг сказал Рон. — Мои братья рассказывали о вас... Вы — Почти Безголовый Ник!

— Я бы предпочёл, чтобы меня называли сэр Николас де Мимзи... — натянуто начал призрак, но светловолосый Шеймус Финниган перебил его.

— Почти Безголовый? Как можно быть почти безголовым?

Сэр Николас выглядел крайне обиженным, будто беседа зашла не туда, куда бы ему хотелось.

— А вот так, — раздражённо сказал он. Он схватился себя за левое ухо и потянул. Его голова отделилась от шеи и откинулась на плечо, словно держалась на петлях. Очевидно, кто-то пытался его обезглавить, но не довёл дело до конца. Явно довольный тем, что все обомлели, Почти Безголовый Ник вернул голову обратно, прокашлялся и сказал:

— Итак, новые гриффиндорцы! Надеюсь, в этом году вы поможете нам выиграть соревнование между Домами. Гриффиндор никогда так долго не оставался без победы. Кубок достаётся Слизерину уже шесть лет подряд. Кровавый Барон становится совершенно невыносимым.. это приведение Слизерина.

Гарри посмотрел в сторону стола Слизерина и увидел там жуткого призрака с пустыми неподвижно пялящимися глазами, мрачным лицом и мантией, покрытой серебристыми пятнами крови. Он сидел прямо рядом с Малфоем, и не без удовольствия Гарри заметил, что последний был не в восторге от такого соседства.

— А как получилось, что он весь в крови? — спросил Шеймус с большим интересом.

— Я никогда его не спрашивал, — деликатно ответил Почти Безголовый Ник.

Когда все наелись до отвала, остатки еды исчезли с тарелок, и посуда после этого осталась такой же сияющей, как прежде. Мгновение спустя, появился десерт: горы мороженого любого вкуса, какой только можно себе представить, яблочные пироги, фруктовые пирожные с патокой, шоколадные эклеры, пончики с джемом, бисквиты, залитые сливками, желе, клубника, рисовый пудинг...

Пока Гарри накладывал себе в тарелку пирожные с патокой, разговор зашёл о родных.

— Я — пятьдесят на пятьдесят, — сказал Шеймус. — Мой папа маггл. Мама не говорила ему, что она ведьма, пока не поженились. Он этому не сильно обрадовался.

Все рассмеялись.

— А ты, Невилл? — спросил Рон.

— Ну, меня растила бабушка, а она волшебница, — сказал Невилл, — но вся семья всегда думала, что я самый настоящий маггл. Мой двоюродный дедушка Элджи всё пытался заставить меня врасплох, чтобы выжать из меня хоть немного магии — как-то он столкнул меня с мола Блэкпул, и я чуть не утонул — но ничего не получалось, пока мне не исполнилось восемь. Дедушка Элджи зашёл к нам на чай и высунул меня из окна на верхнем этаже, держа за лодыжки. А потом двоюродная бабушка Энид предложила дедушке меренги, и он случайно меня выпустил. Но я отскочил от земли и скакал так через весь сад до самой дороги. Они все очень обрадовались, а бабушка расплакалась — так она была счастлива. И вы бы видели их лица, когда я поступил сюда. Они думали, что может быть во мне недостаточно магии, чтобы здесь учиться. Дедушка Элджи на радостях подарил мне жабу.

По другую сторону от Гарри Перси Уизли и Гермиона разговаривали об уроках (– Я очень надеюсь, что занятия начнутся сразу же, ведь надо столько всего выучить. Особенно меня интересует Трансфигурация, знаешь, превращение чего-нибудь во что-то другое, конечно, это, должно быть, очень сложно...; – Вы начнёте с малых вещей – превращать спички в иголки, например...).

Гарри разомлел, и его начало клонить в сон. Он снова посмотрел на Главный Стол. Хагрид, запрокинув кубок, допивал его содержимое. Профессор МакГонагалл беседовала с профессором Дамблдором. Профессор Квиррелл в своём нелепом тюрбане, разговаривал с преподавателем с сальными чёрными волосами, крючковатым носом и желтоватой кожей.

Это случилось внезапно. Преподаватель с крючковатым носом посмотрел мимо тюрбана Квиррелла прямо Гарри в глаза... и острая жгучая боль пронзила шрам на лбу Гарри.

– Ой! – Гарри прижал ладонь ко лбу.

– Что такое? – спросил Перси.

– Н-ничего.

Боль исчезла так же быстро, как и появилась. Труднее было избавиться от ощущения, которое осталось после взгляда преподавателя – чувства, что Гарри ему совсем не нравится.

– А кто это разговаривает с профессором Квирреллом? – спросил он Перси.

– О, ты уже знаешь Квиррелла? Неудивительно, что он так нервничает. Это профессор Снейп. Он преподаёт Зельеварение, но не хочет – все знают, что он хочет получить место Квиррелла. Он жуть как много знает о Тёмных Искусствах, этот Снейп.

Гарри какое-то время понаблюдав за Снейпом, но тот так больше на него и не взглянул.

Наконец, исчез и десерт, и профессор Дамблдор снова поднялся. В зале наступила тишина.

– Кхм... теперь, когда мы все наелись и напились, скажу ещё пару слов. Перед началом учебного года для вас у меня есть несколько объявлений.

Первокурсники должны принять к сведению то, что лес на территории школы запрещено посещать всем воспитанникам. Было бы неплохо, если бы некоторые из наших старших учеников тоже об этом не забывали.

Дамблдор быстро взглянул своими сверкающими глазами на близнецов Уизли.

– По просьбе мистера Филча, нашего смотрителя, также напоминаю, что запрещается использовать магию в коридорах в перерывах между занятиями.

Набор в команды по Квиддичу состоится на второй неделе семестра. Любой, кто желает играть за свой Дом, должен обратиться к мадам Хуч.

И наконец, я обязан сообщить вам, что в этом году коридор в правом крыле на третьем этаже закрыт для всех, кто не хочет умереть очень мучительной смертью.

Гарри рассмеялся, но он был один из немногих.

— Он же не серьёзно? — шёпотом спросил он Перси.

— Должно быть, серьёзно, — нахмурился Перси, глядя на Дамблдора. — Странно, обычно он говорит причину, почему нам не позволено куда-либо ходить — лес полон опасных существ, все об этом знают. Я считаю, что по крайней мере нам, Префектам, должен был сказать.

— А сейчас, прежде чем мы отправимся спать, давайте споём школьный гимн, — объявил Дамблдор. Гарри заметил, как улыбки на лицах других преподавателей стали натянутыми.

Дамблдор легонько тряхнул палочкой, словно стоня муху, усевшуюся на её конце, и из палочки вырвалась длинная золотая лента. Она поднялась высоко над столами и, извиваясь подобно змее, сложилась в слова.

— Выберите каждый свой любимый мотив, — сказал Дамблдор. — И начали!

Вся школа заголосила:

Хогвартс, Хогвартс, старый добрый Хогвартс,

Дай ты знания нам.

Сорванцам нечёсанным, седым ли старикам —

Нам всем заполнить головы

Давно уже пора,

А то они совсем пусты,

Гуляют в них ветра.

Сначала, что забыли,

А дальше всё подряд

Ты в нас пихай, учи-давай,

Пока мозги не закипят.

Все закончили петь в разное время. В итоге, только близнецы Уизли продолжали тянуть гимн на мотив очень медленного похоронного марша.

Дамблдор дирижировал им палочкой несколько последних строк, а когда они закончили, был одним из тех, кто хлопал громче всех.

— Ах, музыка, — сказал он, утирая глаза. — Её волшебство гораздо выше всего, чем мы тут занимаемся! А сейчас — спать. Бегом — марш!

Первокурсники Гриффиндора последовали за Перси сквозь гудящую толпу, вышли из Большого Зала и начали подниматься вверх по мраморной лестнице. Ноги Гарри снова налились свинцом, но на этот раз только оттого, что он сильно наелся и устал. Ему так хотелось спать, что он даже не удивлялся тому, что люди на портретах вдоль коридоров перешёптываются и указывают пальцем на проходящих мимо учеников, или тому, что Перси дважды провёл их через двери, спрятанные за отодвигающимися панно и висящими гобеленами. Зевая и с трудом передвигая ноги, они карабкались вверх по лестницам и, как раз, когда Гарри стал гадать, долго ли еще осталось идти, вдруг остановились.

Перед ними в воздухе парило несколько тростей, и стоило Перси сделать шаг в их направлении, как они сами по себе начали в него кидаться.

— Это Пивз, — шепнул Перси первокурсникам. — Полтергейст. — Затем он повысил голос. — Пивз, покажись!

Ответом был громкий неприличный звук, похожий на тот, с которым воздух вырывается из воздушного шарика.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл к Кровавому Барону?

Раздался хлопок, и появился маленький человечек со злобными тёмными глазками и широким ртом. Он висел в воздухе, скрестив ноги по-турецки и с тростями в руках.

— Ооооооо! — сказал он, злобно хихикнув. — Первоклашки-мелкашки! Вот потеха!

Внезапно он спикировал прямо на них. Все пригнулись.

— Прочь, Пивз, или, обещаю, Барон об этом узнает! — рявкнул Перси.

Пивз показал язык и исчез, сбросив трости на голову Невилла. Они слышали, как полтергейст уносился прочь, трясая по пути рыцарские доспехи.

— Вам лучше остерегаться Пивза, — сказал Перси, как только они двинулись дальше. — Кровавый Барон единственный, кто имеет на него управу. Нас, Префектов, он даже не слушает. Ну, вот мы и пришли.

В самом конце коридора висел портрет очень толстой женщины в розовом шёлковом платье.

— Пароль, — сказала она.

— Капут Драконис, — ответил Перси, и портрет, словно дверь, отворился наружу. За ним оказалась круглая дыра в стене. Они пролезли через неё — Невиллу понадобилась помощь — и оказались в гостиной Гриффиндора — уютной круглой комнате, заставленной мягкими креслами.

Девочек Перси направил в одну дверь, за которой была их спальня, а мальчиков — в другую. Поднявшись по винтовой лестнице — очевидно, они находились в одной из башен — они наконец-то увидели кровати: пять кроватей под пологам из тёмно-красного бархата. Их чемоданы были уже здесь. Слишком уставшие, чтобы много разговаривать, они натянули пижамы и плюхнулись в постели.

— Еда отличная, да? — пробормотал Рон из-за полога. — Отстань, Короста! Он жуёт мою простыню.

Гарри собирался спросить Рона, попробовал ли он пирожное с патокой, но уснул почти сразу же.

Наверное, Гарри немного переел, потому что он увидел странный сон. На нём был тюрбан профессора Квиррелла. И этот тюрбан всё время разговаривал с Гарри, говорил, что он должен немедленно перевестись в Слизерин, потому что это его судьба. Гарри отвечал тюрбану, что не хочет быть слизеринцем, а тот становился всё тяжелее и тяжелее; Гарри попытался снять его, но тот сжался, больно сдавливая голову... появился Малфой, он смеялся, глядя, как Гарри борется с тюрбаном... Малфой превратился в преподавателя с крючковатым носом, Снейпа, чей смех стал высоким и холодным... вспышка зелёного света, и Гарри проснулся, дрожа и весь в поту.

Он повернулся на другой бок и снова уснул, а когда проснулся на следующий день, то совсем не помнил этот сон.

Глава восьмая. Преподаватель Зельеварения

— Вон, смотри!

— Где?

— Рядом с высоким рыжим парнем.

— Который в очках?

— Видел его лицо?

— Видел его шрам?

Шёпот преследовал Гарри с того момента, как на следующий день он вышел из спальни. Ученики, стоявшие вдоль стен у классных комнат, вставали на цыпочки, чтобы взглянуть на него, или по несколько раз проходили мимо в коридорах, уставившись на него. Гарри хотелось, чтобы они этого не делали, потому что он пытался сосредоточиться на поиске дороги в кабинеты.

В Хогвартсе было сто сорок две лестницы: одни широкие и просторные; другие — узкие и шаткие; некоторые в пятницу вели не туда, куда обычно; а на некоторых посередине исчезали ступеньки, так что надо было не забывать вовремя через них перепрыгивать. И потом ещё были двери, которые не открывались, пока их вежливо об этом не попросишь, или пока не пощекочешь их в строго определённом месте. Были и такие двери, которые вовсе и дверьми не были, а были просто замаскированными стенами. Кроме того, было очень сложно запомнить, что где находится, потому что всё вокруг, казалось, непрерывно перемещалось. Люди на портретах постоянно ходили друг к другу в гости, и у Гарри не было никаких сомнений в том, что рыцарские доспехи могли ходить.

Привидения тоже не облегчали жизнь. Каждый раз было очень неприятно, когда одно из них внезапно проскальзывало прямо сквозь дверь, которую ты пытался открыть. Почти Безголовый Ник всегда был рад указать новым гриффиндорцам нужное направление, но полтергейст Пивз был хуже двух запертых дверей и одной лестницы с подвохом, особенно если ты встречал его, когда опаздывал на занятия. Он сбрасывал на голову корзины для использованных бумаг, выдёргивал из-под ног коврики, кидался кусками мела или, будучи невидимым, подкрадывался сзади, а потом хватал за нос с воплем «ПОПАЛСЯ!»

Но ещё хуже Пивза, если такое вообще возможно, был смотритель замка, Аргус Филч. Гарри и Рон умудрились впасть к нему в немилость уже в самое первое утро. Филч застучал их в тот момент, когда они пытались открыть одну из дверей, которая к их несчастью, оказалась входом в запретный коридор на третьем этаже. Он не поверил, что они просто заблудились, уверенный в том, что они пытались проникнуть туда умышленно, и грозился запереть их в подземелье, но их выручил проходивший мимо профессор Квиррелл.

У Филча была кошка по имени Миссис Норрис: худое, серовато-коричневое существо с выпученными глазами-фонарями, точно такими же, как у Филча. Она патрулировала коридоры самостоятельно. Стоило в её присутствии нарушить правила, хоть немножечко заступить за запретную черту, она тут же уносилась за Филчем, и тот, тяжело дыша, появлялся несколькими секундами позже. Филч лучше, чем кто-либо (за исключением, разве что, близнецов Уизли) знал секретные коридоры школы и мог появиться с не меньшей внезапностью, чем любой из призраков. Все ученики ненавидели его, и самым заветным желанием многих было дать Миссис Норрис хорошего пинка.

А потом, когда нужный кабинет всё-таки был найден, начинались сами занятия. И вскоре Гарри понял, что магия не сводится к размахиванию палочкой и произнесению нескольких странных слов.

Каждую среду, в полночь, они должны были в телескопы изучать ночное небо, заучивать названия различных звёзд и траектории планет. Три раза в неделю они отправлялись в теплицы позади замка на уроки Гербологии, которые вела маленькая коренастая волшебница – профессор Спраут. Там они учились ухаживать за странными растениями и грибами и узнавали, для чего их используют.

Самым скучным предметом, конечно же, была История Магии – единственный урок, преподавателем которого был призрак. Профессор Биннс был очень старым, когда заснул перед камином в учительской, а на следующее утро пришёл на занятия уже без тела. Биннс бубнил и бубнил, а они записывали имена и даты, путая Эмерика Злого с Уриком Странным.

Профессор Флитвик, преподаватель Чар, был крошечным волшебником, которому приходилось становиться на стопку книг, чтобы видеть класс из-за своей кафедры. В начале первого занятия он делал переключку и, когда дошёл до Гарри, взволнованно пискнул и свалился под стол.

Профессор МакГонагалл же была совсем другой. Гарри оказался прав, когда подумал, что ей лучше не перечить. Строгая и умная, она произнесла наставительную речь сразу же на первом занятии:

– Трансфигурация – один из самых сложных и опасных видов магии, который вы будете изучать в Хогвартсе, – сказала она. – Любой, кто вздумает хулиганить на моих занятиях, покинет этот кабинет раз и навсегда. Я вас предупредила.

После этого она превратила свой стол в свинью и обратно. Все были крайне поражены и не могли дождаться, чтобы попрактиковаться самим, но вскоре поняли, что до превращения мебели в животных им ещё очень и очень долго. После записи длинного и заумного конспекта, каждому раздали по спичке,

чтобы они попытались превратить их в иголки. К концу урока только Гермione Грэйнджер удалось немного изменить спичку. Профессор МакГонагалл показала классу заострившуюся и покрывшуюся серебром спичку Гермione и одарила её редкой улыбкой.

Все с нетерпением ждали занятий по защите от Тёмных Искусств, но уроки Квиррелла оказались какой-то шуткой. Его кабинет насквозь пропах чесноком. Как все уверяли, он должен был отпугнуть вампира, которого профессор встретил в Румынии и боялся, что тот вот-вот может явиться за ним в замок. Тюрбан, по словам Квиррелла, подарил ему африканский принц в знак благодарности за то, что он избавил того от докучавшего зомби, но они сомневались, что это правда. Во-первых, когда Шеймус Финниган попросил рассказать, как Квиррелл сразил зомби, профессор покраснел и завёл разговор о погоде. А во-вторых, все заметили странный запах, исходивший от тюрбана – близнецы Уизли утверждали, что в нём тоже полно чеснока, чтобы повсюду защищать Квиррелла.

С огромным облегчением Гарри выяснил, что он не хуже, чем все остальные. Многие из учеников, как и он, были из маггловских семей и раньше понятия не имели, что они волшебницы и волшебники. Первокурсникам предстояло столько всего выучить, что даже у таких, как Рон, не было фoры.

Пятница стала важным днём для Гарри и Рона. Они, наконец, сумели спуститься к завтраку в Большой Зал, ни разу не заблудившись.

– Что у нас сегодня? – спросил Гарри Рона, посыпая сахаром овсянку.

– Два урока Зельеварения со слизеринцами, – ответил Рон. – Снейп – глава Дома Слизерин. Говорят, они его любимчики – вот и посмотрим, так ли это.

– Жаль, что у МакГонагалл мы явно не любимчики, – сказал Гарри. Профессор МакГонагалл была главой Гриффиндора, но это не помешало ей задать им накануне огромное домашнее задание.

В этот момент прибыла почта. Гарри уже привык к этому, но первым утром немного испугался, когда в Большой Зал во время завтрака влетела добрая сотня сов, которые закружили над столами в поисках хозяев, а потом стали сбрасывать письма и посылки им на колени.

Хедвига пока ничего не приносила Гарри. Иногда она прилетала пощипать его за ухо и съесть кусочек тоста, а затем снова улетала спать обратно в совиатню с другими школьными совами. Однако этим утром она, кружась, опустилась на стол между вазочкой с мармеладом и сахарницей и уронила в тарелку Гарри письмо, которое он без промедлений открыл.
Дорогой Гарри

(было написано в письме очень корявым почерком),
Я знаю, что в пятницу после обеда у тебя нет занятий, поэтому приглашаю тебя к себе на чай часа в три.
Хочу узнать, как прошла твоя первая неделя. Пришли мне ответ с Хедвигой.
Хагрид.

Гарри позаимствовал у Рона перо, написал на обратной стороне письма: «Да, с удовольствием, до встречи» – и снова отдал его Хедвиге.

Гарри повезло, что он предвкушал чаепитие с Хагридом, потому что урок Зелий оказался самым неприятным из всего того, что с ним до этого случалось.

На банкете по случаю начала учебного года у Гарри сложилось впечатление, что профессор Снейп его недолюбливает. К концу первого урока Зелий он понял, что ошибался. Снейп не недолюбливал Гарри — он его ненавидел.

Уроки Зелий проходили в одном из подземелий. Там было холоднее, чем во всём остальном замке, и было бы достаточно страшно и без склянок с плавающими в них заспиртованными животными, расставленными вдоль стен.

Снейп, как и Флитвик, начал свой урок с переключки, и, как и Флитвик, остановился, дойдя до имени Гарри.

— Ах, да, — сказал он мягко, — Гарри Поттер. Наша новая.. знаменитость.

Драко Малфой и его дружки Крэбб и Гойл захихикали, прикрываясь ладонями. Снейп дошёл до конца списка и внимательно осмотрел класс. Его глаза были такими же чёрными, как у Хагрида, однако были вовсе лишены тепла: они были пусты и холодны, и потому наводили на мысль о тёмных туннелях.

— Вы здесь для того, чтобы изучить точную науку и тонкое искусство приготовления зелий, — начал он. Он говорил почти шёпотом, но все отчетливо слышали каждое его слово. Как и профессор МакГонагалл, Снейп обладал даром без малейших усилий сохранять в классе тишину. — Поскольку на моих занятиях не будет этих глупых размахиваний палочкой, то многие из вас могут усомниться в том, что это вообще магия. Я не ожидаю, что вы будете в состоянии оценить красоту медленно кипящего котла с его мерцающими парами, изысканную силу жидкостей, которые пробираются по венам человека, околдовывая его разум, поработая чувства.. Я могу научить вас, как разлить по сосудам известность, приготовить славу и даже заткнуть пробкой смерть — если вы, конечно же, отличаетесь от того стада твёрдолобых тупиц, которых мне обычно приходится обучать.

Вслед за этой короткой речью продолжала висеть тишина. Гарри и Рон обменялись изумлёнными взглядами. Гермиона Грэйнджер уже ёрзала на краешке стула, готовая начать доказывать, что она не тупица.

— Поттер! — вдруг сказал Снейп. — Что я получу, если добавлю измельчённый корень златоцветника в настойку полыни?

Измельчённый корень чего в настойку чего? Гарри посмотрел на Рона. Тот выглядел таким же ошарашенным, каким он себя чувствовал; рука Гермионы взметнулась вверх.

— Я не знаю, сэр, — сказал Гарри.

Губы Снейпа искривились в усмешке.

— Так, так.. Известность — это ещё далеко не всё.

Он оставил руку Гермионы без внимания.

– Попробуем ещё раз. Поттер, где бы вы стали искать, если бы я попросил вас принести мне безоар?

Гермиона вытянула руку настолько, насколько было возможно без того, чтобы встать со стула, но Гарри не имел ни малейшего представления о том, что такое безоар. Он старался не смотреть на Малфоя, Крэбба и Гойла, сотрясавшихся от хохота.

– Я не знаю, сэр.

– Даже и не подумали открыть книгу перед тем, как сюда приехать, Поттер?

Гарри заставил себя не отводить взгляд от этих холодных глаз. Он просматривал свои учебники ещё у Дёрсли, но неужели Снейп ожидал, что он будет помнить наизусть каждое слово из учебника «Тысяча Волшебных Трав и Грибов»?

Снейп продолжал игнорировать трясущуюся в воздухе руку Гермионы.

– Поттер, а в чём разница между «клубуком монаха» и «волчьей отравой»?

На сей раз Гермиона встала, вытягивая руку к потолку подземелья.

– Я не знаю, – тихо сказал Гарри. – Но по-моему, Гермиона знает, так почему бы вам не спросить её?

Несколько человек засмеялись; Гарри поймал взгляд Шеймуса, и тот подмигнул ему. Снейп, однако, остался недоволен.

– Сядьте, – раздражённо сказал он Гермионе. – К вашему сведению, Поттер, из златоцветника и полыни делают настолько мощное снотворное зелье, что его называют Глотком Живой Смерти. Безоар – камень, взятый из желудка козы, и он спасёт вас от большинства ядов. А «клубук монаха» и «волчья отравка» – это одно и то же растение, известное также как аконит. И что же? Почему никто не записывает?

Все бросились доставать перья и пергамент. Перекрывая поднявшийся шум, Снейп сказал:

– И за вашу дерзость, Поттер, я снимаю с Гриффиндора один балл.

По мере того, как урок Зелий продолжался, положение гриффиндорцев не улучшилось. Снейп разбил всех на пары и дал им задание приготовить простое снадобье для лечения нарывов. Он расхаживал по классу в своём длинном чёрном плаще, наблюдая, как они взвешивают высушенную крапиву и размельчают змеиные клыки. Он раскритиковал почти каждого, кроме Малфоя, который, судя по всему, ему нравился. Он как раз призывал всех посмотреть, как великолепно Малфой потушил рогатых слизняков, когда облако ядовито-зелёного дыма и громкое шипение заполнили подземелье. Невилл каким-то образом умудрился расплавить котёл Шеймуса до бесформенной массы, а их зелье выливалось на каменный пол, прожигая дыры в обуви учеников. Уже через несколько секунд весь класс стоял на табуретах, в то время как Невилл, которого окатило зельем, когда плавился

котёл, стонал от боли, а его руки и ноги быстро покрывались жуткими красными волдырями.

— Идиот! — прорычал Снейп, убирая пролитую жидкость одним взмахом палочки. — Полагаю, вы добавили иглы дикобраза до того, как сняли котёл с огня?

Невилл захныкал, когда волдыри начали вскакивать у него на носу.

— Отведите его в больничное крыло, — резко сказал Снейп Шеймусу. Затем он повернулся к Гарри и Рону, которые работали рядом с Невиллом.

— Вы.. Поттер.. почему вы не сказали ему не добавлять иглы? Думали, что, если он ошибётся, будете выглядеть лучше на его фоне? Из-за вас Гриффиндор лишается ещё одного балла.

Это было настолько несправедливо, что Гарри открыл рот, чтобы возразить, но Рон пнул его за котлом.

— Не нарывайся, — пробормотал. — Я слышал, что Снейп может сильно разозлиться.

Когда через час они поднимались по ступенькам из подземелья, Гарри не переставал думать, а настроение его резко упало. За первую неделю Гриффиндор лишили уже двух очков из-за него — за что Снейп его так возненавидел?

— Выше нос, — сказал Рон. — Снейп всегда снимает баллы из-за Фреда и Джорджа. Можно я пойду с тобой к Хагриду?

Без пяти три они вышли из замка и направились через территорию школы к опушке Запретного Леса, где находилась маленькая деревянная хижина Хагрида. У двери стояли арбалет и пара галош.

Когда Гарри постучал, они услышали, как внутри кто-то начал отчаянно скрестись и оглушительно лаять. Затем раздался голос Хагрида:

— Назад, Клык... назад.

Большое заросшее волосами лицо Хагрида появилось в дверном проёме.

— Погодите, — сказал он. — Назад, Клык.

Он впустил их, изо всех сил удерживая за ошейник громадного чёрного немецкого дога. Внутри была только одна комната. С потолка свисали фазаны и ветчина, на открытом огне кипел медный чайник, а в углу стояла большая кровать, застеленная лоскутным одеялом.

— Чувствуйте себя, как дома, — сказал Хагрид, отпуская Клыка, который сразу же подскочил к Рону и начал лизать его уши. Как и Хагрид, Клык был не таким грозным, каким казался на первый взгляд.

— Это Рон, — сказал Гарри Хагриду. Тот, тем временем, наливал кипяток в большой заварочный чайник и выкладывал кексы на тарелку.

— Ещё один Уизли? — сказал Хагрид, глядя на веснушки Рона. — Я полжизни потратил, отгоняя твоих братцев-близнецов от Леса.

О кексы Гарри и Рон чуть не сломали зубы, но притворились, что они им очень нравятся, и рассказывали Хагриду всё о своих первых уроках. Клык положил голову на коленку Гарри и облизывал ему всю мантию.

Гарри и Рон пришли в восторг, когда Хагрид назвал Филча «старым мерзавцем»:

— А эта его кошка, миссис Норрис.. ух, хотел бы я познакомить её с Клыком. Знаете, как зайду в школу, она так и бродит за мной повсюду по пятам. Не могу от неё отделаться. Это, не иначе, Филч её науськал.

Гарри рассказал Хагриду об уроке Снейпа. Как и Рон, Хагрид посоветовал Гарри не расстраиваться, потому что едва ли Снейп любил кого-то из своих студентов.

— Но, кажется, он меня по-настоящему ненавидит.

— Глупости, — сказал Хагрид. — С какой это стати?

И всё же Гарри показалось, что при этих словах Хагрид старался не встретиться взглядом.

— Как там твой брат Чарли? — спросил Хагрид Рона. — Мне он очень понравился — здорово ладил с животными.

Гарри подумал, не нарочно ли Хагрид сменил тему разговора. Пока Рон рассказывал Хагриду всё о работе Чарли с драконами, Гарри взял кусочек газеты, лежавший на столе под чехлом для чайника. Это была вырезка из «Ежедневного Пророка»:

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ О ПРОНИКНОВЕНИИ В ГРИНГОТТС

Продолжается расследование попытки проникновения в банке Гринготтс, произошедшего 31 июля. Согласно широко распространённому мнению, это происшествие — дело рук неизвестных тёмных волшебников или волшебниц. Сегодня гоблины Гринготтса настаивают, что ничего не было похищено. Содержимое хранилища, которое интересовало грабителей, владелец забрал ранее в тот же день.

— Но мы не скажем вам, что там было, так что лучше не совать свой нос в наши дела, если не хотите неприятностей, — заявил сегодня гоблин-представитель Гринготтса.

Гарри вспомнил, как Рон говорил ему в поезде, что кто-то пробовал ограбить волшебный банк, но Рон не упомянул дату.

— Хагрид! — сказал Гарри. — Ограбление Гринготтса случилось в день моего рождения! Возможно, это произошло как раз тогда, когда мы там были!

На сей раз, вне всяких сомнений, Хагрид явно не хотел встречаться с Гарри взглядом. Он замычал и предложил ему ещё один кекс. Гарри перечёл заметку. Содержимое хранилища, которое интересовало грабителей, владелец забрал ранее в тот же день. Хагрид забрал что-то из хранилища семьсот

тринадцать, если вообще можно было сказать, что он что-то забрал, взяв небольшой неопрятный свёрток. Может быть, именно его искали воры?

Когда Гарри и Рон пошли обратно в замок на ужин с карманами, полными кексов, от которых они из вежливости не смогли отказаться, Гарри подумал, что ни один из уроков не дал ему столько пищи для размышления, как чаепитие с Хагридом. Выходит, Хагрид забрал свёрток как раз вовремя? Где он теперь? И знает ли Хагрид о Снейпе нечто такое, о чём не хочет рассказывать Гарри?

Глава девятая. Полночная дуэль

Гарри в жизни не подумал бы, что встретит мальчика, которого будет ненавидеть сильнее, чем Дадли, но это было до того, как он познакомился с Драко Малфоем. Правда, первокурсники Гриффиндора встречались со слизеринцами только на уроках Зельеварения, поэтому Гарри не доводилось сталкиваться с Малфоем слишком часто. По крайней мере, до тех пор, пока в гостиной Гриффиндора не вывесили объявление, заставившее всех простонать. В четверг начинались уроки по полётам, на которых гриффиндорцы и слизеринцы должны были обучаться вместе.

— Естественно, — мрачно сказал Гарри. — Это как раз то, чего мне не хватало. Выставить себя придурком на метле прямо на глазах у Малфоя.

Больше всего он ждал уроков полётов.

— Выставишь или нет, этого ты ещё не знаешь, — рассудил Рон. — Малфой, конечно, всегда трезвонит о том, что очень хорош в Квиддиче, но бьётся об заклад, это только на словах.

Малфой действительно постоянно говорил о своих полётах. Он во всеуслышание жаловался по поводу того, что первокурснику ни за что не попасть в команду по Квиддичу, и рассказывал длинные хвастливые истории, похожие, каждый раз закачивавшиеся тем, как ему едва удалось удрать от вертолётов с магглами. Впрочем, он был в этом не одинок: по утверждению Шеймуса Финнигана, он всё своё детство провёл на метле, гоняя по окрестностям. Даже Рон готов был поведать всем желающим, как однажды он на старой метле Чарли чуть было не столкнулся с дельтапланом. Все, кто вырос в семьях волшебников, только и говорили о Квиддиче. Рон уже успел здорово поспорить о футболе с Дином Томасом, их соседом по комнате. Рон никак не мог взять в толк, чего же такого особенного в игре, в которой только один мяч и где нельзя летать. Гарри как-то застал Рона за тем, что тот тыкал пальцем в плакат Дина с изображением футбольной команды Вест Хэм, пытаясь заставить игроков двигаться.

Невилл никогда в жизни не садился на метлу, потому что бабушка близко его к ней не подпускала. Про себя, Гарри думал, что у неё на то были все основания, потому что Невилл умудрялся стать участником бесчисленного количества несчастных случаев, просто стоя на земле на двух ногах.

Гермиона Грейнджер нервничала по поводу полётов не меньше Невилла. Ведь это то, что нельзя заучить наизусть из книги... и не то чтобы она не пыталась. В четверг за завтраком она надоела всем до смерти со своими советами, как летать, которые почерпнула из библиотечной книги под названием «Квиддич Сквозь Века». Невилл жадно ловил каждое её слово, отчаянно пытаясь ухватить хоть что-то, что поможет ему потом удержаться

на метле, однако остальные очень обрадовались, когда лекция Гермионы была прервана прибытием почты.

Гарри не получал ни одного письма со времен записки Хагрида, что, разумеется, не преминул заметить Малфой, чей филин постоянно приносил ему из дома посылки со сладостями, которые он со злорадством раскрывал за слизеринским столом.

Сипуха Невилла принесла ему маленькую коробочку от бабушки. Он взволнованно открыл её и показал им стеклянный шар размером с огромный шарик для детской игры, который казался наполненным белым дымом.

— Это Напоминалка! — объяснил он. — Ба знает, что я всё забываю, а эта штука говорит тебе, что ты кое-что забыл. Посмотрите, сжимаешь его вот так, и если она покраснеет... ой, — его лицо вытянулось, потому что Напоминалка вдруг стала алого цвета, — ты что-то забыл..

Пока Невилл старался припомнить, что же он забыл, Драко Малфой, проходивший мимо стола Гриффиндора, выхватил Напоминалку из его руки.

Гарри и Рон вскочили на ноги. Им давно нужен был только повод подраться с Малфоем, однако, профессор МакГонагалл, замечавшая беспорядки быстрее других учителей, появилась в мгновение ока.

— Что происходит?

— Малфой забрал мою Напоминалку, профессор.

Нахмурив брови, Малфой быстро бросил Напоминалку обратно на стол.

— Я просто посмотрел, — сказал он и быстро удалился в сопровождении Крэбба и Гойла.

В три тридцать пополудни Гарри, Рон и другие гриффиндорцы сбежали по парадной лестнице во двор для своего первого урока по полётам. Стоял ясный, ветреный день, и трава волнами перекачивалась под ногами, когда по пологому склону они спускались к гладкому, ровному газону, расположенному в противоположной части двора от Запретного Леса, чьи деревья мрачно покачивались вдали.

Слизеринцы были уже там, как и двадцать мётел, которые аккуратными рядами лежали на земле. Гарри слышал, как Фред и Джордж жаловались по поводу школьных мётел, говоря, что некоторые из них начинают вибрировать, если поднимаешься слишком высоко, или что они всегда забирают немного влево.

Пришла их учительница, мадам Хуч. У неё были седые короткие волосы и желтые, как у ястреба, глаза.

— Ну и чего же вы ждете? — рявкнула она. — Все стали рядом с мётлами. Давайте, пошевеливайтесь.

Гарри посмотрел на свою метлу. Она была старая, и несколько прутьев из помела торчало в разные стороны.

– Вытяните правую руку над своей метлой, – приказала мадам Хуч, стоя перед учениками, – и скажите «Вверх!»

– ВВЕРХ! – прокричали все.

Метла Гарри тут же подпрыгнула ему в руку, но он был одним из немногих, у кого это получилось. Метла Гермионы Грейнджер просто перекаатилась по земле, а Невилла – вообще не шелохнулась. «Наверное, метла, как и лошадь, чуёт, когда её боятся», – подумал Гарри. Голос Невилла дрожал, и это ясно давало понять, что ему совсем не хочется отрываться от земли.

После этого мадам Хуч продемонстрировала им, как оседлать метлу, не соскользнув с неё, и пошла по рядам, поправляя положение рук учеников. Гарри и Рон были в восторге, когда она сказала Малфю, что тот всю жизнь делал это неправильно.

– Теперь, по моему свистку, с силой отталкиваетесь от земли, – сказала мадам Хуч. – Держите метлы ровно, поднимитесь на несколько футов, затем сразу опускайтесь, немного наклонившись вперёд. По свистку... три... два...

Но издёргавшийся и взволнованный Невилл, боясь остаться на земле, с силой оттолкнулся вверх до того, как свисток коснулся губ мадам Хуч.

– Вернись, мальчик! – закричала она, однако Невилл нёсся вверх, как пробка, вылетевшая из бутылки... двенадцать футов... двадцать... Гарри увидел его перепуганное побелевшее лицо, обращённое к стремительно удаляющейся земле, увидел, как он ловит воздух ртом, как соскальзывает в бок с метлы, и...

ШМЯК! – глухой удар и неприятный хруст, и Невилл, скорчившись, лежал лицом вниз на траве. Его метла продолжала подниматься всё выше и выше, затем начала лениво дрейфовать в сторону Запретного Леса и вскоре скрылась из виду.

Мадам Хуч склонилась над Невиллом. Лицо её было таким же бледным, как и у него.

– Сломано запястье, – услышал Гарри её шёпот. – Ну, ладно, парень... всё в порядке, вставай.

Она повернулась к остальным ученикам.

– Никому не двигаться, пока я отвожу этого мальчика в больничное крыло! Оставьте метлы на месте, иначе вылетите из Хогвартса раньше, чем произнесёте слово «Квиддич». Пойдём, дорогой.

На лице Невилла были видны дорожки от слёз, схватившись за запястье, он заковылял прочь вместе с обхватившей его рукой мадам Хуч.

Как только они отошли за пределы слышимости, Малфой разразился хохотом.

– Вы видели лицо этого болвана?

Остальные слизеринцы к нему присоединились.

– Заткнись, Малфой, – выкрикнула Парвати Патил.

– Ооо, защищаешь Лонгботтома? – сказала Панси Паркинсон, слизеринка с суровым лицом. – Никогда не думала, что тебе нравятся жирные маленькие плаксы, Парвати.

– Смотрите-ка! – воскликнул Малфой. Бросившись вперед, он поднял что-то из травы. – Да это та дурацкая штуковина, которую ему бабка прислала.

Напоминалка блеснула на солнце, когда он поднял её.

– Дай сюда, Малфой, – спокойно сказал Гарри. Разговоры прекратились, и все устали на них.

Малфой мерзко улыбнулся.

– Думаю, оставлю-ка я её где-нибудь, чтобы Лонгботтом поискал... Может... на дереве?

– Дай сюда! – закричал Гарри, но Малфой вспрыгнул на метлу и оторвался от земли. Он не врал, когда говорил, что хорошо летает. Паря на одном уровне с самыми верхними ветвями дуба, он крикнул:

– Ну, Поттер, иди забери!

Гарри схватился за метлу.

– Нет! – закричала Гермиона Грейнджер. – Мадам Хуч приказала не двигаться... Ты втянешь нас в неприятности!

Гарри её не слушал. Кровь стучала в его висках. Он оседлал метлу, посильнее оттолкнулся от земли и стал набирать высоту, всё выше и выше. Ветер трепал его волосы, полы мантии хлопали за спиной – и в приливе невообразимой радости он осознал, что нашёл то, что может делать безо всякого обучения. Это было просто, это было удивительно. Он немного потянул вверх ручку метлы, чтобы подняться ещё выше, и услышал крики и вздохи девочек на земле, а также восхищённый возглас Рона.

Он резко развернул метлу, чтобы оказаться лицом к Малфой. Тот выглядел потрясённым.

– Дай сюда, – крикнул Гарри, – иначе я сшибу тебя с метлы!

– Неужели? – сказал Малфой, попытавшись ухмыльнуться, но он явно был обеспокоен.

Каким-то образом Гарри знал, что делать. Он наклонился вперед и крепко вцепился в ручку метлы обеими руками, и она, словно копьё, понеслась в направлении Малфоя. Тот успел вовремя убраться с дороги, а Гарри сделал резкий разворот и остановился, выровняв метлу. Несколько человек внизу захлопали.

— Ну что, Малфой, нет тут Крэбба и Гойла спасти твою шею? — спросил Гарри.

Та же мысль, похоже, посетила и Малфоя.

— Тогда поймай, если сможешь! — закричал он и запустил стеклянный шар высоко в небо, а сам стремительно помчался к земле.

Словно в замедленной съёмке, Гарри увидел, как шар взлетел вверх, а затем начал падать вниз. Он наклонился вперёд и направил ручку метлы вниз — в следующую секунду он набирал скорость в крутом пике, догоняя шар.. Ветер свистел у него в ушах, смешиваясь с криками наблюдавших.. он вытянул руку.. В футе от земли он поймал шар, как раз во время, чтобы успеть выровнять метлу, и затем свалился на траву, бережно сжимая в кулаке Напоминалку.

— ГАРРИ ПОТТЕР!

Его сердце ушло в пятки быстрее, чем он только что летел в пике. К ним бежала профессор МакГонагалл. Он, дрожа, поднялся на ноги.

— Никогда... за всё моё время в Хогвартсе...

Профессор МакГонагалл была настолько поражена, что едва могла говорить, а стёкла её очков гневно сверкали. — Да как ты посмел... ты же мог сломать себе шею...

— Это не его вина, профессор...

— Помолчите, мисс Патил...

— Но Малфой...

— Достаточно, мистер Уизли. Поттер, следуйте за мной, немедленно.

На ватных ногах шагая за профессором МакГонагалл, решительной походкой направляющейся к замку, Гарри заметил торжествующие лица Малфоя, Крэбба и Гойла. Он точно знал, что его отчислят. Он хотел сказать что-нибудь в своё оправдание, но, похоже, что-то случилось с его голосом. Профессор МакГонагалл неслась вперед, ни разу даже не взглянув на него, и ему приходилось бежать трусцой, чтобы не отставать. Теперь с ним покончено. Он не протянул даже двух недель. Ещё десять минут — и он будет паковать вещи. Что скажут Дёрсли, когда он появится на пороге их дома?

Они поднялись по парадной лестнице, затем по мраморной лестнице внутри школы, а профессор МакГонагалл так и не сказала ему ни слова. Она рывком открывала двери и стремительно шагала по коридорам, а Гарри печально трусил за ней. Может, она ведёт его к Дамблдору? Он подумал о Хагриде, которого когда-то исключили из школы, но позволили остаться в качестве егеря. Наверное, он мог бы стать помощником Хагрида. У Гарри скрутило живот, когда он представил, как будет наблюдать за тем, как Рон и другие становятся волшебниками, в то время как он обходит территорию замка, таская сумку Хагрида.

Профессор МакГонагалл остановилась возле одной из классных комнат. Она открыла дверь и заглянула внутрь.

— Простите, профессор Флитвик, можно взять у вас Вуда на минуточку?

«Вуд?» — подумал сбитый с толку Гарри, — «это что, наказание такое?»

Но Вуд оказался человеком, крепким пятиклассником, который вышел из класса Флитвика с озадаченным видом.

— Вы оба, идите за мной, — сказала профессор МакГонагалл, и они быстро пошли по коридору. Вуд с любопытством смотрел на Гарри.

— Сюда.

Профессор МакГонагалл указала на какую-то классную комнату, в которой никого не было, кроме Пивза, занимавшегося тем, что писал нецензурные слова на школьной доске.

— Вон, Пивз! — рявкнула она. Пивз бросил мелок в корзину, отчего та громко звякнула, и, ругаясь, вылетел вон. Профессор МакГонагалл захлопнула за ним дверь и повернулась к ребятам.

— Поттер, это Оливер Вуд. Вуд... Я нашла вам Ловца.

Озадаченное выражение лица Вуда сменилось на радостное.

— Вы серьёзно, профессор?

— Абсолютно, — твёрдо ответила МакГонагалл. — У мальчика прирождённый талант. Я никогда не видела ничего подобного. Вы впервые сели на метлу, Поттер?

Гарри молча кивнул. Он понятия не имел, что происходит, но, похоже, его не собирались отчислять, и к его ногам начала возвращаться чувствительность.

— Он поймал вот эту штуку, что у него в руке, после пятидесятифутового пике, — сказала Вуду профессор МакГонагалл. — И на нем нет ни царапины. Чарли Уизли бы так не смог.

Вуд выглядел так, будто разом сбылись все его мечты.

— Ты когда-нибудь видел, как играют в Квиддич, Поттер? — возбуждённо спросил он.

— Вуд — капитан команды Гриффиндора по Квиддичу, — пояснила профессор МакГонагалл.

— Да и сложен как раз для Ловца, — сказал Вуд, обходя Гарри и рассматривая его со всех сторон. — Легкий... быстрый... надо будет подыскать для него приличную метлу, профессор — «Нимбус-2000» или «Чистомёт-7», пожалуй.

— Я поговорю с профессором Дамблдором по поводу того, сможем ли мы обойти правило относительно первокурсников. Клянусь небесами, нам нужна команда лучше, чем в прошлом году. Слизерницы просто разгромили нас в том последнем матче, и я несколько недель не могла посмотреть в глаза Северусу Снейпу...

Профессор МакГонагалл строго взглянула на Гарри поверх своих очков.

— Надеюсь услышать, что вы усердно тренируетесь, Поттер, иначе я изменю своё мнение о полагающемся вам наказании.

Затем она вдруг улыбнулась.

— Ваш отец гордился бы вами, — сказала она. — Он был превосходным игроком в Квиддич.

— Да ты шутишь!

Было время ужина, и Гарри только что закончил рассказывать Рону, что случилось после того, как он покинул двор вместе с профессором МакГонагалл. Рон, поднёсший ко рту кусок пирога с почками, забыл о нём.

— Ловец? — сказал он. — Но первокурсников никогда... ты, должно быть, станешь самым юным игроком нашего Дома, наверное, за последние...

— Сто лет, — закончил Гарри, запихивая в рот пирог. Он очень проголодался из-за переживаний сегодняшнего дня. — Мне Вуд сказал.

Рон был так удивлён, так впечатлён, что просто сидел и глазел на Гарри.

— Я начну тренироваться на следующей неделе, — сказал Гарри. — Только никому не говори. Вуд хочет держать это в секрете.

Фред и Джордж Уизли только что вошли в зал и, заметив Гарри, поспешили к нему.

— Неплохо, — тихим голосом сказал Джордж. — Вуд рассказал нам. Мы тоже в команде — Вышибалы.

— Вот увидишь, мы точно выиграем кубок по Квиддичу в этом году, — сказал Фред. — Мы не выигрывали его с тех пор, как ушёл Чарли, но в этом году у нас будет блестящая команда. Должно быть, ты хорош, Гарри, потому что Вуд чуть ли не подпрыгивал, когда рассказывал нам.

— Ну ладно, нам пора идти. Ли Джордан считает, что нашёл новый секретный ход из школы.

— Спорю, это тот самый, за статуей Грегори Лъстивого, который мы нашли ещё в первую же неделю. До встречи.

Едва Фред и Джордж исчезли из виду, как появились другие, гораздо менее приятные личности: Малфой с Крэббом и Гойлом по обе стороны.

— Что, последний ужин, Поттер? Когда же твой поезд, который отвезёт тебя обратно к магглам?

— А ты здорово осмелел на земле, когда с тобой твои маленькие дружки, — хладнокровно ответил Гарри. Конечно, Крэбб и Гойл были отнюдь не маленькими, но, когда за Главным Столом сидело полно учителей, они только и могли что хрустеть костяшками пальцев да бросать сердитые взгляды.

— Я и сам могу с тобой справиться, когда угодно, — сказал Малфой. — Если хочешь, прямо сегодня. Дуэль волшебников. Только палочки — без контакта. В чём дело? Никогда не слышал о дуэли волшебников, да?

— Конечно, слышал, — вмешался Рон. — Я буду его секундантом. А кто твой?

Малфой оценивающе посмотрел на Крэбба и Гойла.

— Крэбб, — сказал он. — В полночь, договорились? Встречаемся в трофейной, её никогда не запирают.

Когда Малфой ушёл, Рон и Гарри посмотрели друг на друга.

— Ну и что такое дуэль волшебников? — спросил Гарри. — И что значит, ты будешь моим секундантом?

— Ну, секундант займёт твое место, если ты умрёшь, — будничным тоном ответил Рон, наконец, приступив к поеданию своего остывшего пирога. Заметив выражение лица Гарри, он быстро добавил: — Но люди погибают обычно на настоящих дуэлях, ну, знаешь, с настоящими волшебниками. Всё, на что вы с Малфоем способны, это попускать друг в друга искры. Никто из вас не обладает достаточно сильной магией, чтобы нанести кому-то настоящий ущерб. Вообще-то, бьюсь об заклад, он рассчитывал, что ты откажешься.

— А вдруг я махну палочкой, и ничего не произойдёт?

— Отбрось её в сторону и ударь его в нос, — предложил Рон.

— Прошу прощения.

Они подняли глаза. Это была Гермиона Грейнджер.

— Не дадут человеку поест спокойно, — возмутился Рон.

Гермиона пропустила мимо ушей его реплику и обратилась к Гарри:

— Я не могла не услышать то, о чём ты говорил с Малфоем...

— Спорю, что могла, — пробормотал Рон.

— ... и вы не должны скитаться ночью по школе. Подумайте об очках, которых лишится Гриффиндор, если вас поймают, а это непременно случится. Это будет очень эгоистично с вашей стороны.

— Вообще-то тебя это не касается, — сказал Гарри.

— Всего хорошего, — добавил Рон.

* * *

И всё-таки, это нельзя было назвать идеальным окончанием такого дня, размышлял Гарри намного позже, лёжа без сна и ожидая, когда Дин и Шеймус уснут (Невилл ещё не вернулся из больничного крыла). Рон весь вечер давал ему советы, вроде: «Если он попытается тебя заколдовать, ты лучше уклоняйся, а то я не помню, как блокировать заклинания». Они запросто могли попасться в лапы Филчу или Миссис Норрис, и Гарри понимал, что сильно испытывает судьбу, собираясь нарушить ещё одно школьное правило. С другой стороны, перед ним в темноте возникало усмехающееся лицо Малфоя... ему предоставлялась возможность поколотить его один на один. Он не мог её упустить.

— Полдвенадцатого, — наконец, прошептал Рон. — Нам пора.

Они надели халаты, взяли палочки и крадучись выбрались из расположенной в башне спальни, затем спустились по винтовой лестнице в гостиную Гриффиндора. Несколько тлеющих углей всё ещё мерцали в камине, превращая все кресла в изогнутые черные тени. Они уже почти достигли прохода, закрытого портретом, когда с ближайшего к ним кресла послышался голос:

— Не могу поверить, что ты собираешься это сделать, Гарри.

Зажётся фонарь. Перед ними стояла хмурая Гермиона Грейнджер в розовом халате.

— Ты! — со злостью воскликнул Рон. — Возвращайся в кровать!

— Я чуть не рассказала всё твоему брату, — отрызнулась Гермиона. — Перси... он — Префект, и мог бы этого не допустить.

Гарри не мог поверить, что люди бывают такими назойливыми.

— Пойдём, — сказал он Рону. Он толкнул портрет Толстой Дамы и пролез в дыру.

Но Гермиона не собиралась сдаваться так легко. Она последовала за Роном в проход за портретом, шипя на них, как разъярённый гусь.

— Вам что, наплевать на Гриффиндор, вы что, думаете только о себе? Я не хочу, чтобы Слизерин выиграл Кубок Школы, а из-за вас мы потеряем очки, которые я заработала у профессора МакГонагалл за то, что знаю про Изменяющие Заклинания.

— Уходи.

— Ладно, но я предупредила. Вы ещё вспомните мои слова завтра, сидя в поезде, когда вас отправят домой. Вы такие...

Но им так и не удалось узнать, какие же они. Гермиона повернулась к портрету Толстой Дамы, чтобы вернуться обратно, но обнаружила, что он пуст. Толстая Дама ушла на какой-то ночной визит, и путь в Гриффиндорскую башню для Гермионы оказался закрыт.

— Ну и что же мне теперь делать? — воскликнула она.

— Это твои проблемы, — ответил Рон. — Нам нужно идти, а то опоздаем.

Они ещё не дошли до конца коридора, когда их догнала Гермиона.

— Я пойду с вами, — сказала она.

— Нет, не пойдешь.

— Неужели вы думаете, я буду стоять здесь и ждать, пока меня застучает Филч? Если он найдёт нас троих, то я расскажу ему правду, что пыталась остановить вас, а вы меня поддержите.

— Ну ты и наглая... — громко начал Рон.

— Заткнитесь вы, оба! — резко оборвал их Гарри. — Я что-то слышал.

Это было что-то похожее на сопение.

— Миссис Норрис? — выдохнул Рон, вглядываясь в темноту.

Но это была не Миссис Норрис. Это был Невилл. Он лежал, свернувшись калачиком, на полу и крепко спал, но неожиданно вздрогнул и проснулся, как только они подкрались ближе.

— Слава Богу, что вы меня нашли! Я здесь уже несколько часов. Никак не мог вспомнить новый пароль, чтобы добраться до спальни.

— Говори тише, Невилл. Пароль — «Пятачок», но от него тебе будет мало толку, потому что Толстая Дама куда-то ушла.

— Как твоя рука? — спросил Гарри.

— Отлично, — ответил Невилл, демонстрируя руку. — Мадам Помфри вылечила её за какую-то минуту.

— Ну и хорошо... Слушай, Невилл, нам нужно кое-куда сходить, увидимся позже...

— Не оставляйте меня! — воскликнул Невилл, вскакивая на ноги. — Я не хочу оставаться здесь один, Кровавый Барон уже дважды мимо пролетал.

Рон взглянул на часы, затем гневно уставился на Гермиону и Невилла.

— Если из-за вас нас поймут, я не успокоюсь, пока не выучу это Козявочное Заклятие, о котором нам рассказывал Квиррелл, и не применю его на вас.

Гермиона открыла было рот, видимо, для того, чтобы сообщить, как именно используют Козявочное Заклятие, но Гарри шикнул на неё и подал им всем знак идти вперёд.

Они быстро двигались по коридорам, исполосованным лунным светом, льющимся через окна. Перед каждым поворотом Гарри ожидал столкнуться с Филчем и Миссис Норрис, но, на удачу, этого не случилось. Они вбежали вверх по лестнице на третий этаж и на цыпочках подошли к трофейной.

Малфоя и Крэбба там ещё не было. Стекланные шкафы с наградами поблескивали в отражающемся лунном свете. Кубки, щиты, таблички и статуи в темноте мерцали серебром и золотом. Они крались, держась ближе к стенам, неотрывно следя за дверями в обоих концах комнаты. Гарри вытащил палочку на случай, если выскочит Малфой и сразу начнёт атаковать. Медленно тянулись минуты.

— Он опаздывает. Может, струсил? — прошептал Рон.

Шум в соседней комнате заставил их подпрыгнуть. Гарри только поднял палочку, как они услышали чью-то речь... и это был не Малфой.

— Нюхай, нюхай, моя дорогая, наверное, они забились в угол.

Это Филч разговаривал с Миссис Норрис. Охваченный ужасом, Гарри бешено замахал руками остальным как можно быстрее следовать за ним. Мантия Невилла едва успела скрыться за углом, как в трофейную вошёл Филч.

— Они где-то здесь, — услышали они его бормотание. — Наверное, спрятались.

— Сюда, — беззвучно произнёс Гарри, и, оцепеневшие, они крадучись двинулись по длинной галерее, заставленной воинскими доспехами. Они слышали, как приближается Филч. Невилл неожиданно испустил испуганный вопль и бросился бежать... он запнулся, схватил Рона за пояс, и они вместе завалились прямо на одни из доспехов.

Лязга и грохота было достаточно, чтобы разбудить весь замок.

— БЕЖИМ! — закричал Гарри, и все вчетвером они рванули вперёд по галерее, не оглядываясь, чтобы узнать, гонится ли за ними Филч... Они обогнули дверной косяк и пронеслись по одному коридору, потом по другому с Гарри во главе, не имея никакого понятия, где они находятся и куда бегут. Продравшись через гобелен, они очутились в потайном переходе, промчались по нему и выскочили к кабинету Чар, который, как они знали, находился довольно далеко от трофейной.

— Похоже, оторвались, — задыхаясь, сказал Гарри, прислонившись к стене и вытирая пот со лба. Невилл, согнувшись пополам, хрипел и что-то бессвязно бормотал.

— Я же... говорила, — тяжело дыша и хватаясь за грудь, с трудом произнесла Гермиона. — Я же... говорила.

— Мы должны вернуться в башню Гриффиндора, — сказал Рон. — И желательно побыстрее.

– Малфой тебя надул, – сказала Гарри Гермиона. – Ты хоть понял? Он и не собирался с тобой встречаться... Филч знал, что кто-то будет в трофейной. Видимо, Малфой дал ему наводку.

Гарри подумал, что она, возможно, права, но он не намерен был говорить ей этого.

– Пошли.

Однако это было не так-то просто. Они не прошли и дюжины шагов, как закричала дверная ручка, и кто-то выскочил из аудитории прямо перед ними.

Это был Пивз. Он заметил их и взвизгнул от восторга.

– Помолчи, Пивз... ну, пожалуйста... а то из-за тебя нас выгонят.

Пивз хихикнул.

– Шляетесь по ночам, Малявки-Первокурснички? Ай-яй-яй. Шляйтесь-шляйтесь, попадайтесь.

– Не попадёмся, если ты нас не выдашь, Пивз. Пожалуйста.

– Я должен сказать Филчу, просто обязан, – сказал Пивз голосом святоши, однако его глаза недобро блеснули. – Но это для вашего же блага, вы же понимаете.

– Убирайся с дороги, – резко сказал Рон, замахнувшись на Пивза... что оказалось большой ошибкой.

– СТУДЕНТЫ НЕ В ПОСТЕЛЯХ! – завопил Пивз. – СТУДЕНТЫ НЕ В ПОСТЕЛЯХ! ОНИ В КОРИДОРЕ ЧАР!

Поднырнув под Пивза, дети со всех ног бросились к концу коридора, где врезались в дверь... и она оказалась запертой.

– Вот и всё! – простонал Рон, пока они беспомощно толкали дверь. – Нам конец! Всё кончено!

Они услышали звук шагов – это Филч бежал на зов Пивза так быстро, как только мог.

– Отойдите-ка, – Гермиона схватила палочку Гарри, постучала ею по замку и пробормотала «Алохомора!»

Замок щёлкнул, и дверь распахнулась, они проскочили внутрь, поспешно захлопнули её за собой и, прижавшись к ней ушами, прислушались.

– Куда они побежали, Пивз? – спросил Филч. – Быстро, говори.

– Скажи «пожалуйста».

– Не валяй дурака, Пивз, говори, куда они побежали?

– Не скажу ничего, пока не скажешь «пожалуйста», – ответил Пивз мерзким певучим голоском.

– Ну ладно... пожалуйста.

– НИЧЕГО! Ха-хаааа! Я ж тебе сказал, что не скажу ничего, пока не скажешь «пожалуйста»! Ха-ха! Хааааа!

После этого они услышали, как Пивз со свистом умчался прочь, а разъярённый Филч разразился проклятиями.

– Он думает, что эта дверь заперта, – прошептал Гарри. – Похоже, всё в порядке... да отцепись ты, Невилл! – Невилл дергал Гарри за рукав халата на протяжении всей последней минуты. – Ну что?

Гарри развернулся... и совершенно ясно увидел, что. На мгновение он подумал, что очутился в каком-то кошмарном сне – учитывая всё, что сегодня уже произошло, это было чересчур.

Они были не в комнате, как он предполагал. Они были в коридоре. Запретном коридоре на третьем этаже. И теперь они поняли, почему он является запретным.

Они смотрели прямо в глаза исполинской собаки, собаки, заполняющей собой всё пространство от пола до потолка. И у неё было три головы. Три пары вращающихся безумных глаз, три вынюхивающих носа с подрагивающими и раздувающимися ноздрями, направленных в их сторону, три пасти, из которых сочилась слюна, свисая с жёлтых клыков липкими верёвками.

Она стояла, не шелохнувшись, всеми шестью глазами глядя на них, и Гарри понимал, что единственной причиной, почему они ещё не мертвы, является их внезапное появление, заставшее собаку врасплох. Но она быстро приходила в себя, и смысл исходившего от собаки громоподобного рычания был совершенно очевидным.

Гарри схватился за ручку двери – выбирая между Филчем и смертью, он предпочёл Филча.

Все завалились назад, Гарри с силой захлопнул дверь, и они помчались, почти полетели, обратно по коридору. Филч, похоже, ушёл искать их в каком-то другом месте, потому что его нигде не было видно. Но им было на это наплевать – всё, что они хотели, это чтобы от этого монстра их отделяло как можно большее расстояние. Они остановились, лишь когда подбежали к портрету Толстой Дамы на седьмом этаже.

– Где же вас носило? – спросила она, разглядывая спавшие с плеч халаты и раскрасневшиеся, покрытые испариной лица.

– Неважно... Пятачок, пяточок, – часто и тяжело дыша, сказал Гарри. Портрет открылся, они протиснулись в гостиную и, дрожа, попадали в кресла.

Прошло несколько минут, прежде чем они заговорили, а у Невилла был такой вид, будто он вообще больше никогда не произнесёт ни слова.

— Да о чём они думают, держа в стенах школы такую штуковину? — наконец, произнёс Рон. — Если какой собаке и нужна зарядка, то это как раз тот случай.

Способность нормально дышать вернулась к Гермионе вместе её плохим настроением.

— Зачем вам глаза даны, а? — раздражённо спросила она. — Вы что, не видели, на чём она стояла?

— На полу? — предположил Гарри. — Я не смотрел на её лапы, меня больше занимали её головы.

— Нет, не на полу. Она стояла на крышке люка. Совершенно очевидно, она что-то охраняет.

Гермиона встала и окинула их всех пристальным взглядом.

— Надеюсь, вы жутко собой довольны? Нас могли бы убить... или, что ещё хуже, отчислить. А теперь, если вы не возражаете, я отправляюсь спать.

Рон смотрел ей вслед, открыв рот.

— Нет, мы не возражаем, — сказал он. — Можно подумать, мы её насильно за собой потащили.

Но Гермиона дала Гарри другую пищу для размышлений, о чём он и думал, отправляясь в постель. Собака что-то охраняла... Что говорил Хагрид? Если хочешь что-нибудь спрятать, Гринготтс — самое надёжное для этого место... за исключением, возможно, Хогвартса.

Похоже, Гарри понял, где находится маленький неопрятный свёрток из хранилища под номером семьсот тринадцать.

Глава десятая. Хэллоуин

На следующий день Малfoy не поверил своим глазам, когда увидел, что Гарри и Рон всё ещё в Хогвартсе и выглядят вполне счастливыми, хоть и усталыми. И в самом деле, на следующее утро Гарри и Рон решили, что встреча с трехголовым псом была отличным приключением, и им не терпелось побывать ещё в каком-нибудь. Между тем, Гарри поведал Рону о свёртке, который, похоже, переместили из Гринготтса в Хогвартс, и они долго гадали, что же могло нуждаться в такой мощной защите.

— Это что-то либо действительно ценное, либо действительно опасное, — сказал Рон.

— Либо и то, и другое, — сказал Гарри.

Но поскольку наверняка об этом таинственном предмете они знали только то, что он был около пяти сантиметров длиной, без какой-либо другой информации не было никаких шансов угадать, что же это такое.

Ни Невилл, ни Гермиона не проявляли никакого интереса к тому, что находится под собакой и люком. Невилл волновался лишь о том, чтобы никогда больше не оказаться поблизости от этого пса.

Гермиона теперь избегала разговоров с Гарри и Роном, но, учитывая её командирские замашки всезнайки, они увидели в этом только дополнительный плюс. Всё, чего они действительно желали теперь – отплатить Малфю, и к их величайшему удовлетворению, такая возможность появилась вместе с почтой, прибывшей примерно через неделю.

Как только совы по обыкновению влетели в Большой Зал, все сразу обратили внимание на длинный, тонкий сверток, который тащили шесть больших сипух. Как и всех остальных, Гарри тоже заинтересовало, что может находиться в такой большой посылке. Каково же было его удивление, когда совы спланировали вниз и бросили её прямо перед ним, смахнув на пол его тарелку с беконом. Едва они отлетели в сторону, как ещё одна сова бросила вверх посылку письмо.

Гарри сначала распечатал письмо и, как оказалось, сделал правильно, потому что оно гласило:

НЕ ОТКРЫВАЙТЕ ПОСЫЛКУ ЗА СТОЛОМ.

В ней находится ваша новая метла – «Нимбус-2000», но я бы не хотела, чтобы всем стало известно о том, что вы получили метлу, иначе все тоже захотят. Оливер Вуд будет ждать вас сегодня на поле для Квиддича в 19:00, чтобы провести первую тренировку.

Профессор М. МакГонагалл

Гарри, с трудом скрывая радость, показал записку Рону.

– Нимбус-2000! – с завистью простонал Рон. – Я такую даже в руках не держал.

Они быстро покинули Зал, чтобы успеть втихаря распаковать метлу до первого урока, но посреди вестибюля перед ними выросли Крэбб и Гойл, перекрыв путь к лестнице. Малфой выхватил у Гарри сверток и оценивающе пощупал.

– Это метла, – заявил он, бросая его обратно Гарри, со смешанным выражением зависти и злобы на лице. – На этот раз ты влип, Поттер, они запрещены для первокурсников.

Рон не смог сдержаться.

– Между прочим, это не какой-то там старый веник, – заметил он, – это Нимбус-2000. Что там, ты говорил, у тебя дома, Малфой? Комета-260? – Рон хитро улыбнулся Гарри. – Комета, конечно, выглядит броско, но с Нимбусом даже рядом не летала.

– Тебе-то откуда знать, Уизли, ты даже половину рукоятки не потянешь, – отгрызнулся Малфой. – Если долго будете копить, глядишь, вместе с братьями на пару прутьев и наскребете.

Прежде чем Рон успел ответить, у локтя Малфоя возник профессор Флитвик.

– Надеюсь, вы не ссоритесь, ребята? – пропищал он.

– Поттеру прислали метлу, профессор, – тут же сказал Малfoy.

– Да, да, всё верно, – сказал профессор Флитвик, улыбаясь Гарри. – Профессор МакГонагалл рассказала мне об особых обстоятельствах, Поттер. И что за модель?

– Нимбус-2000, сэр, – ответил Гарри, с трудом сдерживая смех, глядя на оторопевшего Малfoя. – И это благодаря Малfoю я получил её, – добавил он.

Гарри и Рон направились вверх по лестнице, трясясь от беззвучного смеха, вызванного видом разъяренного и в то же время растерянного Малfoя.

– Но это действительно так, – расхохотался Гарри, когда они оказались на самом верху мраморной лестницы. – Если бы он не стащил Напоминалку Невилла, то меня бы не взяли в команду...

– Надо понимать, ты считаешь это наградой за нарушение правил? – раздался гневный голос за их спиной. Гермиона сердито поднималась по ступенькам, неодобрительно глядя на сверток в руках Гарри.

– А мне казалось, что ты с нами не разговариваешь, – сказал Гарри.

– Да-да, и продолжай в том же духе, – добавил Рон. – Нам только лучше.

Здрав нос, Гермиона прошла мимо.

В этот день Гарри стоило больших трудов сосредоточиться на уроках. В мыслях он был то в спальне, где под кроватью лежала его новая метла, то уносился на поле для Квиддича, где вечером ему предстояла первая тренировка. Вечером он проглотил свой ужин, даже не замечая, что, собственно, он ест, после чего вместе с Роном взлетел по лестнице в спальню, чтобы, наконец, распаковать Нимбус-2000.

– Вот это дааа... – вздохнул Рон, когда метла выкатилась на кровать Гарри.

Даже Гарри, который ничего не знал о метлах, понял, что она выглядит великолепно: гладкая и сияющая, с рукоятью из красного дерева, длинным хвостом из аккуратных ровных прутьев и выписанным золотом названием у вершины – «Нимбус-2000».

Ближе к семи Гарри вышел из башни и в сумерках направился к полю для Квиддича. Это был его первый визит на стадион. Сотни сидений располагались на высоких трибунах, так чтобы зрители могли видеть, что происходит высоко в воздухе. На противоположных концах поля находились по три золотых шеста с кольцами на концах. Они напоминали Гарри маленькие пластиковые палочки, через которые маггловские дети выдувают пузыри, с той лишь разницей, что эти были в пятьдесят футов высотой.

Слишком стгорая от желания полетать ещё раз, чтобы ждать прихода Вуда, Гарри оседлал метлу и оттолкнулся от земли. Это было неопиcуемо... он пронесся сквозь кольца и начал летать над полем туда-сюда. Нимбус-2000 повиновался ему, реагируя на малейшее прикосновение.

– Эй, Поттер, спускайся!

Это пришёл Оливер Вуд. Под мышкой он держал большой деревянный ящик. Гарри приземлился рядом.

– Очень хорошо, – сказал Вуд, у которого сверкали глаза. – Теперь я понимаю, что имела в виду МакГонагалл... у тебя действительно прирождённый талант. Сегодня я просто объясню тебе правила, а потом три раза в неделю будешь тренироваться вместе с командой.

Он открыл ящик. Внутри оказалось четыре мяча разных размеров.

– Так, – начал Вуд. – Значит, на самом деле Квиддич достаточно просто понять, даже если в него не просто играть. В каждой команде участвуют по семь игроков. Трое из них называются Охотниками.

– Три Охотника... – повторил Гарри, а Вуд вытащил ярко-красный шар размером приблизительно с футбольный мяч.

– Этот мяч называется Кваффл, – сказал Вуд. – Охотники перебрасывают его друг другу и пытаются забросить его в одно из колец, чтобы забить гол. За каждое попадание Кваффла в кольцо дают десять очков. Пока все понятно?

– Охотники перебрасывают Кваффл и забрасывают его в кольца, чтобы заработать очки, – повторил Гарри. – Значит... это что-то вроде баскетбола на метлах, с шестью кольцами, так, что ли?

– Что такое баскетбол? – стало любопытно Вуду.

– Неважно, – быстро сказал Гарри.

– Дальше, на каждой стороне поля есть еще по одному игроку, который называется Вратарь. Я – Вратарь Гриффиндора. Моя задача – летать возле наших колец и не давать другой команде зарабатывать очки.

– Трое Охотников, один Вратарь, – сказал Гарри, пытаюсь все запомнить. – И они играют Кваффлом. Понятно. А эти для чего? – показал он на три остальные мяча в ящике.

– Сейчас я тебе покажу, – сказал Вуд. – Держи.

Он передал Гарри небольшую дубинку, напоминающую бейсбольную битку.

– Сейчас я покажу тебе, что делают Бладжеры, – продолжил Вуд. – Вот эти два мяча и есть Бладжеры.

Он показал Гарри два одинаковых чёрных мяча, немного меньших по размеру, чем Кваффл. Гарри заметил, что они как будто рвутся на свободу из креплений, удерживающих их внутри ящика.

– Отойди, – предупредил Вуд Гарри. Он наклонился и освободил один из Бладжеров.

Черный мяч тут же взмыл высоко в воздух, после чего ринулся вниз, целясь прямо в лицо Гарри. Гарри отбил его битой, чтобы тот не сломал ему нос, отправив по кривой обратно в воздух. Мяч пронесся над головами и затем обрушился на Вуда, который бросился на него всем телом и прижал к земле.

— Видал? — тяжело дышал Вуд, с трудом засовывая Бладжер обратно в ящик и закрепляя его там. — Бладжеры носятся как сумасшедшие, пытаюсь сбить игроков с метел. Именно поэтому в каждой команде есть два Вышибалы. В нашей — это братья Уизли. Их работа — защищать свою команду от Бладжеров и пытаться отбить их в сторону другой команды. Итак... я надеюсь, ты все понял?

— Трое Охотников забивают голы Кваффлом, Вратарь защищает кольца, Вышибалы удерживают Бладжеры подальше от своей команды, — доложил Гарри.

— Очень хорошо, — сказал Вуд.

— Эээ... а Бладжеры когда-нибудь кого-то убивали? — спросил Гарри, надеясь, что фраза прозвучала бесцеремонно.

— В Хогвартсе — нет. Было несколько сломанных челюстей, но не более того. Дальше, последний игрок в команде — это Ловец. Им-то ты и будешь. И Кваффл с Бладжерами — это не твоя забота...

— ...если только не проломают мне голову.

— Не волнуйся, Уизли — достойные соперники Бладжерам. Да они сами как парочка Бладжеров.

Вуд запустил руку в ящик и достал четвертый, последний мяч. По сравнению с Кваффлом и Бладжерами он был крошечным, размером приблизительно с большой грецкий орех. Он был ярко-золотого цвета с маленькими трепещущими серебряными крылышками.

— Это, — сказал Вуд — Золотой Снитч, самый важный мяч среди всех. Его очень трудно поймать, потому что он быстро летает, и его сложно заметить. Задача Ловца — поймать его. Тебе придется маневрировать между Охотниками, Вышибалами, Бладжерами и Кваффлом, чтобы успеть схватить его раньше Ловца другой команды, потому что Ловец, поймавший Снитч, приносит своей команде сразу сто пятьдесят очков, что практически равносильно выигрышу. Именно поэтому против Ловцов часто применяют грязные приемы. Игра в Квиддич заканчивается только тогда, когда пойман Снитч, поэтому она может длиться бесконечно — по-моему, рекорд равен трем месяцам. Пришлось использовать запасных, чтобы сами игроки могли хоть немного поспать. Вот и все... есть вопросы?

Гарри покачал головой. Он прекрасно понял, что должен делать. Осталось только это сделать.

— Со Снитчем мы пока что практиковаться не будем, — сказал Вуд, осторожно укладывая его обратно в ящик. — Уже слишком темно, он может потеряться. Давай попробуем пока с этими.

Он вытащил из кармана мешочек обычных мячей для гольфа, и несколькими минутами позже они с Гарри были уже в воздухе — Вуд, что есть силы, метал во все стороны мячи для гольфа, а Гарри их ловил.

Гарри не упустил ни одного, отчего Вуд был в восторге. Ещё через полчаса стало совсем темно, и им пришлось остановиться.

— В этом году на кубке по Квиддичу будет стоять наше имя, — радостно произнес Вуд, когда они устало тащились к замку. — Я не удивлюсь, если ты будешь даже лучше, чем Чарли Уизли, а он мог бы сейчас играть за Англию, если бы не уехал охотиться на драконов.

* * *

Наверное, из-за того, что он был теперь так занят, — к домашним заданиям добавились ещё и тренировки по Квиддичу три раза в неделю — Гарри с трудом поверил, когда осознал, что уже прошло больше двух месяцев со дня его прибытия в Хогвартс. На Привит Драйв он никогда не чувствовал себя дома так сильно, как в замке. Да и уроки после изучения основ становились все более и более интересными.

В утро Хэллоуина они проснулись от ароматного запаха печёной тыквы, доносившегося из коридора. А для полного счастья на уроке по заклинаниям профессор Флитвик объявил, что, по его мнению, они готовы начать заставлять предметы летать, о чём они мечтали с тех пор, как он при них заставил жабу Невилла парить по кабинету. Для практических занятий профессор Флитвик разбил класс на пары. Партнёром Гарри оказался Шеймус Финниган (к его огромному облегчению, поскольку Невилл старался поймать его взгляд). Рону, однако, пришлось работать в паре с Гермионой Грэйнджер. Трудно было сказать, кто был больше недоволен этим обстоятельством — Рон или Гермиона. Она не разговаривала с ними с того самого дня, когда Гарри получил метлу.

— Итак, не забудьте это чудное движение кистью, которые мы с вами отрабатывали! — пропищал профессор Флитвик, как обычно, возвышаясь на своей стопке книг. — Взмахнуть и рассечь, запомните, взмахнуть и рассечь. Ну и, разумеется, очень важно правильно произнести волшебные слова... не забывайте о волшебнике Баруфффио, который сказал «с» вместо «ф» и оказался на полу с буйволом на груди.

Это было невероятно трудно. Гарри и Шеймус взмахивали и рассекали, но перо, которое они пытались отправить в полет, лежало на парте, не шелохнувшись. От огромного нетерпения Шеймус начал подталкивать его своей палочкой и в итоге умудрился поджечь, так что Гарри пришлось потушить перо своей шляпой.

Рону за соседним столом удача тоже явно не улыбалась.

— Вингардиум Левиоса! — орал он, размахивая своими длинными руками, словно ветряная мельница.

— Ты неправильно это произносишь, — услышал Гарри недовольный голос Гермионы. — Должно быть Вин-гар-диум Леви-о-са. «Гар» должно быть довольно длинным.

— Сама попробуй, если такая умная, — проворчал Рон.

Гермиона закатала рукава мантии, взмахнула палочкой, и произнесла:

— Вингардиум Левиоса!

Перо оторвалось от парты и зависло примерно в четырех футах над их головами.

— О, отлично! — зааплодировал профессор Флитвик. — Все посмотрите сюда, у мисс Грэйнджер получилось!

К концу урока Рон совсем разозлился.

— Неудивительно, что её никто на дух не переносит, — пожаловался он Гарри, когда они проходили сквозь многолюдную толпу в коридоре. — Она же просто кошмар ходячий.

Кто-то задел Гарри, проносясь мимо. Это оказалась Гермиона. Гарри мельком увидел её лицо и с ужасом заметил, что она плачет.

— По-моему, она тебя слышала.

— Ну и что? — сказал Рон, но выглядел при этом слегка смущенным. — Наверное, она и так заметила, что у неё нет друзей.

Гермиона не пришла на следующий урок, и не появилась во второй половине дня. По пути в Главный Зал для празднования Хэллоуина Гарри и Рон услышали, как Парвати Патил рассказывает своей подруге Лаванде, что Гермиона плачет в женском туалете и хочет, чтобы её оставили в покое. Рону стало совсем неловко, но секундой позже они вошли в Главный Зал, украшенный по случаю Хэллоуина, и про Гермиону тут же забыли.

Тысячи живых летучих мышей свисали с потолка и стен, в то время как еще тысяча роилась над самыми столами подобно черным облакам, отчего свечи в резных тыквах мерцали. Золотые тарелки вдруг наполнились самой разнообразной едой, точно как на их первом банкете по прибытии в школу.

Гарри уплетал печёный картофель, когда в зал вбежал профессор Квиррелл в покосившемся тюрбане, с выражением ужаса на лице. Все наблюдали, как он подбежал к креслу профессора Дамблдора, и, тяжело навалившись на стол, выдохнул:

— Тролль... в подземелье... подумал, что вам надо знать.

После чего упал в глубокий обморок.

Поднялся шум. Потребовалось несколько фиолетовых фейерверков из палочки профессора Дамблдора, чтобы восстановить тишину.

— Префекты! — прогремел он. — Немедленно уведите учеников своего Дома в спальни!

Перси тут же ощутил себя в родной стихии.

— За мной! Первокурсники, держитесь вместе! Ни к чему бояться тролля, если вы последуете моим командам! А теперь держитесь ближе ко мне. Освободите дорогу, пропустите первокурсников! Прошу прощения, я Префект!

— Как тролль смог пробраться внутрь? — поинтересовался Гарри, поднимаясь по лестнице.

— Нашёл, кого спросить. Говорят, они совсем тупые, — ответил Рон. — Может, Пивз решил пошутить на Хэллоуин и впустил одного.

Мимо них в разных направлениях разбегались ученики. Протискиваясь через толпу растерянных Хаффлпафцев, Гарри вдруг схватил Рона за руку.

— Слушай, я подумал... а Гермиона?

— А что с ней?

— Она не знает о тролле.

Рон прикусил губу.

— Ну ладно, — недовольно бросил он. — Но лучше, чтобы Перси нас не видел.

Пригнувшись, они пристроились к Хаффлпафцам, направляющимся в другую сторону, незаметно свернули в пустой боковой коридор и поспешили к женскому туалету. Едва они успели повернуть за угол, как позади них послышались быстрые шаги.

— Перси! — прошипел Рон, утаскивая Гарри за большого каменного грифона.

Однако, выглянув из-за него, они увидели не Перси, а Снейпа. Тот пробежал по коридору и пропал из вида.

— Что он делает? — прошептал Гарри. — Почему он не в подземелье, с остальными учителями?

— Понятия не имею.

Так тихо, насколько было возможно, они прокрались в следующий коридор вслед за затихающими шагами Снейпа.

— Он идет на третий этаж, — сказал Гарри, но Рон поднял руку.

— Чувствуешь запах?

Гарри принюхался и почувствовал ужасную вонь — смесь грязных носков и давно не убраншегося общественного туалета.

А потом они услышали это — низкий рев и шаркающую поступь гигантских ног. Рон показал на что-то пальцем — из-за поворота в другом конце коридора, прямо на них надвигалось что-то огромное. Они спрятались в тени, наблюдая, как это нечто выходит на освещенный луной участок.

Это было ужасное зрелище. Он был двенадцати футов высотой с грубой кожей булыжного цвета. На огромном бугристом теле, напоминающем валун, размещалась маленькая лысая голова, похожая на кокосовый орех. У него были короткие ноги толщиной в ствол дерева с плоскими мозолистыми ступнями. Исходящая от него вонь была невероятной. Он держал огромную деревянную дубину, которая волочилась за ним по полу, потому что у него были длиннющие руки.

Тролль остановился у двери и заглянул внутрь. Пошевелив длинными ушами и что-то решив, он, сторбившись, медленно протиснулся в помещение.

— Ключи в замке, — прошептал Гарри. — Мы можем его запереть.

— Неплохая идея, — нервно ответил Рон.

Они подкрались к открытой двери с пересохшими ртами, молясь, чтобы тролль не вздумал в этот момент выйти. Сделав один большой прыжок, Гарри схватил ключ, захлопнул дверь и запер её.

— Да!

Окрыленные своей победой, они побежали по коридору обратно, но, едва успев добежать до угла, вдруг услышали нечто, от чего их сердца ушли в пятки — высокий испуганный визг... и доносился он как раз из того помещения, которое они только что заперли.

— О нет, — сказал Рон, бледный как Кровавый Барон.

— Это же женский туалет! — выдохнул Гарри.

— Гермиона! — произнесли они одновременно.

Это было последнее, чего им хотелось бы делать, но какой у них был выбор? Развернувшись, они ринулись обратно к двери и трясущимися от страха руками повернули ключ... Гарри распахнул дверь... они влетели внутрь.

Гермиона Грэйнджер съёжилась у стены напротив с таким видом, словно вот-вот упадёт в обморок. Тролль надвигался на неё, по пути снося раковины со стен.

— Отвлекай его! — в отчаянии крикнул Гарри Рону и, подняв с пола оторванный кран, метнул его что есть силы в стену.

Тролль остановился в нескольких шагах от Гермионы. Он неуклюже развернулся, глупо моргая и пытаясь увидеть источник шума, и его маленькие злобные глаза уставились на Гарри. Он заколебался, затем направился в его сторону, по пути поднимая дубину.

— Эй, кретин! — проорал Рон с другого конца комнаты и швырнул в него куском железной трубы. Тролль, однако, не обратил никакого внимания на ударившую его по плечу трубу, но услышал крик и опять замер, повернув свою уродливую морду к Рону и давая тем самым Гарри возможность обогнуть его.

— Давай, бежим, бежим! — крикнул Гарри Гермионе, пытаясь вытащить ее к двери, но та не могла двигаться, всё ещё прижимаясь к стене с открытым от ужаса ртом.

Крики и разносящееся эхо, похоже, привели тролля в ярость. Он опять заревел и двинулся к Рону, который был ближе всего и не смог бы убежать.

Тогда Гарри совершил поступок отважный, но при этом глупый: с разбегу он запрыгнул на спину троллю и сумел обхватить руками его шею. Тролль не мог почувствовать повисшего на нем Гарри, но даже тролль не в состоянии игнорировать длинный кусок дерева в своем носу — во время прыжка Гарри держал в руке свою палочку, и та случайно вонзилась прямо в ноздрю тролля.

Завыв от боли, тролль начал крутиться и размахивать дубиной. Гарри вцепился в него что есть силы — в любую секунду тролль мог или сбросить его, или отвесить дубиной страшный удар.

От страха Гермиона осела на пол, Рон вытащил свою палочку, совершенно не представляя, что он собирается с ней делать. Неожиданно для самого себя он выкрикнул первое, что пришло в голову:

— Вингардиум Левиоса!

Неожиданно дубина вырвалась из рук тролля, подлетела высоко в воздух, медленно перевернулась... и обрушилась на голову владельца с неприятным треском. Тролль покачнулся и рухнул мордой об пол с такой силой, что стены комнаты задрожали.

Гарри поднялся на ноги. Его трясло, и он тяжело дышал. Рон замер с поднятой палочкой, уставившись на свою работу.

Первой нарушила тишину Гермиона.

— Он... мертв?

— Вряд ли, — ответил Гарри. — По-моему, он просто вырубился.

Он наклонился и вытащил свою палочку из носа тролля. Она была покрыта слизью, похожей на грязно-серый клей.

— Беее... троллевы сопли.

Гарри вытер ее о штаны тролля.

Внезапный звук хлопнувшей двери и громкие шаги заставили их всех поднять головы. Они не представляли, сколько шума подняли, но, конечно, кто-то под ними должен был услышать удары и рев тролля. Секундой позже в комнату ворвалась профессор МакГонагалл, за ней Снейп и немного позади Квиррелл. Увидев тролля, Квиррелл заскулил и рухнул на унитаз, схватившись за сердце.

Снейп склонился над троллем. Профессор МакГонагалл смотрела на Рона и Гарри. Гарри еще не доводилось видеть ее такой рассерженной. Губы у нее

побелели. Надежда заработать пятьдесят очков для Гриффиндора быстро улетучилась из головы Гарри.

— О чём вы только думали? — в голосе профессора МакГонагалл слышалась холодная ярость. Гарри посмотрел на Рона, который все еще продолжал стоять с поднятой палочкой. — Вам просто повезло, что вы не погибли. Почему вы не в спальне?

Снейп посмотрел на Гарри быстрым пронзительным взглядом. Гарри уставился в пол. Ему хотелось, чтобы Рон опустил свою палочку.

Вдруг из темноты раздался слабый голос.

— Профессор МакГонагалл, пожалуйста... они искали меня.

— Мисс Грэйнджер!

Гермионе, наконец, удалось подняться на ноги.

— Я пошла искать тролля, потому что я... я думала, что смогу сама справиться с ним... ну, понимаете, я много о них читала.

Рон выронил свою палочку. Гермиона Грэйнджер откровенно врала в лицо учителю?

— Если бы они не нашли меня, то я была бы уже мертва. Гарри воткнул свою палочку ему в нос, а Рон сбил его же собственной дубиной. У них просто не было времени позвать кого-нибудь на помощь. Он уже собирался меня прикончить, когда они появились.

Гарри и Рон попытались сделать вид, что вся эта история не нова для них.

— Ну что ж... в таком случае... — протянула профессор МакГонагалл, не сводя с них глаз. — Мисс Грэйнджер, глупая вы девчонка, как вы могли подумать, что справитесь в одиночку с горным троллем?

Гермиона повесила голову. Гарри онемел. Гермиона была последним человеком, способным нарушить правила, но сейчас она врала, чтобы выручить их из беды. Это было так же невероятно, как если бы Снейп вдруг начал раздавать конфеты.

— Мисс Грэйнджер, за ваш поступок с Гриффиндора будут сняты пять очков, — сказала профессор МакГонагалл. — Вы меня очень разочаровали. Если вы не пострадали, вам лучше вернуться в башню Гриффиндора. Ученики завершают банкет в своих гостиных.

Гермиона вышла.

Профессор МакГонагалл повернулась к Гарри и Рону.

— Что ж, я по-прежнему считаю, что вам просто повезло, однако немногие из первокурсников смогли бы одолеть взрослого горного тролля. Пять очков Гриффиндору на каждого. Я сообщу об этом профессору Дамблдору. Можете идти.

Они выбежали из туалета и не произнесли ни слова, пока не поднялись двумя этажами выше. Было счастьем оказаться подальше от запаха тролля, не говоря обо всём остальном.

— Могла бы дать и больше десяти очков, — проворчал Рон.

— Ты хотел сказать, пяти, раз уж она оштрафовала Гермиону.

— Хорошо, что она вытащила нас из беды, — признал Рон. — Хотя мы же её спасли.

— Может, ей и не понадобились бы спасатели, если бы мы не заперли это чудище вместе с ней, — напомнил ему Гарри.

Они подошли к портрету Толстой Дамы.

— Пятачок, — сказали они и вошли.

В гостиной было тесно и шумно. Все жевали то, что им прислали сюда снизу. Гермиона, однако, стояла в одиночестве возле двери, поджидая их. Возникла неловкая пауза. Затем все трое, не глядя друг на друга, выдавили из себя «Спасибо» и поспешили за тарелками.

Тем не менее, с этого момента Гермиона Грэйнджер стала их другом. Есть некоторые вещи, которые не могут не закончиться взаимной симпатией, и вырубить двенадцатифутового тролля — одна из них.

Глава одиннадцатая. Квиддич

С приходом ноября стало очень холодно. Горы, окружавшие школу, из-за льда стали серого цвета, а поверхность озера походила на холодную сталь. Каждое утро земля покрывалась инеем. Из окна верхнего этажа было видно, как Хагрид размораживает метлы на поле для Квиддича. На нём было длинное кротовое пальто, перчатки из кроличьей шерсти и огромные ботинки на бобровом меху.

Сезон Квиддича начался. В субботу Гарри предстояло сыграть свой первый матч после нескольких недель тренировок: Гриффиндор против Слизерина. Если бы гриффиндорцы победили, то они бы заняли второе место в чемпионате между Домами.

Почти никто не видел, как играет Гарри, потому что Вуд решил, что он, как их тайное оружие, должен держаться в секрете. Но новость о том, что Поттер стал Ловцом, всё же каким-то образом просочилась, и теперь Гарри не знал, кто был хуже — те, кто говорили ему, что он будет замечательным игроком, или те, кто обещали ему бегать по полю с матрацем.

Гарри повезло, что Гермиона стала его другом. Он не знал, как бы осилил всю домашнюю работу без неё, потому что Вуд постоянно устраивал незапланированные тренировки. Также она дала ему почитать книгу «Квиддич Сквозь Века», которая оказалась очень интересной.

Из неё Гарри узнал, что в Квиддиче существовало семьсот способов нарушить правила, и что все они произошли во время матча Чемпионата Мира в 1473; что Ловцы обычно были самыми маленькими и самыми быстрыми игроками, и,

казалось, именно с ними происходили самые серьезные несчастные случаи; что хотя люди редко умирали, играя в Квиддич, бывало, что судьи исчезали, и через несколько месяцев их находили в Сахаре.

Гермиона стала относиться немного спокойней к нарушению правил после того, как Гарри и Рон спасли её от горного тролля, и стала куда приятнее в общении. Накануне первой игры Гарри, все трое вышли на перемене во внутренний дворик, где было невероятно холодно, и Гермиона наколдовала яркий синий огонь, который можно было переносить в банке из-под варенья. Они повернулись спинами к огню и пытались согреться, как вдруг во двор вошёл Снейп. Гарри сразу заметил, что Снейп хромал. Гарри, Рон, и Гермиона придвинулись друг к другу поближе, чтобы заслонить огонь, так как были уверены, что разводить его было запрещено. К сожалению, их виноватые лица заметил Снейп и захромал к ним. Он не видел огня, но, похоже, ему очень хотелось найти повод отчитать их.

— Что это у вас там, Поттер?

Это был «Квиддич Сквозь Века». Гарри показал ему книгу.

— Библиотечные книги запрещено выносить из здания школы, — сказал Снейп. — Отдайте её мне. Пять очков с Гриффиндора.

— Он только что придумал это правило, — сердито пробормотал Гарри, когда Снейп отошёл от них. — Интересно, что с его ногой?

— Не знаю, но надеюсь, ему действительно больно, — злобно сказал Рон.
* * *

В тот вечер в гостиной Гриффиндора было очень шумно. Гарри, Рон и Гермиона вместе сидели у окна. Гермиона проверяла домашнюю работу Гарри и Рона по Чарам. Она не позволяла им списывать («Как вы собираетесь всему научиться?»), но попросив её проверять работы, они и так получали правильные ответы.

Гарри очень нервничал. Ему хотелось получить «Квиддич Сквозь Века» обратно, чтобы хоть немного успокоиться перед предстоящим днём. Почему он должен бояться Снейпа? Поднявшись с места, он сказал Рону и Гермионе, что собирается спросить Снейпа, не отдаст ли тот ему книгу.

— Лучше ты, чем я, — сказали они вместе, но Гарри подумал, что Снейп не откажет ему в присутствии других учителей.

Он спустился к преподавательской и постучал. Никто не ответил. Он постучал снова. Ничего.

Может быть, Снейп оставил книгу внутри? Стоило попытаться. Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь — и его взгляду предстала ужасная сцена.

Снейп и Филч были внутри одни. Снейп держал свою мантию над коленом, одна его нога была искалечена и залита кровью. Филч протягивал ему бинт.

— Проклятая тварь, — произнёс Снейп. — Как можно одновременно следить за всеми тремя головами?

Гарри попробовал тихо закрыть дверь, но...

— ПОТТЕР!

Лицо Снейпа исказилось от ярости, он быстро опустил свою мантию, чтобы скрыть ногу. Гарри сглотнул.

— Я просто хотел спросить, можно ли мне забрать мою книгу.

— УБИРАЙТЕСЬ ВОН! ВОН!

Гарри выбежал из комнаты, прежде чем Снейп смог снять с Гриффиндора ещё несколько очков, и понёсся вверх.

— Ты вернул её? — спросил Рон, когда Гарри присоединился к ним. — В чём дело?

Тихим шёпотом Гарри рассказал им, что видел.

— Знаете, что это означает? — закончил он, едва переводя дух. — Он пытался пройти мимо трехголовой собаки на Хэллоуин! Вот куда он шёл, когда мы его видели — он хочет добыть то, что охраняет пёс! И спорю на свою метлу, это он впустил тролля, чтобы отвлечь всех.

Глаза Гермионы округлились.

— Нет... он бы так не поступил, — сказала она. — Я знаю, что он не очень хороший, но он не стал бы красть то, что пытается уберечь Дамблдор.

— В самом деле, Гермиона, ты думаешь, что все преподаватели — святые или что-то в этом роде, — отрызнулся Рон. — Я согласен с Гарри. И я тоже не доверяю Снейпу. Но что же он хочет заполучить? Что охраняет собака?

Когда Гарри ложился спать, в голове его крутился тот же вопрос. Невилл громко храпел, но Гарри не мог заснуть. Он пытался выбросить из головы все мысли... ему нужно было выспаться, нужно, до его первого матча по Квиддичу оставалось лишь несколько часов... но выражение лица Снейпа в тот момент, когда Гарри увидел его ногу, было не так-то легко забыть.

* * *

Следующее утро выдалось очень ясным и холодным. Большой Зал был наполнен восхитительным запахом жареных сосисок и весёлой болтовнёй тех, кто с нетерпением ждал хорошего матча по Квиддичу.

— Ты должен позавтракать.

— Я ничего не хочу.

— Хотя бы кусочек тоста, — уговаривала его Гермиона.

— Я не хочу есть.

Гарри чувствовал себя ужасно. Через час он уже должен был быть на поле.

— Гарри, тебе нужно набраться сил, — сказал Шеймус Финниган. — На Ловцов противники нападают больше всего.

— Спасибо, Шеймус, — сказал Гарри, наблюдая, как Шеймус поливает кетчупом сосиски.

Казалось, вся школа собралась к одиннадцати часам на поле для Квиддича. У многих студентов были бинокли. Хотя зрительские места были подняты высоко над землей, иногда всё же было трудно разглядеть, что происходит.

Рон и Гермиона присоединились к Невиллу, Шеймусу и Дину, болельщику Уэст-Хэма, на верхнем ряду. В качестве сюрприза для Гарри, они нарисовали огромный плакат на одной из тех простыней, которые испортил Короста. Плакат гласил «Поттера в президенты», а Дин, который хорошо рисовал, изобразил под надписью гриффиндорского льва. Затем Гермиона произнесла короткое хитрое заклинание, и надпись стала переливаться разными цветами.

Тем временем, в раздевалке, Гарри и другие участники команды переодевались в ярко-алые мантии для Квиддича (Слизерин играл в зелёных).

Вуд прокашлялся, чтобы привлечь к себе внимание.

— Итак, господа, — сказал он.

— И дамы, — сказала Охотница Анджелина Джонсон.

— И дамы, — согласился Вуд. — Вот она.

— Самая главная, — сказал Фред Уизли.

— Та, которую мы все ждали, — сказал Джордж.

— Мы знаем речь Оливера наизусть, — обратился Фред к Гарри. — Мы были в команде в прошлом году.

— Заткнитесь, вы оба, — сказал Вуд. — У нас самая лучшая команда Гриффиндора за много лет. И мы победим. Я это знаю.

Он обвёл взглядом всю команду, словно говоря "А иначе..."

— Всё. Пора. Всем удачи.

Гарри проследовал из раздевалки за Фредом и Джорджем и, надеясь, что у него не подкосятся колени, вышел на поле под всеобщее ликование.

Матч судила Мадам Хуч. Она стояла посреди поля и ждала с метлой в руке, пока соберутся обе команды.

— Итак, я жду вежливой и честной игры, — произнесла она, как только они все собрались вокруг неё. Гарри показалось, что мадам Хуч говорит это в частности капитану Слизерина, пятикурснику Маркусу Флинту. Гарри подумал, что Флинт выглядит так, словно у него в родне были тролли. Краем глаза он увидел плакат с переливающейся надписью «Поттера в президенты», который

развевался над толпой высоко на трибунах. Его сердце ёкнуло. Он почувствовал себя смелее.

— Седлайте ваши мётлы, пожалуйста.

Гарри вскарабкался на Нимбус 2000.

Мадам Хуч громко дунула в серебряный свисток.

Пятнадцать мётел взмыли высоко-высоко в небо. Игра началась.

— И Кваффл мгновенно перехвачен Анджелиной Джонсон из Гриффиндора... какая же отличная Охотница эта девушка, к тому же довольно привлекательная...

— ДЖОРДАН!

— Простите, профессор.

Друг близнецов Уизли Ли Джордан комментировал матч под тщательным присмотром профессора МакГонагалл.

— Она стремительно проносится вперёд, точный пас Алисии Спиннет, кстати, отличная находка Оливера Вуда. В прошлом году она была лишь запасной... передача назад Джонсон и... нет, Кваффл у слизеринцев. Его перехватывает капитан команды Маркус Флинт и летит прочь... Флинт словно орёл... он сейчас забь... нет, ловким движением его останавливает Вратарь Гриффиндора Оливер Вуд, и Кваффл снова у Гриффиндора... вот он у Охотницы Кэти Белл, которая ловко обходит Флинта, поднимается над полем и... Ой... должно быть, это больно — получить Бладжером по затылку... Кваффл у Слизерина... это Эдриан Пьюси мчится к воротам, но его останавливает второй Бладжер... его послал Фред или Джордж Уизли — не могу точно сказать, кто из них... но в любом случае, отлично играет Вышибала Гриффиндора, а Кваффл снова у Джонсон. Впереди никого нет, и она пользуется моментом... она летит... уклоняется от приближающегося Бладжера... ворота впереди... давай, Анджелина... Вратарь Блетчли уходит в пике... промахивается... ГРИФФИНДОР ЗАБИВАЕТ ГОЛ!

Возгласы гриффиндорцев заполнили холодный воздух. От слизеринцев слышались завывания и стоны.

— Эй, подвиньтесь, дайте пройти.

— Хагрид!

Рон и Гермиона придвинулись друг к другу, чтобы освободить место для Хагрида.

— Наблюдал из своей хижины, — сказал Хагрид, похлопав огромный бинокль, который висел у него на шее. — Но когда сидишь на трибуне с народом, совсем другие ощущения. Снитч ещё не показывался?

— Нет, — ответил Рон. — Гарри пока особо нечем заняться.

— Хоть в переделку не попал, уже что-то, — сказал Хагрид, поднимая бинокль и глядя на маленькое пятнышко в небе — Гарри.

Высоко над ними Гарри парил над игроками, щурясь и выискивая взглядом хоть какие-нибудь признаки Снитча. Это было частью его с Вудом стратегии.

— Держись на расстоянии до тех пор, пока не заметишь Снитч, — сказал Вуд. — Нам не надо, чтобы на тебя напали, пока этого не потребуется.

Когда Анджелина забила гол, Гарри выполнил пару мёртвых петель, чтоб выплеснуть переполнявшие его чувства. Теперь он снова искал взглядом Снитча. Один раз он заметил золотую вспышку, но это был всего лишь блик наручных часов одного из братьев Уизли, а в другой раз в него решил полететь Бладжер, похожий, скорее, на пушечное ядро, но Гарри вовремя увернулся, и вслед за мячом прилетел Фред Уизли.

— Всё в порядке, Гарри? — нашёл он время прокричать, со всей силы отбивая Бладжер в сторону Маркуса Флинта.

— Кваффл у Слизерина, — рассказывал Ли Джордан. — Охотник Пьюси уклоняется от двух Бладжеров, двух Уизли и Охотницы Белл и с огромной скоростью направляется к... погодите... неужели это был Снитч?

Толпа зарокотала, Эдриан Пьюси уронил Кваффл, когда обернулся через плечо, чтобы посмотреть на золотую вспышку, которая пронеслась мимо его левого уха.

Гарри увидел его. Охваченный волнением, он спикировал за золотым следом. Ловец Слизерина Теренс Хиггс тоже его заметил. Плечом к плечу они бросились к Снитчу... все Охотники словно забыли про то, что должны были делать, просто застыв в воздухе, чтобы следить за происходящим.

Гарри был быстрее, чем Хиггс, и уже видел небольшой мячик с его трепетающими крыльями, который стремительно несся вперёд... он прибавил скорость...

БАЦ! С трибун Гриффиндора послышался гневный рёв... Маркус Флинт нарочно врезался в Гарри, и его метла изменила курс, а Гарри вцепился в неё, чтобы не упасть.

— Фол! — закричали гриффиндорцы.

Мадам Хуч, сердито поговорив с Флинтом, назначила свободный удар в сторону ворот Слизерина. Но во всей этой суматохе, разумеется, Снитч опять исчез из виду.

Внизу на трибуне Дин Томас вопил:

— Удалите его с поля, судья! Красная карточка!

— Это не футбол, Дин, — напомнил ему Рон. — В Квиддиче нельзя удалять... и что такое красная карточка?

Хагрид, однако, был на стороне Дина.

— Надо бы им поменять правила. Флинт мог сбить Гарри с метлы.

Ли Джордану, по всей видимости, трудно было держаться нейтральной стороны.

— Итак, после этого очевидного и отвратительного жульничества...

— Джордан! — громко проворчала Профессор МакГонагалл.

— Я имею в виду, после такого открытого и вопиющего нарушения...

— Джордан, предупреждаю...

— Хорошо, хорошо. Флинт чуть не убил Ловца Гриффиндора, что, я уверен, могло произойти с каждым. И, таким образом, пенальти от Гриффиндора будет бить Спиннет, которая без проблем забивает гол, и мы продолжаем игру. Кваффл всё ещё у Гриффиндора.

Это случилось в тот момент, когда Гарри снова уклонился от Бладжера, пролетавшего в опасной близости от его головы. Его метла внезапно накренилась. На долю секунды ему показалось, что он падает. Он изо всех зажал метлу в руках и между коленями. Такого с ним никогда не было.

Это повторилось. Было такое ощущение, что метла пытается сбросить его. Но ведь Нимбусы 2000 не решали ни с того ни с сего скинуть своих наездников. Гарри попробовал повернуть к воротам Гриффиндора. Ему в голову пришла идея попросить Вуда, чтобы тот взял тайм-аут... но тут он понял, что его метла совершенно вышла из-под контроля. Он не мог её повернуть. Он вообще не мог ей управлять. Она двигалась во все стороны и то и дело совершала такие резкие движения, что Гарри чуть не падал с неё.

Ли продолжал репортаж.

— Слизерин перешёл в наступление... Кваффл у Флинта... проходит Спиннет... проходит Белл... крепко получает Бладжером по лицу, надеюсь, ему сломали нос... шучу, профессор... Слизерин забивает гол... о, нет...

Слизеринцы ликовали. Похоже, никто не замечал, что метла Гарри ведёт себя странно. Она медленно поднимала его всё выше и выше над полем, всё время дёргаясь.

— Не понимаю, что это Гарри вытворяет, — пробормотал Хагрид. Он смотрел в свой бинокль. — Если бы не знал, подумал бы, что он потерял управление над метлой... но ведь не мог...

Внезапно повсюду на трибунах люди стали показывать пальцем на Гарри. Его метла принялась переворачиваться, ему едва удавалось держаться на ней. Затем все ахнули. Метла Гарри резко дёрнулась, и Гарри свалился с неё. Теперь он висел на ней, держась только одной рукой.

— С ней что-то произошло, когда в неё врезался Флинт? — шёпотом спросил Шеймус.

— Не может быть, — ответил Хагрид. Его голос дрожал. — С метлой ничего не может случиться, если только на неё не наложили мощное тёмное заклятие... ребёнку не под силу заколдовать Нимбус-2000.

Услышав это, Гермиона схватила бинокль Хагрида. Но вместо того, чтобы смотреть на Гарри, она начала отчаянно всматриваться в толпу.

— Что ты делаешь? — простонал побледневший Рон.

— Так и знала, — ахнула Гермиона, — Снейп... смотри.

Рон взял бинокль. Снейп сидел посередине трибуны, расположенной напротив них. Его взгляд был сфокусирован на Гарри, и он что-то бормотал себе под нос без остановки.

— Он что-то делает... заколдовывает метлу, — сказала Гермиона.

— Что же нам делать?

— Предоставьте это мне.

Прежде чем Рон смог что-либо сказать, Гермиона исчезла. Рон снова направил бинокль на Гарри. Его метла вибрировала так сильно, что висеть на ней дольше было практически не возможно. Все встали со своих мест, с ужасом наблюдая, как братья Уизли подлетели к Гарри и пытались перетащить его на одну из своих метел, но их попытки были безуспешны — каждый раз, когда они добирались до него, метла подсакивала всё выше и выше. Тогда оба Уизли снизились и начали кружить под ним, очевидно, надеясь поймать его, если он упадёт. Маркус Флинт схватил Кваффл и забросил пять голов, пока никто не смотрел.

— Давай, Гермиона, — отчаянно бормотал Рон.

Гермиона пробралась к трибуне, где стоял Снейп, и теперь мчалась по ряду позади него; она даже не остановилась извиниться, когда задела профессора Квиррелла, и тот полетел головой вниз в ряд перед ним. Добежав до Снейпа, она присела, достала палочку и прошептала несколько подходящих слов. Ярко-голубое пламя вырвалось из её палочки и охватило подол мантии Снейпа.

Снейпу понадобилось, наверное, тридцать секунд, чтобы сообразить, что он горит. Внезапный возглас оповестил Гермиону, что она справилась с задачей. Собрав с него огонь в банку из-под варенья, которая находилась в её кармане, она начала пробираться назад по ряду... Снейп точно не смог бы догадаться, что произошло.

Этого было достаточно. Высоко в небе Гарри внезапно удалось вскарабкаться на метлу.

— Невилл, можешь смотреть! — сказал Рон. Невилл уже целых пять минут всхлипывал, уткнувшись в куртку Хагрида.

Гарри с огромной скоростью устремился к земле, и толпа увидела, как он закрыл рукой рот, будто его сейчас стошнит... он упал на поле на четвереньки... кашлянул... и ему в руку упало что-то золотое.

— Я поймал Снитч, — закричал Гарри, махая им над головой, и игра закончилась в полной неразберихе.

— Он не поймал его, он почти его проглотил, — всё ещё был Флинт двадцать минут спустя, но это не играло роли — Гарри не нарушал никаких правил, и Ли Джордан продолжал радостно выкрикивать результаты матча — Гриффиндор победил: сто семьдесят — шестьдесят. Но Гарри ничего этого не слышал — Хагрид уже готовил ему уже чашку крепкого чая в своей хижине, как и Рону с Гермионой.

— Это был Снейп, — объяснял Рон. — Мы с Гермионой видели его. Он заколдовывал твою метлу, бормотал что-то и не сводил с тебя глаз.

— Чепуха, — сказал Хагрид, который не слышал ни слова из того, о чём говорили рядом с ним на трибуне. — Зачем бы Снейп стал такое делать?

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, гадая, что же ему ответить. Гарри выбрал правду.

— Я узнал кое-что о нём, — сказал он Хагриду. — Он пытался пройти мимо той трехголовой собаки на Хэллоуин. Она укусила его. Мы думаем, он пытался украсть то, что она охраняет.

Хагрид выронил чайник.

— Как вы узнали про Пушка? — спросил он.

— Пушка?

— Да... он мой... я купил его у какого-то греческого паренька, которого встретил в пабе в прошлом году... одолжил его Дамблдору для охраны...

— И? — нетерпеливо произнёс Гарри.

— Всё, не спрашивайте меня больше, — мрачно сказал Хагрид. — Это совершенно секретно, вот.

— Но ведь Снейп пытается это украсть!

— Чепуха, — снова повторил Хагрид. — Снейп — преподаватель Хогвартса, и он никогда бы не сделал ничего подобного.

— Тогда почему он пытался убить Гарри? — воскликнула Гермиона.

Определённо, события этого дня кардинально изменили её мнение о Снейпе.

— Я легко могу узнать заклятье, Хагрид, я о них всё читала! Нужен непрерывный зрительный контакт, и Снейп ни разу не моргнул, я его сама видела!

— Да говорю же вам, вы не правы! — вспыхнул Хагрид. — Не знаю, почему метла Гарри так себя вела, но Снейп не стал бы пытаться убить ученика! И послушайте, вы трое... вы суете нос не в свои дела. Это очень опасно. Забудьте про собаку и про то, что она охраняет. Это личное дело профессора Дамблдора и Николаса Фламелья...

— Ага! — сказал Гарри. — В это замешан некто по имени Николас Фламель.

Хагрид явно сильно разозлился сам на себя.

Глава двенадцатая. Зеркало Ыиналеж

Приближалось Рождество. Однажды утром в середине декабря Хогвартс, пробудившись ото сна, обнаружил себя под снежным покровом в несколько футов. Озеро накрепко замерзло, а близнецов Уизли наказали за то, что они заколдовали несколько снежков, чтобы те повсюду следовали за профессором Квирреллом, стучаясь сзади об его тюрбан. Тех немногих сов, которые умудрились пробиться сквозь разыгравшуюся в небе метель и доставить свои послания, пришлось отдать на попечение Хагрида, чтобы они смогли поправить здоровье, прежде чем снова отправиться в полет.

Все с нетерпением ожидали, когда начнутся каникулы. В гостиной Гриффиндора и в Большом Зале в очагах трещал огонь, но в коридорах, в которых гулял сквозняк, стало очень холодно, а окна классных комнат дребезжали от резкого ветра. Хуже всего были занятия профессора Снейпа в подземельях, где было видно собственное дыхание, и они старались держаться как можно ближе к своим горячим котлам.

— Я определенно чувствую жалость, — произнёс Драко Малфой на одном из уроков Зелий, — ко всем тем людям, которым придётся остаться в Хогвартсе на Рождество, из-за того, что их не хотят видеть дома.

Произнося эти слова, он смотрел на Гарри. Крэбб и Гойл усмехнулись. Гарри, который отмерял в этот момент порошок из позвоночника морского ерша, проигнорировал их. Малфой стал ещё противнее со времени матча по Квиддичу. Раздосадованный тем, что Слизерин проиграл, он попытался рассмешить всех, заявив, что следующей на место Ловца после Гарри возьмут древесную лягушку с широким ртом. Потом он понял, что это никому не кажется смешным, потому что всех сильно впечатлило то, как Гарри сумел удержаться на брыкающейся метле. Тогда Малфой, разозлившись и чувствуя зависть, вернулся к своим обычным насмешкам о том, что Гарри обделён нормальной семьёй.

На Рождество Гарри и вправду не возвращался на Привит Драйв. На прошлой неделе Профессор МакГонагалл обошла всех, составляя список учеников, которые желают остаться на Рождество, и Гарри сразу же записался. Ему и в голову не приходило себя жалеть; это Рождество обещало стать самым лучшим из всех, что у него когда-либо были. Рон со своими братьями тоже оставались, поскольку мистер и миссис Уизли собирались в Румынию навестить Чарли.

Покинув подземелья после урока Зелий, они наткнулись на большую ель, перегородившую им коридор. По паре огромных ног, торчащих из-под неё, и громкому пыхтению они поняли, что за елью был Хагрид.

— Привет, Хагрид, тебе помочь? — спросил Рон, просунув голову сквозь ветки.

— Не, всё в порядке. Спасибо, Рон.

— Не затруднит ли вас убраться с дороги? — послышался сзади холодный протяжный голос Малфоя. — Ты что, пытаешься подзаработать немного денег, Уизли? Надеешься стать лесничим, когда покинешь Хогвартс, я полагаю — лачуга Хагрида, должно быть, выглядит настоящим дворцом по сравнению с тем, к чему привыкла твоя семья.

Рон бросился на Малфоя как раз в тот момент, когда по лестнице поднялся Снейп.

— УИЗЛИ!

Рон отпустил мантию Малфоя.

— Его спровоцировали, профессор Снейп, — сказал Хагрид, большое заросшее лицо которого показалось из-за ели. — Малфой оскорблял его семью.

— Пусть и так, драки против правил Хогвартса, Хагрид, — сказал Снейп бархатным голосом. — Пять очков с Гриффиндора, Уизли, и будь благодарен, что не больше. Ну-ка, все разошлись.

Малфой, Крэбб и Гойл продрались через дерево, расшвыривая повсюду иголки и ухмыляясь.

— Я до него доберусь, — сказал Рон, скрепя зубами вслед Малфоя, — скоро доберусь...

— Я их обоих ненавижу, — сказал Гарри, — Малфоя и Снейпа.

— Да бросьте вы, взбодритесь, ведь скоро уже Рождество! — сказал Хагрид. — Вот что я скажу — пошли со мной, посмотрим на Большой Зал — просто заглядение.

После этого Гарри, Рон и Гермиона последовали за Хагридом и его деревом — прямо в Большой Зал, где профессор МакГонагалл и профессор Флитвик занимались рождественскими украшениями.

— А, Хагрид, последняя ёлка... поставьте её в дальнем углу, хорошо?

Зал выглядел восхитительно. Повсюду на стенах были развешаны гирлянды остролиста и омелы, и, по крайней мере, двенадцать ёлок возвышались по всему залу, одни искрились крошечными сосульками, другие блистали сотнями свечей.

— Сколько дней у вас осталось до зимних каникул? — спросил Хагрид.

— Всего один, — сказала Гермиона, — и кстати... Гарри, Рон, у нас есть полчаса перед ланчем, надо сходить в библиотеку.

— О, да, ты права, — сказал Рон, с трудом отводя глаза от профессора Флитвика, из волшебной палочки которого распускались золотистые пузырьки, которые он развешивал по веткам нового дерева.

— В библиотеку? — спросил Хагрид, выходя следом за ними из зала. — Прямо перед праздниками? Немного увлеклись, а?

— А, это мы не для занятий, — весело ответил ему Гарри. — Просто с тех пор, как ты упомянул Николаса Фламеля, мы пытаемся разузнать, кто он такой.

— Вы — что? — Хагрид выглядел ошеломлённым. — Послушайте... я же вам говорил... оставьте вы эту затею. Вас не касается, что тот пёс охраняет!

— Мы просто хотим знать, кто такой Николас Фламель, вот и всё, — сказала Гермиона.

— Если, конечно, ты сам нам не скажешь и не избавишь нас от беспокойства? — добавил Гарри. — Мы одолели, должно быть, уже сотни книг, и нигде не смогли найти его... просто намекни нам... я ведь знаю, что уже где-то читал это имя.

— Ничего я не скажу, — решительно сказал Хагрид.

— Тогда нам просто придется самим это выяснить, — сказал Рон, и они оставили Хагрида, который выглядел рассерженным, и заторопились в библиотеку.

Они и в самом деле искали в книгах имя Фламеля, с тех пор, как Хагрид обмолвился о нём, а иначе как ещё они могли выяснить, что именно пытается украсть Снейп? Проблема была в том, что очень трудно узнать, откуда начать, если не знаешь, что такого мог совершить Фламель, чтобы его имя упоминалось в книгах. Его не было в «Великих Волшебниках Двадцатого Века», и в «Выдающихся Волшебных Именах Нашего Времени»; он отсутствовал также в «Важных Современных Магических Открытиях», и в «Исследовании Новейших Достижений в Области Чародейства». И кроме того, конечно же, ещё была вся библиотека; десятки тысяч книг; тысячи полок; сотни узких рядов.

Гермиона вынула список предметов и названий, по которым она решила искать, пока Рон широкими шагами направился вдоль рядов книг и начал снимать их с полок наугад. Гарри брёл по направлению к Запретной Секции. С недавнего времени ему стало интересно, нет ли там чего-нибудь о Фламеле. К сожалению, была нужна специальная записка, подписанная одним из учителей, чтобы заглянуть в какую-нибудь из запретных книг, и он знал, что ему такую никогда не получить. Это были книги, содержащие мощную Тёмную Магию, которую никогда не преподавали в Хогвартсе, которые читали лишь старшие ученики, изучающие продвинутый курс Защиты от Тёмных Искусств.

— Что ты ищешь, мальчик?

— Ничего, — сказал Гарри.

Мадам Пинс, библиотекарь, погрозила ему метёлкой из перьев.

— В таком случае, тебе лучше уйти отсюда. Давай — вон!

Жалея о том, что он не смог быстро придумать какую-нибудь историю, Гарри покинул библиотеку. Они с Роном и Гермионой уже пришли к общему мнению, что лучше не спрашивать мадам Пинс, где им найти что-то о Фламеле. Она наверняка могла подсказать им, но Снейп мог услышать, что они что-то замышляют, и они не могли рисковать.

Гарри стоял в коридоре, ожидая, не найдут ли что-нибудь остальные, но он не возлагал на это больших надежд. Они провели в поисках две недели, но поскольку шанс появлялся лишь от случая к случаю между занятиями, было неудивительно, что они ничего не нашли. То, что им было действительно нужно — это тщательный долгий поиск без того, чтобы мадам Пинс дышала им в затылок.

Пять минут спустя, Рон и Гермиона присоединились к нему, покачивая головами. Они отправились на ленч.

— Вы ведь продолжите искать, пока меня не будет, правда? — сказала Гермиона. — И пошлите мне сову, если найдете что-нибудь.

— Ты могла бы спросить своих родителей, не знают ли они, кто такой Фламель, — сказал Рон. — Их можно спрашивать без опаски.

— Совершенно без опаски, раз уж они оба дантисты, — сказала Гермиона.

* * *

Когда начались каникулы, Рон с Гарри так хорошо проводили время, что им было вовсе не до Фламеля. Вся спальня была в их распоряжении, и гостиная была гораздо пустыннее, чем обычно, так что они могли разместиться в удобных креслах у огня. Они сидели часами, угощаясь чем-нибудь, что можно было нанизать на шампур — хлебом, лепёшками, пастилой, — и строя планы по исключению Малфоя, которые было забавно обсуждать, даже если бы они и не сработали.

Рон, к тому же, начал учить Гарри волшебным шахматам. Они были в точности как маггловские, но только фигурки были живые, благодаря чему это сильно напоминало управление войсками в битве. Набор Рона был очень старый и потрёпанный. Как и все остальное, чем он владел, когда-то они принадлежали кому-то из его семьи — в данном случае, его дедушке. Однако старые шахматные фигурки совсем не были препятствием. Рон знал их настолько хорошо, что у него никогда не было проблем, как заставить их поступать, как он хотел.

Гарри играл фигурками, которые ему одолжил Шеймус Финниган, и они совершенно не доверяли ему. Он пока ещё не был хорошим игроком, и они постоянно выкрикивали в его сторону советы, которые сбивали с толку: "Не посылай меня туда, разве ты не видишь его коня? Пошли его, мы можем себе позволить потерять его."

В Сочельник Гарри отправился спать, с нетерпением предвкушая завтрашнее веселье и угощение, но совсем не ожидая подарков. Однако когда он проснулся рано утром, первой вещью, которую он увидел, была небольшая куча подарков у его кровати.

— Счастливого Рождества, — сонным голосом сказал Рон, пока Гарри выкарабкивался из кровати и натягивал свой халат.

— И тебе, — сказал Гарри. — Только посмотри! Я получил подарки!

— А чего ты ожидал, репу? — сказал Рон, поворачиваясь к собственной куче подарков, которая была намного больше, чем у Гарри.

Гарри поднял верхний свёрток. Он был завернут в толстую коричневую бумагу с корявой подписью «Гарри, от Хагрида». Внутри была грубо вырезанная деревянная флейта. Хагрид явно выстрогал её сам. Гарри подул — её звук немного напоминал сову.

Второй, очень маленький сверток, содержал записку:

«Мы получили твоё письмо и прилагаем твой рождественский подарок. От дяди Вернона и тёти Петунии.»

К записке скотчем была примотана монетка в пятьдесят пенсов.

— Как мило, — сказал Гарри.

Пятьдесят пенсов привели Рона в восторг.

— Странно! — сказал он. — Какая форма! Это — деньги?

— Можешь оставить её себе, — сказал Гарри, смеясь над тем, как доволен стал Рон. — Хагрид и мои тётя с дядей... но тогда кто же прислал эти?

— Думаю, что знаю, от кого этот, — сказал Рон, немного покраснев и показывая на очень мешковатый свёрток,

— От моей мамы. Я сказал ей, что ты не ждешь никаких подарков, и она... о, нет! — простонал он. — Она связала тебе свитер Уизли.

Гарри разорвал свёрток, в котором оказался толстый изумрудно-зелёный свитер, связанный вручную, и большая коробка домашних сливочных помадок.

— Каждый год она вяжет нам по свитеру, — сказал Рон, разворачивая свой собственный, — и мой всегда коричневый.

— Это очень мило с её стороны, — сказал Гарри, пробуя помадку, которая оказалась очень вкусной.

Его следующий подарок тоже оказался со сладостями — это была большая коробка Шоколадных Лягушек от Гермионы.

Остался только один свёрток. Гарри поднял его и пощупал. Он был очень лёгким. Гарри развернул его.

Что-то текучее и серебристо-серое соскользнуло на пол, сложившись мерцающими складками. Рон ахнул.

— Я слышал о них, — сказал он приглушённым голосом, роняя коробку «Драже С Любими Вкусами», которую получил от Гермионы. — Если это то, о чём я думаю... они по-настоящему редкие, и очень ценные.

— Что это?

Гарри подобрал сверкающую, серебристую ткань с пола. Она была странной на ощупь, как будто в материю была вплетена вода.

— Это Плащ-Невидимка, — с благоговением сказал Рон. — Я уверен, что это он... попробуй надеть его.

Гарри накинул Плащ на плечи, и Рон издал вопль.

— Это он! Посмотри вниз!

Гарри посмотрел на свои ноги, но они пропали. Он бросился к зеркалу. Он видел своё отражение, но только его голова висела в воздухе, тело же было полностью невидимо. Он натянул Плащ на голову, и отражение исчезло полностью.

— Здесь записка! — внезапно сказал Рон. — Из него выпала записка!

Гарри стянул с себя Плащ и схватил письмо. Узким витым почерком, который он никогда раньше не видел, были написаны следующие слова:

Твой отец оставил его мне, прежде чем погиб.

Настало время, чтобы вернуть его тебе.

Используй его с умом.

Счастливого тебе Рождества.

Подписи не было. Гарри пристально посмотрел на записку. Рон восхищался Плащом.

— Я бы отдал что угодно за такой, — сказал он. — Что угодно. В чем дело?

— Ни в чем, — сказал Гарри. Он чувствовал себя очень странно. Кто послал Плащ? Действительно ли он принадлежал его отцу?

Прежде чем он смог что-то сказать или подумать о чём-нибудь ещё, дверь спальни распахнулась, и внутрь влетели Фред и Джордж Уизли. Гарри быстро захихнул Плащ подальше. Пока что ему не хотелось кому-то его показывать.

— Счастливого Рождества!

— Эй, посмотри — Гарри тоже получил свитер Уизли!

Фред и Джордж были одеты в синие свитеры, один с большой желтой F, а другой с буквой G.

— Хотя у Гарри получше, чем у нас, — сказал Фред, показывая свитер Гарри. — Она явно больше старается, если ты не член семьи.

— Почему ты не одеваешь свой, Рон? — требовательно спросил Джордж. — Давай, надевай, они красивые и тёплые.

— Терпеть не могу коричневый, — натягивая свитер через голову, без энтузиазма в голосе простонал Рон.

— На твоём нет буквы, — заметил Джордж. — Видимо, она думает, что ты своё имя не забудешь. Но мы-то не придурки — мы знаем, что нас зовут Дред и Фордж.

— Что за шум?

Перси Уизли показался из-за двери, неодобрительно всех оглядывая. Он явно наполовину завершил разворачивание своих подарков, — через его руку также был переброшен мешковатый свитер, которым тут же завладел Фред.

— "П" значит Префект! Надевай, Перси, давай, мы все уже надели наши, даже у Гарри есть.

— Я... не... хочу! — неразборчиво проговорил Перси, пока близнецы силой надевали на него свитер через голову, сбив его очки набок.

— И ещё сегодня ты не будешь сидеть с Префектами, — сказал Джордж. — Рождество — это время для семьи.

Они вывели Перси из комнаты, подталкивая в спину, так как руки у того были прижаты свитером по швам.

* * *

Такого рождественского обеда у Гарри в жизни не было никогда. Сотня жирных запечённых индеек; горы жареного и варёного картофеля; блюда, наполненные сосисками; супницы с зелёным горошком в масле; серебряные соусники с обильной густой подливкой и клюквенным соусом, — и уйма волшебных хлопушек, лежащих на столах через каждые несколько футов. Эти фантастические хлопушки ничем не напоминали те никудашные маггловские, которые обычно покупали Дёрсли, с маленькими пластиковыми игрушками и тонкими бумажными шапочками внутри. Гарри дёрнул волшебную хлопушку вместе с Фредом, и она не просто шумно разорвалась, — она взорвалась с грохотом пушечного выстрела и заволокла их всех облаком синего дыма, а изнутри вылетели контр-адмиральская двуголка и несколько живых белых мышей. За Главным Столом Дамблдор сменил свой чародейский колпак на цветастый капор, и весело смеялся шутке, которую ему только что зачитал профессор Флитвик.

За индейкой последовал пылающий рождественский пудинг. Перси едва не сломал зубы о серебрянный сикль, спрятанный в его куске. Гарри наблюдал, как лицо Хагрида становится все краснее и краснее, по мере того, как он требовал ещё вина, и в конце концов он поцеловал в щёку профессора МакГонагалл, которая, к изумлению Гарри, захихикала и залилась румянцем, а её высокая шляпа съехала набок.

Когда Гарри, наконец, вышел из-за стола, он был нагружен уймой вещей из хлопушек, включая пачку невзрываемых, светящихся воздушных шариков, набор «Вырасти Бородавки Сам», и собственный новый набор фигурок для магических шахмат. Белые мыши куда-то делись, и у Гарри было неприятное ощущение, что их судьба закончилась в качестве рождественского ужина Миссис Норрис.

Вместе с Уизли Гарри весело провел послеобеденное время в неистовом сражении снежками во дворе школы. После этого, замёрзшие, мокрые и едва переводя дух, они вернулись к очагу в гриффиндорской гостиной, где Гарри опробовал свой новый шахматный набор, великолепно проиграв Рону. Он подозревал, что не проиграл бы с таким разгромом, если бы Перси не пытался так много ему помочь.

Перекусив сэндвичами с индейкой, лепёшками, сочными бисквитами и рождественским пирогом, все почувствовали себя наевшимися и слишком сонными, чтобы что-нибудь ещё делать до сна, кроме как сидеть и смотреть, как Перси гоняется за Фредом и Джорджем по всей Гриффиндорской башне, чтобы отобрать свой похищенный значок Префекта.

В тот день Гарри провёл лучшее Рождество в своей жизни. И всё же была одна мысль, которая весь день напоминала о себе, находясь где-то глубоко в его сознании. Лишь забравшись в постель, он наконец-то смог подумать и об этом: о Плаще-Невидимке и о том, кто мог бы его послать.

Рон, объевшийся индейки и пирога и не тревожимый ничем загадочным, заснул практически сразу же, как задернул полог своей кровати. Гарри наклонился через край своей собственной и вытащил из-под неё Плащ.

Его отцу... он принадлежал его отцу. Он позволил матери растечься по своим рукам, она была мягче шелка, лёгкая, как воздух. В письме говорилось — используй его с умом.

И сейчас он должен попробовать. Он слез с кровати и закутался в Плащ. Посмотрев на свои ноги, он увидел лишь лунный свет и тени. Ощущение было очень странным.

Используй его с умом.

Внезапно Гарри ощутил бодрость. Весь Хогвартс был открыт для него с этим Плащом. Волнение охватило его, пока он стоял посреди темноты и молчания. В нём он мог пойти куда угодно, и Филч никогда бы не узнал.

Рон что-то забормотал во сне. Должен ли Гарри разбудить его? Что-то остановило его... Это был Плащ его отца... и он почувствовал, что в этот раз — в первый раз, — он хотел воспользоваться им один.

Он вышел из спальни, спустился по лестнице, прошёл по гостиной и пролез через дыру с портретом.

— Кто здесь? — завизжала Толстая Дама. Гарри ничего не сказал. Он быстро пошел дальше по коридору.

Куда ему пойти? Он остановился и задумался, сердце его колотилось. А затем он понял. Запретная Секция в библиотеке. Он сможет читать так долго, как ему захочется; достаточно долго, чтобы выяснить, кто же такой Фламель. Он отправился в путь, по дороге закутываясь в Плащ-Невидимку.

В библиотеке было совершенно темно и очень жутко. Гарри зажёл лампу, чтобы видеть, куда идти вдоль книжных рядов. Казалось, лампа парила рядом

в воздухе, и хотя Гарри мог чувствовать, как держит её в руке, от этого зрелища у него по спине бегали мурашки.

Запретная секция была в дальнем конце библиотеки. Осторожно переступив через веревку, которая отделяла эти книги от остальной библиотеки, он приподнял лампу, чтобы прочесть названия.

Они ни о чём ему не говорили. Их отслаивающиеся, поблекшие золотые буквы составляли слова на языках, которые Гарри не мог понять. На некоторых вообще не было названий. На одной из книг было тёмное пятно, ужасно похожее на кровь. Волосы на затылке у Гарри зашевелились. Может быть, ему почудилось, а может — нет, но он подумал, что от книг доносился слабый шёпот, как будто они знали, что здесь был кто-то, кого быть не должно.

Он должен был с чего-нибудь начать. Осторожно поставив лампу на пол, он осмотрел нижнюю полку в поисках необычно выглядящих книг. Большой том в чёрных и серебристых тонах привлек его внимание. Он вынул его с трудом, поскольку тот был очень тяжёлый, и, едва удерживая книгу на коленке, раскрыл её.

Пронзительный, леденящий кровь визг разорвал тишину — книга кричала! Гарри захлопнул её, но крик продолжался на одной резкой, непрерывной, оглушительной ноте. Он попятился назад и, споткнувшись, сбил лампу, которая сразу же погасла. В панике он услышал шаги в коридоре — запихнув вопящую книгу назад на полку, он бросился прочь со всех ног. Он миновал Филча в дверном проёме; тусклые, дикие глаза Филча смотрели прямо сквозь него, и Гарри проскользнул под его вытянутой рукой и выбежал в коридор, вопли книги всё ещё звучали у него в ушах.

Внезапно он остановился возле высоких рыцарских доспехов. Его мысли были настолько заняты бегством подальше от библиотеки, что он совсем не смотрел, куда бежит. Может быть, из-за темноты он совсем не узнал то место, в котором оказался. Насколько он помнил, рыцарские доспехи были возле кухни, но сейчас он должен был находиться пятью этажами выше.

— Вы говорили мне приходить прямо к вам, профессор, если кто-нибудь будет блуждать по школе ночью, и сейчас кто-то был в Запретной Секции библиотеки.

Гарри почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Где бы он ни был, Филч определенно знал к этому месту короткий путь, потому что его приглушённый, мерзкий голос становился ближе. К ужасу Гарри, тем, кто ответил Филчу, оказался Снейп:

— Запретная Секция? Что ж, они не мог уйти далеко, мы их поймем.

Гарри стоял как вкопанный, пока Филч и Снейп выходили из-за угла впереди. Они не могли видеть его, но коридор был довольно узкий и, подойдя ближе, они могли наткнуться прямо на него... Плащ не делал Гарри бесплотным.

Он попятился назад так тихо, как только мог. Слева от него была приоткрытая дверь. Это была его единственная надежда. Он протиснулся в неё, затаив дыхание и стараясь не двигать ей, и к своему облегчению, сумел попасть внутрь комнаты так, что они ничего не заметили. Они прошли

мимо него, и Гарри прислонился к стене, глубоко дыша и прислушиваясь к их удаляющимся шагам. Он чуть было не попался. Прошло несколько секунд, прежде чем он обратил внимание на комнату, в которой спрятался.

Она выглядела, как неиспользуемый класс. Темные очертания парт и стульев громоздились возле стен, была перевернутая корзина для бумаг, — но прямо напротив стены, лицом к которой он стоял, было нечто, выглядывшее не принадлежащим этому месту, нечто, выглядывшее так, словно кто-то поставил это сюда лишь затем, чтобы оно не мешалось.

Это было великолепное зеркало, высотой до потолка, в богато украшенной позолоченной раме, стоящее на двух когтистых лапах. Сверху полукругом была вырезана надпись: "Яиналеж иовта оци леов тенюа выза копя". Теперь, когда не было слышно Филча и Снейпа, его паника улетучилась, и Гарри подошёл ближе к зеркалу, желая разглядеть себя, но вновь не увидев там отражения. Он встал прямо напротив него.

И ему пришлось закрыть рот рукой, чтобы удержаться от крика. Он резко повернулся. Его сердце застучало гораздо быстрее, чем когда книга издала вопль — потому что он увидел в зеркале не только себя, но ещё и целую толпу людей, стоявших прямо за ним.

Однако комната была пуста. Учащенно дыша, он медленно повернулся обратно к зеркалу.

Вот отражался он, бледный и испуганный, и вот отражались позади него ещё не меньше десятка других людей. Гарри оглянулся через плечо — но там никого не было. Или быть может, они все тоже невидимы? Может быть, на самом деле он сейчас в комнате, полной невидимых людей, и особенность зеркала как раз в том, что оно отражает их, вне зависимости, видимы они или нет?

Он снова посмотрел в зеркало. Женщина, стоявшая прямо позади его отражения, улыбалась ему и махала рукой. Он протянул руку и нащупал пустоту позади себя. Если бы она действительно была там, он бы прикоснулся к ней, настолько близко были их отражения. Но он чувствовал лишь воздух — она и все остальные существовали только в зеркале.

Это была очень красивая женщина. У неё были тёмно-рыжие волосы, и её глаза — её глаза в точности как мои, подумал Гарри, приближаясь понемногу все ближе к стеклу. Ярко-зелёные — той же самой формы, но он заметил, что она плакала; улыбалась, но и плакала в то же самое время. Высокий, худощавый, черноволосый мужчина, стоящий рядом, обнял её. Он носил очки, и его волосы были очень неопрятны. Они торчали на макушке, точно как у Гарри.

Гарри теперь был так близко к зеркалу, что почти касался носом своего отражения.

— Мама? — прошептал он. — Папа?

Они просто смотрели на него, улыбаясь. И Гарри медленно всмотрелся в лица других людей в зеркале и увидел другие пары зелёных глаз, напоминающие его собственные, другие носы, как у него, и даже маленького старика,

который выглядел так, словно у него были такие же, как у Гарри, острые коленки — Гарри сейчас смотрел на свою семью, первый раз в своей жизни.

Поттеры улыбались и махали Гарри, и он с жадностью всматривался в них, а его руки плотно прижимались к стеклу, словно он надеялся провалиться прямо сквозь него и добраться до них. Он чувствовал внутри сильнейшую боль — радость, и вместе с тем невообразимую печаль.

Он не знал, сколько он там простоял. Отражения не исчезали, и он все смотрел и смотрел на них, пока отдалённый шум не привел его назад в чувство. Он не мог остаться здесь, ему ещё нужно было найти обратный путь в спальню. Он с трудом отвёл глаза от лица своей мамы, и прошептал: «Я вернусь», — поспешил выйти из комнаты.

* * *

— Ты мог бы меня разбудить, — сердито сказал Рон.

— Ты можешь пойти со мной сегодня, я собираюсь вернуться. И я хочу показать тебе зеркало.

— Я бы хотел увидеть твоих родителей, — энергично отозвался Рон.

— А я хотел бы увидеть всю твою семью, всех Уизли. Ты сможешь показать мне своих остальных братьев и всех остальных.

— Ты можешь увидеть их в любое время, — сказал Рон. — Просто заезжай ко мне домой этим летом. В любом случае, может оказаться, что оно показывает только умерших людей. Хотя конечно, жаль, что ничего не удалось найти про Фламея. Слушай, поешь немного бекона или ещё чего, почему ты ничего не ешь?

Гарри не мог есть. Он видел своих родителей, и увидит их снова этой ночью. Он почти полностью забыл про Фламея. Это больше не казалось ему таким уж важным. Кого волнует, что там охраняет этот трёхглавый пёс? Какое имеет значение, даже если Снейп действительно это украдет?

— Ты в порядке? — спросил Рон. — Выглядишь очень странно.

* * *

Больше всего Гарри боялся, что не сможет снова найти комнату с зеркалом. Вместе с Роном, укрытые Плащом, они вынуждены были передвигаться гораздо медленнее по сравнению с прошлой ночью. Пытаясь восстановить путь Гарри от библиотеки, они блуждали по тёмным переходам почти час.

— Мне холодно, — сказал Рон. — Давай уже забудем про него и вернёмся.

— Нет! — зашипел Гарри, — Я знаю, что оно где-то здесь.

Они разминулись с призраком высокой ведьмы, плывущей в противоположном направлении, но никого больше не увидели. И как раз когда Рон начал жаловаться, что отморозил ноги, Гарри заметил доспехи.

— Это здесь... Прямо здесь... да!

Они открыли дверь. Гарри скинул Плащ со своих плеч и подбежал к зеркалу.

Они были там. Его мать и отец радостно ему улыбались.

— Видишь? — прошептал Гарри.

— Я ничего не вижу.

— Посмотри! Посмотри на них всех... их там целая толпа...

— Я вижу только тебя.

— Посмотри в него внимательно, давай, встань туда, где я.

Гарри шагнул в сторону, но теперь, когда напротив зеркала стоял Рон, он больше не мог увидеть свою семью — только Рона в его пижаме расцветки "пейсли".

Рон, однако, как пригвождённый уставился на свое изображение.

— Ты только посмотри на меня! — сказал он.

— Ты видишь всю свою семью, стоящую вокруг тебя?

— Нет — я один... Но я другой... я выгляжу старше... и я Староста!

— Что?

— Я... я ношу значок, как тот, что был у Билла... и я держу Кубок Школы и кубок по Квиддичу — я ещё и капитан команды!

Рон оторвал свои глаза от этого роскошного зрелища и взволнованно посмотрел на Гарри.

— Как ты думаешь, это зеркало показывает будущее?

— Как? Вся моя семья погибла... дай мне ещё на них посмотреть...

— Ты всю прошлую ночь тут был, дай мне ещё немного времени.

— Ты всего лишь держишь кубок по Квиддичу, что в этом может быть интересного? Я хочу видеть моих родителей.

— Не толкайся...

Неожиданный шум из коридора положил конец их дискуссии. Они и не представляли себе, насколько громко разговаривали.

— Быстро!

Рон накинул на них Плащ, как раз перед тем, как светящиеся глаза Миссис Норрис появились в комнате. Рон и Гарри стояли совершенно безмолвно, оба думая об одном и том же — действует ли Плащ на кошек? Постояв некоторое время, которое показалось им целым веком, она повернулась и ушла.

— Это небезопасно — она могла отправиться за Филчем. Я готов поспорить, что она слышала нас. Пошли!

И Рон потащил Гарри из комнаты.

* * *

На следующее утро снег всё ещё не растаял.

— Не хочешь сыграть в шахматы, Гарри? — спросил Рон.

— Нет.

— Тогда, может, спустимся и навестим Хагрида?

— Нет... ты иди...

— Я знаю, о чём ты думаешь, Гарри, всё о том зеркале. Не возвращайся к нему сегодня ночью.

— Почему нет?

— Я не знаю, у меня просто плохое предчувствие насчёт него — и в любом случае, ты уже слишком много раз рисковал. Филч, Снейп и Миссис Норрис рыщут кругом. Что с того, что они не могут видеть тебя? Что, если они натолкнутся на тебя? Что, если ты опрокинешь что-нибудь?

— Говоришь, как Гермиона.

— Я серьёзно, Гарри, не ходи.

Но у Гарри в голове была лишь одна мысль: вернуться к зеркалу и встать напротив него, и Рону его не остановить.

* * *

В третью ночь он нашёл путь гораздо быстрее, чем раньше. Он шёл настолько быстро, что сам понимал, что производит больше шума, чем следовало бы, но он никого не встретил.

И там снова были его родители, которые улыбались ему, и один из его дедушек радостно кивал. Гарри сел на пол напротив зеркала. Он собирался остаться тут на всю ночь, со своей семьей, и не было ничего, что могло бы его остановить. Совсем ничего.

Кроме...

— Итак... ты снова вернулся, Гарри?

Гарри почувствовал себя так, словно его внутренности вдруг обратились в лёд. Он оглянулся. На одной из парт у стены сидел никто иной, как Альбус Дамблдор. Должно быть, Гарри прошёл мимо него, так стремясь попасть к зеркалу, что не заметил его.

— Я... я не видел вас, сэр.

— Удивительно, каким близоруким ты становишься, когда невидим, — сказал Дамблдор, и Гарри с облегчением увидел, что он улыбается.

— Итак, — сказал Дамблдор, слезая с парты и садясь на пол вместе с Гарри, — ты, как и сотни других до тебя, открыл очарование Зеркала Ииналеж.

— Я не знал, что оно так называется, сэр.

— Но я надеюсь, ты уже понял к этому моменту, что оно делает?

— Оно... ну... оно показывает мне мою семью.

— И оно показало твоему другу Рону его самого, как Старосту.

— Но как вы узнали?..

— Мне не нужен Плащ, чтобы стать невидимым, — мягко сказал Дамблдор, — может быть, теперь ты понимаешь, что показывает нам зеркало?

Гарри покачал головой.

— Давай я объясню. Самый счастливый человек на земле мог бы использовать Зеркало Ииналеж как обыкновенное зеркало, то есть, он бы смотрел в него и видел себя именно таким, каков он есть. Это тебе поможет?

Гарри подумал. Затем он сказал медленно:

— Оно показывает нам то, чего мы хотим... чего бы мы ни хотели...

— И да, и нет, — тихо ответил Дамблдор. — Оно показывает нам ни больше и ни меньше, чем глубочайшее, самое отчаянное желание наших сердец. Ты, никогда не знавший свою семью, видишь её стоящей вокруг себя. Рональд Уизли, который всегда был в тени своих братьев, видит себя самого, стоящего в одиночку, как лучшего из них всех. Однако, это зеркало не дает нам ни знания, ни правды. Люди чахли перед ним, околдованные тем, что видели. Или же они сходили с ума, не зная, реально ли или хотя бы возможно то, что показывает зеркало.

— Завтра зеркало переедет в новый дом, Гарри, и я прошу тебя не искать его снова. И если оно ещё когда-нибудь тебе встретится, теперь ты будешь готов. Нельзя кормиться мечтами и забывать о настоящей жизни, помни это. А теперь, почему бы тебе не надеть снова тот замечательный Плащ и не вернуться в постель?

Гарри встал.

— Сэр... профессор Дамблдор? Могу я спросить вас кое о чём?

— Очевидно, ты только что это и сделал, — улыбнулся Дамблдор. — Однако, можешь спросить у меня ещё одну вещь.

— Что вы видите, когда смотрите в зеркало?

— Я? Я вижу в своей руке пару толстых шерстяных носков.

Гарри уставился на него.

— Носков много не бывает, — сказал Дамблдор, — ещё одно Рождество пришло и ушло, и я не получил ни одной пары. Люди всегда будут дарить мне книги.

И только когда Гарри снова оказался в постели, ему вдруг пришла в голову мысль, что Дамблдор, возможно, не был вполне искренен. С другой стороны, подумал он, спихивая Коросту со своей подушки, это был очень личный вопрос.

Глава тринадцатая. Николас Фламель

Дамблдор убедил Гарри не искать Зеркало Йиналеж снова, и поэтому остаток рождественских каникул Плащ-Невидимка пролежал свернутым на дне чемодана Гарри. Гарри хотел бы так же легко забыть то, что он видел в зеркале, но не мог. Ему начались сниться кошмары. В них он снова и снова видел своих родителей, исчезающих во вспышке зеленого света, и слышал холодный смех.

— Вот видишь, Дамблдор был прав, это зеркало могло свести тебя с ума, — произнес Рон, когда Гарри рассказал ему об этих снах.

Но Гермиона, которая вернулась за день до начала занятий, смотрела на вещи по-другому. Она разрывалась между ужасом от мысли, что Гарри три ночи подряд провел не в своей постели, а бродил по школе («А если бы Филч застукал тебя!»), и разочарованием, что он до сих пор не узнал, кто такой Николас Фламель.

Они почти потеряли надежду найти упоминание о Фламеле в одной из библиотечных книг, хотя Гарри был уверен, что уже где-то читал о нем. Как только начались занятия, они вернулись к поискам, и в течение десяти минут во время перерывов перелистывали все книги. А у Гарри, из-за опять начавшихся тренировок по Квиддичу, свободного времени было меньше, чем у остальных.

Вуд заставлял команду тренироваться еще больше, чем раньше. Даже бесконечный дождь, пришедший на смену снегу, не мог остудить его пыл. Братья Уизли жаловались, что Вуд становится фанатиком, но Гарри был на его стороне. Если бы они выиграли в следующем матче против Хаффлпаффа, то обошли бы слизеринцев в Кубке Школы впервые за семь лет. Но Гарри тренировался не только из-за того, что хотел победить, он вдруг обнаружил, что из-за сильной усталости после тренировок кошмары снились ему реже.

Во время одной из тренировок, когда дождь шел особенно сильно, Вуд поделился с командой плохими новостями. Он жутко разозлился на близнецов Уизли из-за того, что они дурачились, изображая столкновение, и делали вид, что падают с метел.

— Вы когда-нибудь прекратите дурачиться? — завопил он. — Вот из-за таких выходов мы можем проиграть матч! В этот раз судьёй будет Снейп, и он отыщет любой повод, чтобы снять очки с Гриффиндора!

Джорж Уизли, услышав такое, действительно упал со своей метлы.

— Снейп — судья? — пробормотал он, с набитым грязью ртом. — Он ведь в жизни не судил не одного матча по Квиддичу. А учитывая тот факт, что мы можем обыграть Слизерин, судить честно он не собирается.

Остальная часть команды приземлилась рядом с Джорджем, и они тоже начали выражать свое недовольство.

— Это не моя вина, — сказал Вуд. — Теперь мы просто обязаны играть без нарушений, чтобы у Снейпа не было повода для придирок.

Все это было конечно правильно, думал Гарри, но у него была и другая причина, по которой он не хотел, чтобы Снейп находился по близости с ним во время матча...

Остальная часть команды, как обычно, задержалась, чтобы поболтать, но Гарри поспешил назад в гостиную Гриффиндора, где застал Рона и Гермиону за партией в шахматы. Это было единственным, что не получалось у Гермионы, поэтому Гарри и Рон считали, что это для неё очень полезно.

— Погоди немного, — сказал Рон, когда Гарри сел рядом с ним. — Мне нужно соредото... — Он посмотрел на Гарри. — В чем дело? Ты выглядишь ужасно.

Говоря очень тихо так, чтобы никто больше не услышал, Гарри, рассказал друзьям о внезапном, зловещем желании Снейпа быть судьей матча.

— Не играй, — сразу же заявила Гермиона.

— Скажи, что заболел, — добавил Рон.

— Притворись, что сломал ногу, — предложила Гермиона.

— Сломай ее на самом деле, — сказал Рон.

— Я не могу, — ответил Гарри. — Запасного Ловца нет. Если я отступлюсь, Гриффиндор не сможет играть вообще.

В этот момент Невилл ввалился в гостиную. Было непонятно, как он сумел пробраться через проем за портретом, потому что его ноги были склеены Заклятием Связывания Ног. Должно быть, ему пришлось прыгать всю дорогу до башни Гриффиндора.

Все попадали со смеху, кроме Гермионы, которая подскочила к Невиллу и расколдовала его. Ноги Невилла тут же разъехались в разные стороны, и он, дрожа, поднялся с пола.

— Что случилось? — спросила Гермиона, подводя его к Гарри и Рону.

— Малфой, — все еще дрожа, ответил Невилл. — Я встретил его около библиотеки. Он сказал, что ищет кого-нибудь, на ком он мог бы попрактиковаться.

— Иди к профессору МакГонагалл! — посоветовала Невиллу Гермиона. — Доложи на него!

Невилл замотал головой.

— Хватит с меня неприятностей, — пробормотал он.

— Но ты обязан постоять за себя, Невилл! — сказал Рон. — Он привык топтать людей, но это не повод, чтобы лечь перед ним самому и облегчить этим ему жизнь.

— Не надо объяснять мне, что я не достаточно храбр, чтобы учиться в Гриффиндоре, Малфой мне это уже доказал, — произнес Невилл, задыхаясь.

Гарри вытащил из кармана мантии Шоколадную Лягушку, последнюю из той коробки, которую Гермиона подарила ему на Рождество. Он протянул ее Невиллу, который выглядел так, словно вот-вот заплачет.

— Ты стоишь двенадцати Малфоев, — сказал Гарри. — Распределяющая Шляпа определила тебя в Гриффиндор, ведь так? А Малфоя куда? В вонючий Слизерин.

Невилл слабо улыбнулся, и развернул «Лягушку».

— Спасибо, Гарри... думаю, я пойду спать... Хочешь карточку? Ты ведь их собираешь, верно?

Когда Невилл ушел, Гарри посмотрел на карточку серии «Известные волшебники».

— Опять Дамблдор, — произнес он. — Он был первым, кто...

Он ахнул и уставился на обратную сторону карточки, а затем поднял глаза на Рона и Гермиону.

— Я нашел его! — прошептал он. — Я нашел Фламеля! Я же говорил вам, что где-то видел его имя прежде, я прочитал о нем в поезде до Хогвартса — вот послушайте: «Профессор Дамблдор особенно известен благодаря своей победе над темным волшебником Гриндельвальдом в 1945 году, изобретению двенадцати способов использования драконьей крови, а также совместной работе с Николасом Фламелем в области алхимии!»!

Гермиона вскочила на ноги. Она еще не выглядела такой взволнованной, с тех пор как им объявили оценки за первые домашние работы.

— Оставайтесь здесь! — сказала она и убежала вверх по лестнице к спальням девочек. Гарри и Рон едва смогли обменяться удивленными взглядами, а Гермиона уже мчалась назад с огромной старой книгой в руках.

— Никогда бы не догадалась искать именно здесь, — прошептала она взволнованно. — Я взяла эту книгу из библиотеки несколько недель назад для лёгкого чтения.

— Лёгкого? — поразился Рон, но Гермиона попросила его помолчать, пока она не найдет кое-что, и начала лихорадочно переворачивать страницы, что-то бормоча себе под нос.

Наконец, она нашла то, что искала.

— Я так и знала! Я знала!

— Нам уже можно говорить? — раздраженно поинтересовался Рон. Но Гермиона проигнорировала его вопрос.

— Николас Фламель, — прочитала она с выражением, — является единственным известным создателем Философского Камня.

Эти слова не произвели такого эффекта, на который рассчитывала Гермиона.

— Кем? — переспросили Гарри и Рон.

— Да ладно, вы что, не читаете? Вот — прочтите-ка это.

Она пододвинула книгу к Гарри и Рону.

«Древняя наука алхимия занималась созданием Философского Камня, легендарной субстанции с удивительными свойствами. Камень превращает любой металл в чистое золото. Из него также можно изготовить Эликсир Жизни, который делает бессмертным того, кто его выпьет.

В течение многих столетий о Философском Камне было много упоминаний, но единственный существующий в наше время Камень принадлежит мистеру Николасу Фламелью, известному алхимику и любителю оперы. Мистер Фламель, который отпраздновал свой шестьсот шестьдесят пятый день рождения в прошлом году, наслаждается тихой жизнью в Девоне со своей женой Перенеллой (шестьсот пятьдесят восемь лет).»

— Ясно? — спросила Гермиона, когда Гарри и Рон закончили чтение. — Пес наверняка охраняет Философский Камень Фламеля! Держу пари, что он попросил своего друга Дамблдора спрятать его, потому что каким-то образом знал, что кто-то охотится за ним. Поэтому они хотели, чтобы Камень забрали из Гринготтса!

— Камень, который все превращает в золото и останавливает смерть! — воскликнул Гарри. — Неудивительно, что Снейп охотится за ним! Любой бы захотел иметь такой камень.

— Неудивительно и то, что мы не могли найти имя Фламеля в "Изучении Недавних Разработок в Области Чародейства", — сказал Рон. — Он не такой уж и недавний, раз ему стукнуло шестьсот шестьдесят пять.

Следующим утром на Зашите от Тёмных Искусств, переписывая различные способы лечения от укусов оборотня, Гарри и Рон все еще обсуждали то, что они сделали бы с Философским Камнем, если бы он попал к ним в руки. И в тот момент, когда Рон рассказывал, что купил бы себе собственную команду по Квиддичу, Гарри вдруг вспомнил о Снейпе и предстоящем матче.

— Я собираюсь играть, — сказал он Рону и Гермионе. — Если я не появлюсь на поле, то весь Слизерин будет думать, что я боюсь Снейпа. Я им покажу... если мы выиграем, это сотрет с их лиц улыбки.

— Если, конечно, нам не придется соскребать тебя с поля, — добавила Гермиона.

* * *

По мере приближения матча Гарри нервничал все больше и больше, что бы он ни говорил Рону и Гермионе. Остальная часть команды тоже была не слишком спокойна. Идея победить Слизерин в борьбе за Кубок Школы была, конечно, замечательной, ведь в течение семи лет это никому не удавалось, но смогут ли они это сделать с таким предвзятым судьёй?

Гарри не знал, кажется это ему или нет, но он сталкиваться со Снейпом везде, куда бы ни пошел. Время от времени, он даже задавался вопросом, не следит ли Снейп за ним, чтобы подловить его в одиночку. Еженедельные занятия по Зельям превратились в своего рода пытку, Снейп ужасно вел себя по отношению к Гарри. Неужели он догадался, что они узнали о Философском Камне? Но Гарри понимал, что это невозможно... и все же, иногда у него возникало ужасное чувство, что Снейп умеет читать мысли.

* * *

Гарри знал, что на следующее утро, желая ему удачи возле раздевалки, Рон и Гермиона, думали о том, увидят ли они еще его живым или нет. И это не внушало спокойствия. Натягивая на себя форму и беря в руки свой «Нимбус-2000», Гарри даже пропустил мимо ушей почти всю наставительную речь Вуда.

Рон и Гермиона, тем временем, нашли место на трибуне рядом с Невиллом, который никак не мог понять, почему они выглядят такими мрачными и взволнованными, и зачем принесли на игру волшебные палочки. Гарри не догадывался о том, что Рон и Гермиона тайком практиковали Заклятие Связывания Ног. Они позаимствовали эту идею у Малфоя, который использовал его на Невилле, и теперь были готовы наслать заклинание на Снейпа, если он попытается причинить вред Гарри.

— И постарайся его не забыть — Локомотор Мортис, — пробормотала Гермиона, когда Рон убрал свою палочку в рукав.

— Я знаю, — огрызнулся Рон. — Не ворчи.

Тем временем в раздевалке, Вуд подошел к Гарри и отвел его в сторону.

— Не хочу давить на тебя Поттер, но сегодня нам как никогда нужно, чтобы мы поймали Снитч как можно раньше. Закончи игру прежде, чем Снейп сильно разойдётся, подсуживая Хаффлпаффу.

— Там собралась вся школа! — сказал Фред Уизли, выглядывая из двери. — Даже — вот это да — сам Дамблдор пришел посмотреть!

Сердце Гарри ёкнуло.

— Дамблдор? — переспросил он, помчавшись к двери, чтобы самому удостовериться. Фред был прав. На трибуне он отчетливо увидел серебряную бороду.

Гарри хотелось рассмеяться во весь голос — какое облегчение. Он был в безопасности. Снейп просто не посмеет причинить ему вред в присутствии Дамблдора.

Возможно поэтому, когда команды вышли на поле, Снейп выглядел очень сердитым, то же самое заметил и Рон.

— Я никогда не видел Снейпа таким озлобленным, — сказал он Гермионе. — Смотри они вышли! Ой!

Кто-то ударил Рона по затылку. Это был Малфой.

— Ой, прости, Уизли, я тебя не заметил.

Малфой ухмыльнулся своим друзьям Крэббу и Гойлу.

— Интересно, как долго Поттер продержится на метле на сей раз? Может сделаем ставки? А, Уизли?

Рон не ответил; Снейп только что присудил пенальти в пользу Хаффлапфа, из-за того что Джордж Уизли отбил Бладжер в его направлении. Гермиона, скрестив все пальцы на руках и положив руки на колени, не сводила глаз с Гарри, который кружил над полем как ястреб и искал Снитч.

— А я, кажется, знаю, по какому принципу набирают команду Гриффиндора по Квиддичу, — громко сказал Малфой несколько минут спустя, в то время как Снейп снова назначил пенальти в пользу Хаффлапфа безо всякой причины. — Это люди, к которым чувствуют жалость. Возьмем Поттера, у него нет родителей, а у Уизли нет денег. Ты тоже должен быть в команде, Лонгботтом — у тебя нет мозгов.

Невилл густо покраснел и повернулся к Малфой.

— Я стою двенадцати таких, как ты, — сказал он, запинаясь.

Малфой, Крэбб и Гойл покатались от смеха, но Рон, все еще не осмеливаясь оторвать взгляд от игры, произнес:

— Разберись с ним сам, Невилл.

— Лонгботтом, если бы твои мозги были золотыми, то ты бы был намного беднее Уизли, а это о чем-то говорит.

Рон так волновался за Гарри, что его нервы были напряжены до предела.

— Я предупреждаю тебя, Малфой, еще одно слово...

— Рон! — внезапно закричала Гермиона. — Гарри...

— Что? Где?

Гарри внезапно вошел в эффектную пике, которое толпа встретила воплями и аплодисментами. Гермиона поднялась с места, засунув скрещенные пальцы в рот, в то время как Гарри пулей понесся к земле.

— Тебе повезло, Уизли, очевидно Поттер заметил несколько монет на земле! — сказал Малфой.

Рон не выдержал. Прежде, чем Малфой понял, что случилось, Рон уже сидел на нем верхом, придавливая к земле. Невилл немного колебался, но затем поспешил на помощь и перелез через сидения на задний ряд.

— Давай, Гарри! — кричала Гермиона, запрыгивая на сидение, чтобы лучше видеть, как Гарри с огромной скоростью летит прямо на Снейпа, и даже не заметила, что прямо под её сидением катались по полу Малфой и Рон, или тех криков, которые исходили от дерущихся Невилла, Крэбба и Гойла.

В это время высоко в небе, Снейп вовремя развернул свою метлу, в последний момент заметив, как что-то алое пронеслось в нескольких дюймах от него, а в следующую секунду Гарри вышел из пике, победно подняв руку над головой, в которой был зажат Снитч.

Трибуны взорвались аплодисментами, это был рекорд, никто еще не видел, чтобы Снитч поймали так быстро.

— Рон! Рон! Где ты? Игра закончилась! Гарри победил! Мы победили! Гриффиндор вышел на первое место! — вопила Гермиона, прыгая и обнимая Парвати Патил, сидевшую перед ней.

Гарри спрыгнул с метлы в футе от земли. Он все еще не мог поверить в случившееся. Ему удалось — игра была закончена; она длилась всего лишь пять минут. Все Гриффиндорцы высыпали на поле, и Гарри увидел, что Снейп тоже приземлился рядом, лицо у него было бледным, а губы крепко сжались. Вдруг Гарри почувствовал чью-то руку на своем плече, он поднял глаза и увидел улыбающееся лицо Дамблдора.

— Ты молодец, — тихо сказал Дамблдор, чтобы его мог услышать только Гарри. Рад, что ты не переживаешь по поводу зеркала... и продолжаешь упорно трудиться... превосходно...

Снейп в ярости сплюнул на землю.

* * *

Некоторое время спустя, Гарри вышел из раздевалки и направился в сарай для метел, чтобы отнести туда свой «Нимбус-2000». Он не мог припомнить, чтобы еще когда-нибудь был таким счастливым. Он действительно совершил то, чем можно было бы гордиться — и теперь никто не мог сказать, что Гарри Поттер — просто известное имя. Вечерний воздух никогда не пах так сладко. Он шел по мокрой траве, прокручивая в голове самые счастливые моменты прошедшего часа: вот Гриффиндорцы подбегают, чтобы поднять его себе на плечи; а вдалеке Рон и Гермиона прыгают от радости, Рон хлопает в ладоши, и из носа у него течет кровь.

Гарри подошел к сараю. Он прислонился к деревянной двери и взглянул на Хогвартс: его окна отсвечивали красным в лучах заходящего солнца. Гриффиндор победил. Он сделал это, он показал Снейпу...

И кстати о Снейпе...

Темная фигура, голова которой была покрыта капюшоном, стремительно спустилась по лестнице. Не желая быть замеченной, она быстро направилась к запретному лесу. Мысли о победе вылетели у Гарри из головы. Он сразу

узнал эту крадущуюся походку. Снейп пробирался в лес, в то время как все остальные были на обеде — что это значит?

Гарри опять вскочил на «Нимбус-2000» и взлетел. Тихо скользя над замком, он увидел, как Снейп вошел в лес, и тут же последовал за ним.

Но деревья были настолько толстыми, что он не мог видеть, куда Снейп отправился дальше. Гарри кружил все ниже и ниже, задевая верхушки деревьев, пока не услышал голоса. Он полетел на них и бесшумно опустился на ветку дерева. Пробираясь через ветви и крепко сжимая свою метлу, Гарри пытался хоть что-то разглядеть через листья. Ниже, на темной опушке стоял Снейп, но он был не один. С ним стоял Квиррелл. Гарри не было видно его лица, но он почему-то заикался больше чем обычно. Гарри напряг слух, чтобы понять, о чем они говорили.

— ...н-н-не п-п-понимаю, почему ты за-а-хотел, встретиться именно з-з-здесь, Северус...

— О, я хотел переговорить с тобой с глазу на глаз, — раздался ледяной голос Снейпа. — Ученики не должны узнать о Философском Камне.

Гарри наклонился вперед. Квиррелл пробормотал что-то невнятное. Снейп прервал его.

— Ты узнал, как пройти мимо зверя Хагрида?

— Н-н-но, Северус, я, я...

— Ты ведь не хочешь, чтобы я стал твоим врагом, Квиррелл? — произнес Снейп, приближаясь к нему.

— Я, я не знаю, что ты...

— Ты отлично знаешь, что я имею в виду.

Тут громко закричала сова, и Гарри чуть не свалился с дерева, но все-таки сохранил равновесие и продолжил слушать разговор:

— ...твои маленькие фокусы. Я жду.

— Н-н-но я н-не...

— Замечательно, — отрезал Снейп. — Скоро мы снова встретимся. У тебя будет время все обдумать и решить, на чьей ты стороне.

Снейп надел капюшон и зашагал прочь с опушки. Теперь почти стемнело, но Гарри все же мог разглядеть Квиррелла, который стоял посреди поляны совершенно неподвижно, будто окаменев.

* * *

— Гарри, где ты был? — запищала Гермиона.

— Мы победили! Ты победил! Мы победили! — кричал Рон, хлопая Гарри по спине. — Я подбил Малфоя глаз, а Невилл в одиночку набросился на Крэбба и Гойла! Он всё ещё без сознания, но мадам Помфри говорит, что он

поправится... здорово мы показали Слизерину! Все ждут тебя в гостиной, у нас там вечеринка, Фред и Джордж украли с кухни несколько пирогов и разных вкусовностей.

— Сейчас это не важно, — тяжело дыша, сказал Гарри. — Давайте найдем пустой кабинет, мне нужно кое-что вам рассказать.

Прежде чем закрыть за собой дверь, Гарри удостоверился, что внутри комнаты нет Пивза, а затем начал рассказывать друзьям о том, что увидел и услышал.

— Значит, мы были правы — там Философский Камень, и Снейп пытается заставить Квиррелла помочь ему завладеть камнем. Он спрашивал, знает ли Квиррелл, как пройти мимо Пушка, также он упомянул о каких-то «фокусах»... Я так полагаю, что Камень охраняет не только Пушок, а еще и множество заклинаний, и скорее всего Квиррелл наложил несколько таких заклятий против Темных сил, через которые понадобилось пройти Снейпу.

— То есть, ты хочешь сказать, что Камень будет в безопасности только до тех пор, пока Квиррелл сможет противостоять Снейпу, — встревожено произнесла Гермиона.

— Его украдут в этот же вторник, — сказал Рон.

Глава четырнадцатая. Норвежский Гребнеспин Норберт Квиррелл, судя по всему, оказался всё же храбрее, чем они думали. В последующие недели он ещё больше побледнел и похудел, но сломленным, тем не менее, не выглядел.

Каждый раз, проходя по коридору третьего этажа, Гарри, Рон и Гермиона прикладывали уши к двери, чтобы услышать рычание Пушка. Да и Снейп пребывал в обычном для него плохом расположении духа, подтверждая таким образом, что Камень пока ещё в безопасности. Теперь встречая Квиррелла, Гарри ободряюще ему улыбался, а Рон делал замечания тем, кто смеялся над заиканием профессора.

Гермиона, однако, думала не только о Философском Камне. Она начала составлять расписание подготовки к экзаменам, помечая записи разными цветами. Гарри с Роном не возражали бы, но она всё время пилила их, уговаривая сделать то же самое.

— Гермиона, до экзаменов ещё целая вечность.

— Десять недель, — отрезала Гермиона. — И это не вечность. А для Николаса Фламеля, например, это вообще как одна секунда.

— Ну, нам все-таки не по шестьсот лет, — напомнил ей Рон. — Да и как бы там ни было, тебе-то зачем готовиться, ты ведь и так всё знаешь на отлично.

— Зачем мне готовиться? Ты с ума сошёл? Ты хоть понимаешь, что без этих экзаменов мы не перейдем на второй курс? Это очень важно, мне нужно было начать подготовку ещё месяц назад, сама не понимаю, что это на меня нашло...

К сожалению, ход мыслей учителей, похоже, совпадал с ходом мыслей Гермионы. Они назадавали им столько домашних заданий, что пасхальные каникулы были совсем не такими веселыми, как рождественские. Да и как тут расслабиться, когда Гермиона рядом повторяет вслух двенадцать способов использования драконьей крови или отрабатывает движения палочкой. Ворча и зевая, Гарри с Роном тратили большую часть своего свободного времени, просиживая вместе с ней в библиотеке и пытаясь выполнить все, что на них навалилось.

— Нет, я этого никогда не zapomню, — не выдержал наконец Рон, отшвырнув перо, и с тоской посмотрел в окно библиотеки. Там стоял действительно чудесный день, впервые за последние несколько месяцев. Небо было чистым и голубым, словно незабудка, а в воздухе появилось ощущение приближающегося лета.

Гарри, искавший «Ясенец» в «Тысяче магических растений и грибов», не поднимал голову до тех пор, пока не услышал восклицание Рона:

— Хагрид! Ты что делаешь в библиотеке?

Шаркая ногами, Хагрид подошел к ним, пряча что-то за спиной. В своем кротовом пальто он явно не вписывался в окружающую обстановку.

— Да так, посмотреть зашел, — сказал он таким неестественным голосом, что все сразу навострили уши. — А вы тут чем занимаетесь? — Он вдруг посмотрел с подозрением. — Надеюсь, не про Николаса Фламель ищете, а?

— А, да мы уже давно поняли, кто он такой, — гордо ответил Рон. — И даже знаем, что охраняет эта псина — Философский Ка...

— Шшш! — Хагрид быстро оглянулся, проверяя, не подслушивает ли кто. — Нечего про это орать. Совсем того?

— Собственно говоря, мы хотели тебя кое о чем спросить, — сказал Гарри. — Кроме Пушка, у Камня есть ещё защита?...

— Шшшш! — снова зашипел Хагрид. — Слушайте, загляните ко мне попозже. Не обещаю, что что-либо вам расскажу, но по-любому, не стоит болтать об этом здесь, ученикам об этом знать вовсе необязательно. Да и подумают ещё, что это я вам обо всем рассказал...

— Договорились, увидимся позже, — согласился Гарри.

Продолжая шаркать ногами, Хагрид удалился.

— Интересно, что он прячет за спиной? — задумчиво произнесла Гермиона.

— Думаешь, это как-то связано с Камнем?

— Пойду посмотрю, в какой секции он был, — предложил Рон, готовый уже на все, лишь бы не работать. Через минуту он вернулся со стопкой книг в руках и грохнул их на стол.

— Драконы! — прошептал он. — Хагрид искал информацию о драконах! Гляньте сюда: «Виды драконов Великобритании и Ирландии», «От яйца к преисподней. Руководство по уходу за драконами».

— Хагрид всегда мечтал о драконе, он мне рассказывал об этом в нашу первую встречу, — вспомнил Гарри.

— Но это противозаконно, — сказал Рон. — Разведение драконов было запрещено Конвенцией Магов 1709 года, это все знают. Трудно быть незаметными для магглов с драконами во дворе. А кроме того, драконов нельзя приручить, потому что они очень опасны. Видели бы вы, какие ожоги получил Чарли от диких драконов в Румынии.

— Но в Британии ведь нет диких драконов? — спросил Гарри.

— Конечно есть, — ответил Рон. — Зеленый валлийский обыкновенный и чёрный гебридский. Между нами говоря, Министерству Магии приходится потрудиться, чтобы их скрыть. На магглов, повстречавших дракона, приходится накладывать специальные заклинания, чтобы они обо всем забыли.

— Что же задумал Хагрид? — сказала Гермиона.

* * *

Когда часом позже они постучались в хижину егеря, то были удивлены, обнаружив, что все окна зашторены. Прежде чем впустить их, Хагрид поинтересовался, кто там, после чего быстро закрыл за ними дверь.

Внутри было безумно жарко. Несмотря на то, что снаружи стоял теплый день, в камине горел огонь. Хагрид приготовил им чай и предложил сэндвичи с мясом горноста, от которых они благодарно отказались.

— Итак... чего-то хотели узнать?

— Да, — сказал Гарри, не видя никаких причин ходить вокруг да около. — Мы хотели спросить, не можешь ли ты рассказать нам, какая ещё защита есть у Философского Камня, кроме Пушка.

Хагрид хмуро посмотрел на него.

— Не могу, конечно, — сказал он. — Во-первых, я и сам не знаю. А во-вторых, вы уже и так слишком много знаете, так что даже если бы и мог, то не рассказал бы. Этот камень здесь не просто так. Его чуть было не украли из Гринготтса — вы уже наверняка об этом догадались? Ума не приложу, как вы про Пушка-то пронюхали...

— Да ладно тебе, Хагрид, ты просто не хочешь нам рассказывать, но кому, как не тебе знать, что тут происходит, — нежно произнесла Гермиона, добавив в свой голос капельку лести. Борода Хагрида дрогнула, пряча улыбку. — Нам просто интересно, кто создал эту защиту, вот и все.

После чего Гермиона продолжила:

— Ну, и интересно же, кому ещё Дамблдор так доверяет, кроме тебя.

При последних словах Хагрид гордо выпятил грудь. Гарри и Рон улыбнулись Гермионе.

— Ладно, думаю никому от этого вреда не будет, если скажу... тут такие дела... он одолжил Пушка у меня... потом кое-какие учителя наложили заклятья... Профессор Спраут... Профессор Флитвик... Профессор МакГонагалл... — начал перечислять Хагрид, загибая пальцы. — Профессор Квиррелл... ну и Дамблдор кое-чего добавил, разумеется. Черт, кого-то я пропустил... Ах да, профессор Снейп.

— Снейп?

— Ага... вы что, опять за старое? Да поймите вы, наконец, Снейп помог защитить Камень и совершенно не собирается его красть.

Гарри знал, что Рон и Гермиона думают о том же, что и он. Если Снейп принимал участие в защите Камня, то мог легко выяснить, какую защиту наложили другие учителя. Скорее всего, он знал все... за исключением, похоже, заклятия Квиррелла и способа обойти Пушка.

— Но ведь только ты знаешь, как пройти мимо Пушка, правда, Хагрид? — тревожно спросил Гарри. — И ты ведь никому не расскажешь, верно? Даже учителям?

— Этого ни одна душа не знает, кроме меня и Дамблдора, — гордо ответил Хагрид.

— Ну, это уже кое-что, — тихо сказал Гарри остальным. — Хагрид, а нельзя открыть окно? Ещё немного, и я сварюсь.

— Не могу, Гарри, извини, — ответил Хагрид. Гарри заметил его быстрый взгляд на огонь и тоже посмотрел туда.

— Хагрид... что это?

Но он уже знал, что это. В самой середине огня, под висющим чайником, лежало огромное черное яйцо.

— А, — сказал Хагрид, нервно почесав бороду. — Ну, это...

— Где ты его взял, Хагрид? — воскликнул Рон, наклоняясь к огню, чтобы рассмотреть яйцо поближе. — Оно, должно быть, стоило тебе целое состояние.

— Выиграл, — сказал Хагрид. — Вчера вечером. Спустился в деревню пропустить пару стаканчиков и сыграл в карты с каким-то чужаком. Честно говоря, он, похоже, даже был рад избавиться от него.

— Но что ты будешь с ним делать, когда он вылупится? — поинтересовалась Гермиона.

— Ну, я тут почитал кой-чего, — сказал Хагрид, вытаскивая из стопки большой фолиант. — Взял в библиотеке... «Разведение драконов для удовольствия и прибыли»... немного устарела, конечно, но самое главное —

есть. Нужно держать яйцо на огне, потому что мамаша ихняя дышит на них, понимаешь, а когда он вылупится, то каждый полчаса нужно давать ему ковшик бренди пополам с цыплячьей кровью. А ещё тут есть... как распознавать разные яйца... вот... и получается, что это Норвежский Гребнеспин. Редкая порода, понимаешь.

Он явно был очень доволен собой, но Гермиона его чувств не разделяла.

— Хагрид, ты живешь в деревянном доме, — предупредила она.

Но Хагрид не хотел ничего слушать. Весело мурлыкая, он поправил огонь.
* * *

В общем, теперь у них появилась ещё одна причина для волнений: что может случиться с Хагридом, если кто-нибудь узнает, что он нелегально прячет дракона в своей избушке.

— Интересно, что такое спокойная жизнь, — вздохнул Рон, вечер за вечером просиживая с остальными за дополнительными домашними заданиями. Гермиона начала составлять план занятий и для Гарри с Роном. И это сводило их с ума.

И вот, как-то за завтраком Хедвига принесла Гарри ещё одну записку от Хагрида. В ней было всего два слова: «Он вылупляется».

Рон предложил пропустить Гербологию и напрямик отправиться в избушку, но Гермиона об этом и слышать не хотела.

— Гермиона, когда ещё нам доведется увидеть, как вылупляется дракон?

— Если мы не хотим лишних проблем, нам нельзя пропускать уроки. Хотя это всё и ерунда по сравнению проблемами Хагрида, если кто-нибудь узнает, чем он занимается...

— Заткнитесь! — прошептал Гарри.

Всего в нескольких футах от них остановился Малfoy и явно подслушивал. Но что он успел услышать? Гарри очень не понравилось выражение лица Малfoя.

Рон и Гермиона спорили всю дорогу на Гербологию, и в конце концов Гермиона согласилась сбежать всем вместе к Хагриду на перемене. Когда в конце урока на башне прозвенел колокол, все трое сразу бросили свои садовые принадлежности и рванули к окраине леса. Хагрид поприветствовал их, выглядя возбужденным и взволнованным.

— Уже почти выбрался, — поведал он, когда они зашли внутрь.

Яйцо лежало на столе, покрытое глубокими трещинами. Внутри что-то шевелилось, издавая смешные щелкающие звуки.

Они придвинули свои стулья к столу и, затаив дыхание, начали наблюдать.

Наконец, раздался скрежет, и яйцо раскрылось. На стол выпал маленький дракончик. По правде говоря, он не выглядел симпатичным, Гарри даже подумалось, что он похож на помятый черный зонтик. Его шипастые крылья

выглядели слишком большими по сравнению с тщедушным костлявым тельцем. Бугорчатую длинную морду с широкими ноздрями и оранжевыми глазами венчали пока ещё едва заметные рожки.

Он чихнул, из ноздрей вырвалось несколько искр.

— Ну разве он не красавец? — проворковал Хагрид и протянул руку, чтобы погладить дракончика по голове. Тот сразу цапнул его за пальцы, обнажив острые клыки.

— Ух ты, гляньте, он узнает свою мамочку! — восхитился Хагрид.

— Хагрид, — спросила Гермиона, — а как быстро растут Норвежские Гребнеспины?

Хагрид было собрался ответить, как вдруг краска сошла с его лица. Он вскочил на ноги и подбежал к окну.

— Что случилось?

— Кто-то подсматривал за занавесками... какой-то мальчишка... вон он, бежит к школе.

Гарри подлетел к двери и выглянул наружу. Даже на расстоянии не было никаких сомнений: дракона видел Малфой.

* * *

Всю следующую неделю Гарри, Рона и Гермиону нервировала ехидная улыбка на лице Малфоя. Они проводили большую часть своего свободного времени в темной избушке Хагрида, пытаясь его урезонить.

— Да просто отпусти его и всё, — настаивал Гарри. — На волю.

— Не могу, — отвечал Хагрид. — Он ещё слишком маленький, помрёт.

Они посмотрели на дракона. За неделю тот вырос в три раза. Из его ноздрей непрерывно струился дым. Хагрид уже не занимался своими лесничьими обязанностями, потому что дракон отнимал всё его время. По всему полу валялись куриные перья и пустые бутылки из-под бренди.

— Я решил назвать его Норбертом, — сказал Хагрид, глядя на дракона влюбленными глазами. — Он меня уже узнает, смотрите. Норберт! Норберт! А где мамочка?

— Совсем крышей поехал, — шепнул Рон на ухо Гарри.

— Хагрид, — громко позвал его Гарри, — через пару недель Норберт будет величиной с твой дом. Малфой может доложить Дамблдору в любой момент.

Хагрид закусил губу.

— Я... я знаю, что не могу оставить его навсегда, но и не могу просто взять и выбросить его, не могу.

Гарри вдруг повернулся к Рону.

— Чарли, — сказал он.

— У тебя что, тоже с головой плохо? — ответил Рон. — Я — Рон, забыл, что ли?

— Да нет... Чарли... твой брат, Чарли. В Румынии. Изучает драконов. Мы могли бы отправить Норберта к нему. Чарли сможет позаботиться о нем, а потом выпустить на волю!

— Классно! — кивнул Рон. — Как тебе, Хагрид?

В конце концов, Хагрид согласился, чтобы они послали сову к Чарли с вопросом.

* * *

Следующая неделя показалась бесконечной. В среду вечером, когда все уже давно отправились спать, Гермиона и Гарри сидели одни в гостиной. Часы на стене только что отбили полночь, когда дверь в портрете резко распахнулась. Словно ниоткуда возник Рон, стягивая с себя Плащ-Невидимку, принадлежавший Гарри. Он вернулся от Хагрида, помогая ему кормить Норберта, который теперь поедал дохлых крыс ящиками.

— Он укусил меня! — сказал он, показывая свою руку, обмотанную окровавленным платком. — Я теперь неделю не смогу держать перо. Я вам точно говорю, дракон — самое ужасное животное, которое я только встречал, а послушать, как Хагрид о нём говорит, так подумаешь что это маленький пушистый кролик. Когда он меня укусил, Хагрид поругался на меня за то, что я напугал дракона. А когда я уходил, он пел колыбельную.

В темное окно кто-то постучал.

— Это Хедвига! — воскликнул Гарри, впуская сову. — У нее ответ от Чарли!

Все трое склонили головы над письмом.
Дорогой Рон!

Как ты? Спасибо за письмо — я буду рад взять Норвежского Гребнеспина, но доставить его сюда будет непросто. Я думаю, лучше всего было бы переправить его с моими друзьями, которые собираются навестить меня на следующей неделе. Проблема только в том, чтобы их никто не поймал с нелегальным драконом.

Сможете ли вы притащить Гребнеспина на самую высокую башню в полночь субботы? Они могут встретить вас там и забрать его, пока темно.

Ответь как можно быстрее.

С любовью,

Чарли

Они переглянулись.

— У нас есть Плащ-Невидимка, — сказал Гарри. — Это не должно быть слишком сложно... я думаю, Плащ достаточно большой, чтобы скрыть двоих из нас и Норберта.

Тот факт, что Рон и Гермиона с ним согласились, означал, что прошедшая неделя была действительно тяжёлой. Всё что угодно, только бы избавиться от Норберта... и Малфоя.

Однако тут же возникла ещё одна проблема. На следующее утро укушенная рука Рона распухла, вдвое увеличившись в размерах. И он не знал, насколько рискованно обратиться к мадам Помфри, — а вдруг та опознает укус дракона? Впрочем, после полудня выбора уже не было. Укус стал отвратительно зеленого цвета, как будто у Норберта были ядовитые клыки.

Примчавшиеся в конце дня в лазарет Гарри и Гермиона обнаружили Рона в кровати в ужасном состоянии.

— Дело не только в моей руке, — прошептал он, — хотя и есть ощущение, что она скоро отвалится. Малфой сказал мадам Помфри, что хочет одолжить у меня книгу, но на самом деле пришел, чтобы поиздеваться надо мной. Всё угрожал, что расскажет ей о том, кто на самом деле меня укусил... я ей сказал, что это собака, но не думаю, что она мне поверила. Не нужно было его лупить на матче по Квиддичу, именно поэтому он всё это делает.

Гарри и Гермиона попытались успокоить Рона.

— В полночь субботы всё закончится, — сказала Гермиона, но Рона это совсем не утешило. Наоборот, мгновенно покрывшись потом, он резко сел в кровати.

— В полночь субботы! — хрипло повторил он. — О, нет, нет... я только что вспомнил... в книге, которую взял Малфой, лежало письмо Чарли. Он теперь наверняка знает, что мы собираемся отправить Норберта.

Ответить Гарри с Гермионой не успели — в этот момент вошла мадам Помфри и выставила их, заявив, что Рону необходимо поспать.

— Уже слишком поздно менять план, — сказал Гарри Гермионе. — У нас нет времени, чтобы послать Чарли ещё одну сову, и это наш единственный шанс избавиться от Норберта. Придется рискнуть. И у нас по-прежнему есть Плащ-Невидимка, о котором Малфой не знает.

Когда они пришли к Хагриду, чтобы рассказать о случившемся, то обнаружили Клыка, волкодава, сидящим снаружи с перебинтованным хвостом, а сам Хагрид для разговора открыл только окно.

— Вам не стоит заходить, — тяжело дышал он. — Норберт расшалился... ничего особенного, управлюсь.

Когда они рассказали ему о письме Чарли, его глаза наполнились слезами. Впрочем, возможно, это произошло из-за того, что Норберт укусил его за ногу.

— Аааа! Ничего, всё в порядке, сапог он не прокусит... играет просто... он же ещё всего-навсего ребёнок.

Ребёнок ударил хвостом в стену так, что стекла в окне задрожали. Гарри и Гермиона пошли обратно в замок с ощущением, что дождаться субботы будет нелегко.

Они бы, конечно, посочувствовали бы Хагриду, когда тому пришло время распрощаться с Норбертом, если бы так не волновались по поводу предстоящего дела. Стояла очень темная, облачная ночь, и они слегка припоздали к Хагриду, потому что пришлось ждать, пока Пивз, играющий в сквош в вестибюле, не уберётся оттуда. Хагрид уже упаковал Норберта в большой ящик.

— Я ему там в дорогу положил кучу крыс и немного бренди, — глухим голосом сказал Хагрид. — И ещё плюшевого мишку, чтобы он не заскучал.

Из ящика раздался звук, который подсказал Гарри, что плюшевый мишка только что лишился головы.

— Прощай, Норберт! — всхлипнул Хагрид, когда Гарри и Гермиона накрыли ящик Плащом-Невидимкой, после чего забрались под нее сами. — Mamочка тебя никогда не забудет!

Как им удалось дотащить ящик до замка, они и сами не поняли. До полуночи оставалось совсем немного, когда они подняли Норберта по мраморной лестнице в вестибюле и потащили дальше, по темным коридорам. Ещё одна лестница вверх, затем ещё... даже самая короткая дорога, вычисленная Гарри, не сильно упрощала работу.

— Ещё немного осталось! — тяжело дышал Гарри, когда они добрались до входа в самую высокую башню.

От неожиданного движения впереди, они чуть было не выронили ящик. Забыв о своей невидимости, они спрятались в тени, вглядываясь в темные очертания двух вцепившихся друг в друга людей в десяти футах перед ними. Наконец, зажглась лампа.

Профессор МакГонагалл в клетчатом халате и сеточкой на голове держала Малфоя за ухо.

— Вы будете наказаны! — возмутилась она. — И двадцать штрафных очков Слизерину! Шастать посреди ночи! Как вы посмели...

— Вы не понимаете, профессор. Сейчас сюда придет Поттер... с драконом!

— Что за вздор! Как вы смеете говорить такую чушь! Следуйте за мной, я хочу показать вас профессору Снейпу, Малfoy!

После этого крутая винтовая лестница, ведущая наверх, показалась сущей ерундой. Наконец, они вышли на холодный ночной воздух, сбросили Плащ и смогли отдышаться. Гермиона изобразила что-то вроде джиги.

— Малfoy получил наказание! Даже петть хочется!

— Не надо, — посоветовал ей Гарри.

Они ждали, посмеиваясь над Малфоем. В ящике возился Норберт. Минут через десять из темноты вынырнули четыре метлы.

Друзья Чарли оказались весёлыми ребятами. Они показали Гарри и Гермионе упряжь, которую надели на себя, чтобы нести Норберта между ними. Затем они помогли закрепить в ней ящик и обменялись рукопожатиями с Гарри и Гермионой, которые не забыли их поблагодарить.

Ящик с Норбертом уплывал всё дальше и дальше, пока не исчез из виду совсем.

Теперь, избавившись от Норберта, они спускались по спиральной лестнице налегке, и так же легко было на сердце. Дракона больше нет... Малфой наказан... что ещё нужно для счастья?

Ответ ожидал их у подножия лестницы. Как только они вышли в коридор, из темноты вдруг выплыло лицо Филча.

— Так, так, так... — прошептал он. — У нас проблемы.

Они забыли Плащ-Невидимку на крыше.
Глава пятнадцатая. Запретный Лес
Хуже и быть не могло.

Филч отвёл их вниз на первый этаж, в кабинет профессора МакГонагалл, где они сели и начали ждать, не говоря друг другу ни слова. Гермиона дрожала. Оправдания, алиби и самые дикие истории роились в голове Гарри, причём каждая последующая версия была более невнятная, чем предыдущая. На этот раз он не знал, как выпутаться из неприятностей. Их загнали в угол. Как они могли так сглупить и забыть Плащ? Теперь профессор МакГонагалл ни за что на свете не простит им пребывание вне спальни и блуждание по школе посреди ночи, не говоря уже о том, что они забрались на самую высокую астрономическую башню, в которую вход разрешён только во время занятий. А если ещё добавить сюда Норберта и Плащ-Невидимку, то тогда им смело можно идти паковать вещи.

Если Гарри думал, что хуже уже быть не может, то он ошибался. Профессор МакГонагалл вела с собой Невилла.

— Гарри! — воскликнул Невилл, как только увидел их двоих. — Я пытался найти вас, чтобы предупредить: я слышал, как Малфой сказал, что поймает тебя, он сказал, что у тебя дра...

Гарри отчаянно замотал головой, чтобы остановить Невилла, но профессор МакГонагалл заметила это. Когда она нависла над ними, казалось, что скорее это она выдохнет огонь, чем Норберт.

— Я не ожидала такого ни от одного из вас. По словам мистера Филча, вы были в астрономической башне. Сейчас час ночи. Объяснитесь.

Впервые Гермиона не смогла ответить на вопрос учителя. Она уставилась на свои тапочки, замерев, словно статуя.

— По-моему, у меня есть хорошее объяснение происходящему, — сказала профессор МакГонагалл. — Не нужно быть гением, чтобы догадаться. Вы рассказали Драко Малфоя какую-то небылицу о драконе, чтобы выманить его ночью из постели и вовлечь в неприятности. Я его уже поймала. Видимо, вы находите смешным то, что Лонгботтом услышал эту историю и тоже в неё поверил?

Гарри перехватил взгляд Неввила и попытался без слов объяснить ему, что это неправда, потому что тот выглядел ошеломлённым и обиженным. Бедный неуклюжий Невилл... Гарри понимал, чего, должно быть, ему стоило попытаться найти их в темноте, чтобы предупредить.

— Отвратительно, — сказала профессор МакГонагалл. — Четыре ученика ночью не в постелях! Неслыханно! А вы, мисс Грейнджер? Я думала, в вас больше здравого смысла. А что до вас, мистер Поттер, я считала, что для вас Гриффиндор значит гораздо больше. Все трое будут наказаны... Да-да, вы тоже, мистер Лонгботтом: ничто не даёт вам право разгуливать по школе ночью, особенно сейчас, когда это очень опасно... и с Гриффиндора снимается пятьдесят баллов.

— Пятьдесят? — ахнул Гарри — они потеряют лидирующую позицию. Позицию, которую они заняли благодаря его победе в последнем матче по Квиддичу.

— Пятьдесят баллов с каждого, — сказала профессор МакГонагалл, тяжело дыша длинным острым носом.

— Профессор... пожалуйста...

— Вы не можете...

— Не говорите мне, что я могу, а что нет, Поттер. А теперь все возвращайтесь в постели. Мне ещё никогда не было так стыдно за студентов Гриффиндора.

Сто пятьдесят потерянных баллов. Это отбрасывало Гриффиндор на последнее место. В одну ночь они уничтожили все шансы Гриффиндора на победу в Кубке Школы. У Гарри было такое чувство, будто у его желудка отвалилось дно. Как им теперь всё исправить?

Гарри не спал всю ночь. Он слышал, как Невилл рыдает в подушку, казалось, на протяжении нескольких часов. Гарри не мог ничего придумать, чтобы как-то утешить его. Он знал, что Невилл, как и он сам, с ужасом ждёт рассвета. Что случится, когда остальные Гриффиндорцы узнают, что они сделали?

Сначала Гриффиндорцы, на следующий день проходя мимо гигантских песочных часов, отсчитывающих баллы Дома, решили, что произошла какая-то ошибка. Как вдруг могло случиться, что у них неожиданно стало на сто пятьдесят баллов меньше, чем вчера? А затем поползли слухи, что Гарри Поттер, знаменитый Гарри Поттер, герой последних двух матчей по Квиддичу, стал виной потери всех этих баллов. Он, и ещё парочка глупых первокурсников.

Из самого популярного и обожаемого ученика школы Гарри вдруг превратился в самого ненавистного. Даже рейвенкловцы и хаффлпаффы отвернулись от

него, потому что все просто спали и видели, как Слизерин проигрывает Кубок Школы. Куда бы ни пошёл Гарри, на него показывали пальцем и отпускали оскорбления, даже не утруждая себя понизить голос. Слизеринцы же, напротив, при его появлении хлопали в ладоши, свистели и приветствовали словами: «Спасибо, Поттер, теперь мы твои должники!».

Только Рон не отвернулся от него.

— Все забудут об этом через несколько недель. Из-за Фреда и Джорджа постоянно снимают баллы с момента их появления здесь, но люди всё равно их любят.

— Но из-за них никогда не снимали сто пятьдесят баллов за раз, правда? — печально сказал Гарри.

— Ну... нет, — согласился Рон.

Было немного поздно спасать положение, но Гарри поклялся себе, что с этого момента не станет вмешиваться не в свои дела. Хватит уже шастать по школе и за всеми шпионить. Ему было так стыдно, что он пошёл к Вуду и заявил, что хочет уйти из команды по Квиддичу.

— Уйти? — прогремел Вуд. — И что с того? Как мы вернём баллы, если не сможем выиграть в Квиддич?

Но даже Квиддич больше был не в радость. Все остальные в команде не разговаривали с Гарри на тренировках, а если им приходилось о нём говорить, то его называли «Ловец».

Гермионе и Невиллу тоже приходилось несладко. Им, конечно, не было так же плохо, как Гарри, потому что они не были такими знаменитыми, но с ними тоже никто не разговаривал. Гермиона перестала привлекать к себе внимание на занятиях: она сидела, опустив голову, и работала молча.

Гарри почти радовался тому, что экзамены были уже на носу. Подготовка к ним позволяла ему отвлечься от печальных мыслей. Они с Роном и Гермионой общались только между собой, работали допоздна, стараясь вызубрить ингредиенты сложных зелий, заклинания и чары, а так же запомнить даты магических открытий и восстаний гоблинов...

Но позже, примерно за неделю до экзаменов, решение Гарри не вмешиваться не в свои дела подверглась неожиданному испытанию. Возвращаясь как-то днём один из библиотеки, он услышал чьё-то хныканье из кабинета, находящегося чуть дальше по коридору. Подойдя ближе, он услышал голос Квиррелла.

— Нет...нет... только не опять... прошу вас...

Казалось, что кто-то угрожает ему. Гарри подобрался ближе.

— Ну хорошо... хорошо... — снова услышал он всхлипы Квиррелла.

В следующую секунду Квиррелл поспешно вышел из кабинета, поправляя свой тюрбан. Он был бледен и выглядел так, будто вот-вот заплачет. Он скрылся

из виду, и Гарри подумал, что Квиррелл его даже не заметил. Он дождался, пока стихнут шаги Квиррелла, затем заглянул в кабинет. Он был пуст, однако дверь в другом конце комнаты осталась открытой. Гарри прошёл уже до середины кабинета, когда вспомнил о данном себе обещании.

Тем не менее, он бы поставил дюжину Философских Камней на то, что Снейп только что покинул эту комнату, и из того, что услышал Гарри, ушёл он достаточно бодрым шагом — Квиррелл, похоже, наконец, сдался.

Гарри вернулся в библиотеку, где Гермиона проверяла знания Рона в Астрономии. Гарри сообщил им о том, что услышал.

— Значит, Снейп добился своего! — заявил Рон. — Если Квиррелл сказал ему, как взломать его Заклинание Против Тёмных Сил...

— Но там же всё ещё есть Пушок, — сказала Гермиона.

— Может быть, Снейп и без Хагрида выяснил, как его обойти, — сказал Рон, посмотрев на тысячи окружавших их книг. — Спорю, здесь где-нибудь есть книга, рассказывающая о том, как обойти трёхголовую огромную псину. Ну, так что будем делать, Гарри?

В предчувствии приключения в глазах Рона появился огонёк, но Гермиона ответила раньше Гарри.

— Пойдём к Дамблдору. Мы должны были это сделать ещё сто лет назад. Если мы будем действовать самостоятельно, нас тогда точно выгонят.

— Но у нас нет никаких доказательств! — сказал Гарри. — Квиррелл слишком напуган, чтобы поддержать нас, а Снейпу будет достаточно сказать, что он понятия не имеет, откуда на Хэллоуин взялся тролль, и что он и близко не подходил к третьему этажу... кому они, по-вашему, поверят — нам или ему? Ни для кого не секрет, что мы его ненавидим. Дамблдор просто подумает, что мы всё выдумали, чтобы Снейпа уволили. Филч нам не поможет, даже если от этого будет зависеть его жизнь, он слишком в хороших отношениях со Снейпом, к тому же, решит, что чем больше учеников выгонят, тем лучше. И не забывайте, мы, по идее, ничего не знаем ни о Камне, ни о Пушке. Иначе придётся очень многое объяснять.

Гермиону, похоже, он убедил, но Рона — нет.

— Если мы тут немного поразнюхаем...

— Нет, — категорично сказал Гарри, — мы уже достаточно наразнюхивались.

Он пододвинул к себе карту Юпитера и начал изучать названия его спутников.

На следующее утро за завтраком Гарри, Гермиона и Невилл получили записки. Во всех было одно и то же:

«Ваше наказание будет приведено в исполнение сегодня, в одиннадцать часов вечера.

Мистер Филч будет ждать вас в вестибюле.

Профессор МакГонагалл.»

За переживаниями по поводу потерянных ста пятидесяти баллов, Гарри уже забыл о наказании. Он был почти уверен, что Гермиона начнёт жаловаться, что они потратят в пустую целую ночь занятий, но она не сказала ни слова, как и Гарри, считая, что они этого заслужили.

В одиннадцать часов вечера они попрощались с Роном в гостиной и спустились в вестибюль вместе с Невиллом. Филч уже был там... как и Малфой. Гарри также забыл, что Малфой тоже был наказан.

— За мной, — сказал Филч, зажигая лампу и выводя их на улицу. — Держу пари, вы теперь дважды подумаете, прежде чем нарушать школьные правила, а? — сказал он, злобно косясь на них. — О, да... по мне так тяжёлый труд и боль — лучшие учителя... Очень жаль, что старые способы наказания отменили... подвесить бы вас за кисти рук к потолку на несколько дней... Цепи всё ещё в моём кабинете, я их регулярно смазываю на случай, если они когда-нибудь понадобятся... Ну, тогда пошли, и не вздумайте убежать — вам же хуже будет.

Они пошли по территории школы. Невилл всхлипывал. Гарри гадал, в чём будет заключаться их наказание. Должно быть, это что-то действительно ужасное, иначе Филч не радовался бы так сильно.

Луна светила ярко, но из-за набегавших на неё облаков, они то и дело погружались в темноту. Впереди Гарри видел освещённые окна хижины Хагрида. Затем они услышали отдалённый крик:

— Это ты, Филч? Скорее, пора б уж начать.

Сердце Гарри подпрыгнуло: если им предстояло работать с Хагридом, то это совсем неплохо. Должно быть, облегчение, отразилось на его лице, потому что Филч сказал:

— Ты, видимо, считаешь, что будешь валять дурака с этим увальнем? Тогда подумай хорошенько ещё раз, парень — вы пойдёте в Лес, и я бы ошибся, если бы сказал, что все вы вернётесь оттуда целыми и невредимыми.

Невилл простонал, а Малфой остановился, как вкопанный.

— В Лес? — повторил он и голос его звучал уже не так круто, как обычно. — Мы не можем идти туда ночью... Там же всяких чудищ полно... оборотней, например.

Невилл вцепился в рукав Гарри и издал сдавленный хрип.

— Ну, это уже ваша проблема, — радостно сказал Филч. — Вы должны были подумать об оборотнях до того, как нарывались на неприятности.

Навстречу к ним из темноты широкими шагами вышел Хагрид в сопровождении Клыка. В руках он нёс огромный арбалет, а через плечо был перекинут колчан со стрелами.

— Наконец-то, — сказал он. — Жду уже полчаса. Гарри, Гермиона, вы в порядке?

— Тебе не следует быть с ними слишком обходительным, Хагрид, — произнёс Филч холодно. — Они, между прочим, наказание отрабатывают.

— Так вот чего вы опоздали, да? — сказал Хагрид, бросая на Филча хмурый взгляд. — Лекции им читал, да? Ну, теперь это не твоя забота. Ты своё дело сделал, дальше я их поведу.

— Я вернусь к рассвету, — сказал Филч, — за тем, что от них останется, — добавил он гнусно, и затем пошёл в направлении замка, его лампа, покачиваясь, вместе с ним удалялась в темноте.

Малфой повернулся к Хагриду.

— Я не пойду в Лес, — сказал он, и Гарри порадовался паническим ноткам в его голосе.

— Пойдёшь, если хочешь остаться в Хогвартсе, — жёстко ответил Хагрид. — Ты вёл себя неправильно, и теперь должен расплатиться за это.

— Но это работа для прислуги, а не для учеников. Я думал, нас заставят переписывать что-нибудь или что-нибудь в этом роде. Если бы мой отец знал, что я должен делать, он бы..

— ...он бы сказал тебе, что такие уж порядки в Хогвартсе, — прогрохотал Хагрид. — Переписывать что-нибудь! Толк-то от этого какой? Ты будешь делать что-нибудь полезное, либо вылетишь отсюда. Если ты думаешь, что твой отец предпочтёт, чтобы тебя отчислили, то ступай в замок и собирай вещички. Иди.

Малфой не сдвинулся с места. Он с яростью посмотрел на Хагрида, но затем опустил глаза.

— Ну и ладно, — сказал Хагрид, — а теперь, слушайте внимательно, потому что то, чем мы займёмся сегодня, очень опасно, и я не хочу, чтобы кто-то рисковал жизнью. Идите-ка сюда.

Он подвёл их к самой кромке Леса. Подняв лампу повыше, он указал на узкую извилистую тропинку, теряющуюся за толстыми тёмными стволами деревьев. Они посмотрели в лес, и легкий ветерок зашевелил их волосы.

— Гляньте туда, — сказал Хагрид, — видите, эту штуку, светящуюся на земле? Серебристое такое? Это кровь единорога. Здесь кто-то сильно поранил единорога. Уже второй раз за неделю. Я нашёл одного мёртвым в прошлую среду. Нам нужно постараться найти бедняжку. Возможно, его придётся добить.

— А что, если тот, кто ранил единорога, найдёт нас первым? — спросил Малфой, не в силах скрыть страх в голосе.

— Ничто в этом лесу не причинит вам вреда, покуда вы будете со мной и Клыкком, — ответил Хагрид. — И не сходите с тропинки. Так, а теперь делимся на две группы и идём по следу в противоположных направлениях. Кровь здесь повсюду, должно быть, он где-то бродит по округе, по крайней мере, со вчерашней ночи.

— Я пойду с Клыкком, — быстро сказал Малфой, глядя на длинные зубы пса.

— Ладно, только предупреждаю — он трус, — ответил Хагрид. — Итак, я, Гарри и Гермиона пойдём в одну сторону, а Драко, Невилл и Клык — в другую. Значит, если кто-то из вас обнаружит единорога, посылайте искры зелёного цвета, хорошо? Достаньте палочки и потренируйтесь... вот так... А если кто-то попадёт в неприятности, посылайте красные искры, и мы найдём вас... Ну вот, будьте осторожны. Пойдём.

В Лесу было темно и тихо. Зайдя немного вглубь по тропинке, они очутились у развилки, и Гарри, Гермиона и Хагрид свернули влево, в то время как Малфой, Невилл и Клык — вправо. Они шли в полном молчании, глядя на землю. Там и тут лунный свет, проникающий сквозь кроны деревьев, отражался в серебристо-голубой крови на опавшей листве.

Гарри увидел, что Хагрид был чем-то обеспокоен.

— А мог оборотень убить единорога? — спросил Гарри.

— Он недостаточно быстр, — ответил Хагрид. — Единорога не так-то просто поймать. Это очень могущественные волшебные существа. До этого я вообще не знал, что их можно вот так ранить.

Они миновали прокрытый мхом пенёк. Гарри услышал, как где-то струилась вода: видимо, неподалёку протекал ручей. На извилистой тропинке то и дело попадались лужицы крови единорога.

— Ты в порядке, Гермиона? — прошептал Хагрид. — Не волнуйся, он не мог далеко уйти, если сильно ранен, и тогда мы сможем... — ПРЯЧЬТЕСЬ ЗА ЭТО ДЕРЕВО!

Хагрид схватил Гарри и Гермиону и уволок их с тропинки за могучий дуб. Он вставил стрелу в арбалет и поднял оружие, в любой момент готовый выстрелить. Все трое прислушались. Что-то или кто-то совсем рядом передвигалось по сухой листве: это напоминало шуршание полы мантии по земле. Хагрид украдкой взглянул вдоль тёмной тропинки, но спустя несколько секунд, звук затих.

— Так я и знал, — пробормотал он. — Здесь есть кто-то, кого быть не должно.

— Оборотень? — предположил Гарри.

— Это не оборотень, как, впрочем, и не единорог, — мрачно ответил Хагрид. — Так, следуйте за мной и будьте осторожны. Идём.

Они пошли медленнее, вслушиваясь в любой шорох. Вдруг, впереди, на полянке они заметили какое-то движение.

— Кто это? — позвал Хагрид. — Покажитесь... Я вооружён!

В просвет между деревьями шагнул кто-то. Кто это был — человек или лошадь? По пояс — человек с рыжими волосами и бородой, но ниже располагалось лоснящееся тело лошади рыжей масти с длинным рыжим хвостом. Челюсти Гарри и Гермионы отвисли.

— А, это ты, Ронан, — сказал Хагрид с облегчением. — Как дела?

Он прошёл вперёд и пожал руку кентавру.

— Добрый вечер, Хагрид, — сказал Ронан. У него был глубокий печальный голос. — Ты что, собирался меня пристрелить?

— Немного осторожности не повредит, Ронан, — ответил Хагрид, похлопав по арбалету. — Что-то плохое появилось в этом лесу. Это Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер, кстати. Ученики школы. Это Ронан. Он кентавр.

— Мы заметили, — слабым голосом сказала Гермиона.

— Добрый вечер, — поприветствовал Ронан. — Так вы ученики? Ну, и много вы там выучили в вашей школе?

— Эээ...

— Немножко, — застенчиво ответила Гермиона.

— Немножко. Ну, это уже что-то, — вздохнул Ронан. Он закинул назад голову и посмотрел на небо. — Марс сегодня яркий.

— Да, — подтвердил Хагрид, тоже взглянув наверх. — Слушай, здорово, что я тебя встретил, Ронан, потому что тут единорога ранили... Ты что-нибудь видел?

Ронан ответил не сразу. Он, не мигая, смотрел на звёзды, затем снова вздохнул.

— Невинные всегда становятся жертвами в первую очередь, — сказал он. — Так было всегда и так есть.

— Ага, — согласился Хагрид, — но ты что-нибудь видел, Ронан? Что-нибудь необычное?

— Марс сегодня яркий, — повторил Ронан, в то время как Хагрид смотрел на него с нетерпением. — Необычайно яркий.

— Да, но я имел в виду нечто необычное поближе к дому, — сказал Хагрид. — Так ты заметил что-нибудь странное?

Ронан опять повременил с ответом. Наконец, он изрёк:

— Лес хранит множество тайн.

Тут в деревьях за Ронаном послышался какой-то шорох, и Хагрид снова поднял арбалет. Но секундой позже появился ещё один кентавр, на этот раз черноволосый, с телом вороной масти, который выглядел более дико, чем Ронан.

— Привет, Бейн, — приветствовал его Хагрид. — Как дела?

— Добрый вечер, Хагрид, надеюсь, ты здоров?

— Более или менее. Слушай, я тут только что спрашивал у Ронана... а ты ничего давеча странного не замечал? Здесь единорога ранили. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Бейн подошёл к Ронану и остановился рядом. Он посмотрел на небо.

— Марс сегодня яркий, — просто сказал он.

— Мы слышали, — угрюмо ответил Хагрид. — В общем, если что-нибудь увидите, дайте мне знать, ладно? Пойдём-ка мы.

Уходя следом за ним с поляны, Гарри и Гермиона глазели через плечо на Ронана и Бейна, пока те не скрылись за деревьями.

— Ну ни в жизнь, — раздражённо сказал Хагрид, — не дождёшься от кентавра прямого, чёткого ответа. Звездочёты чёртовы. Ничего, что ближе луны, их, видите ли, не интересует.

— А их здесь много? — спросила Гермиона.

— Да хватает... Держатся в основном особняком, но часто оказываются рядышком, ежели мне нужно перекинуться с ними словцом. Башковитые они, кентавры... Много чего знают... только не говорят.

— Думаешь, мы кентавра тогда услышали? — спросил Гарри.

— Разве это было похоже на стук копыт? Не, если спросишь, скажу тебе вот что — это — то самое, что убивает единорогов — никогда не слышал доселе ничего подобного.

Они стали пробираться сквозь тёмную чащу деревьев. Гарри продолжал нервно поглядывать назад. Его не покидало неприятное чувство, что за ними следят. Он был страшно рад, что рядом Хагрид с его арбалетом. Они только что миновали очередной поворот, когда Гермиона схватила Хагрида за руку.

— Хагрид! Смотри! Красные искры, наши попали в беду!

— Вы двое ждите здесь! — крикнул лесничий. — Не сходите с тропинки, я вернусь за вами!

Они слышали, как Хагрид ломился через молодую поросль, и стояли, испуганно глядя друг на друга, пока все звуки не затихли, кроме шелеста листьев вокруг них.

— Как ты думаешь, они целы? — прошептала Гермиона.

— Мне наплевать на Малфоя, но если с Невиллом что-то случилось... Это по нашей вине он оказался здесь.

Медленно тянулись минуты. Их слух, казалось, обострился, как никогда. Гарри улавливал каждый вздох ветра, каждый хруст ветки. Что происходит? Где остальные?

Наконец, сильнейший треск оповестил о возвращении Хагрида. Малфой, Невилл и Клык были с ними. Хагрид сильно злился. Как оказалось, Малфой в шутку подкрался к Невиллу сзади и схватил его. Тот испугался и послал искры.

— После такого шума, который вы подняли, будет удачей, если мы кого-нибудь сегодня поймем. Так, мы перегруппируемся — Невилл, ты остаёшься со мной и Гермионой; Гарри, ты пойдешь с Клыком и этим идиотом. Прости, — прошептал он Гарри, — но тебя ему будет куда труднее напугать, а нам ещё нужно доделать начатое.

Итак, Гарри отправился вглубь Леса вместе с Малфоем и Клыком. Они шли уже около получаса, всё дальше и дальше, пока тропинка не стала почти непроходимой из-за густо растущих деревьев. Гарри показалось, что крови прибавилось. На корнях деревьев были видны её пятна, будто несчастное создание билось здесь в муках. Впереди, через спутанные ветви древнего дуба, Гарри увидел прогалину.

— Смотри, — прошептал он, подняв руку, призывая Малфоя остановиться.

На земле светилось что-то ярко-белое. Они подобрались поближе.

Это, без сомнения был единорог, и он был мёртв. Гарри никогда в жизни не видел такого прекрасного и печального зрелища. Его длинные, стройные ноги торчали под неестественными углами, а жемчужно-белая грива разметалась на тёмных листьях..

Гарри сделал шаг вперёд, и тут шелестящий звук заставил его застыть на месте. Куст на опушке поляны дрогнул... Затем из тени появилась фигура в капюшоне. Она медленно двигалась через прогалину, словно крадущийся зверь. Гарри, Малфой и Клык стояли, будто пригвождённые к месту. Фигура в плаще приблизилась к единорогу, склонила голову над раной на боку животного и начала пить его кровь.

— АААААААААААА!

Малфой издал вопль ужаса и бросился наутёк. То же самое сделал Клык. Фигура в капюшоне подняла голову и посмотрела прямо на Гарри — кровь единорога стекала по плащу. Она поднялась на ноги и быстро направилась в сторону Гарри, тот не мог пошевелиться от страха.

И тут боль, которую он никогда раньше не испытывал, пронзила его голову, как будто вспыхнул шрам на лбу. Наполовину ослепший, Гарри, шатаясь, начал отступать назад. Позади он услышал стук копыт. Кто-то подлетел галопом и, перемахнув через Гарри, атаковал фигуру в плаще.

Боль была так велика, что Гарри упал на колени. Прошла минута или две, прежде чем она прошла. Когда он поднял голову, незнакомец в плаще исчез. Над ним стоял кентавр, не Ронан и не Бейн. Этот выглядел моложе, и у него были светлые волосы и тело золотистого цвета.

— Ты в порядке? — спросил кентавр, помогая Гарри встать.

— Да... спасибо. Что это было?

Кентавр не ответил. У него были поразительные голубые глаза, похожие на бледные сапфиры. Он внимательно посмотрел на Гарри, его взгляд задержался на шраме, побагровевшем и отчётливо выступившем на лбу.

— Ты — мальчик Поттер, — сказал он. — Тебе лучше вернуться к Хагриду. Лес нынче небезопасен... особенно для тебя. Ты можешь ехать верхом? Так ты быстрее доберёшься. — Меня зовут Фиренц, — добавил он, опускаясь на передние ноги, чтобы Гарри мог взобраться на его спину.

Неожиданно послышался стук копыт, приближающийся с другой стороны поляны. Из чащи выскочили Ронан и Бейн, их вздымающиеся бока лоснились от пота.

— Фиренц! — прогремел Бейн. — Что ты делаешь? У тебя человек на спине! И тебе не стыдно? Ты что, обычный мул?

— Да вы хоть знаете, кто это? — ответил Фиренц. — Это — мальчик Поттер. Чем быстрее он выберется из леса, тем лучше.

— Что ты ему рассказал? — прорычал Бейн. — Помни, Фиренц, мы поклялись не вмешиваться в волю провидения. Разве мы не прочли по движению планет, что будет?

Ронан нервно бил копытом землю.

— Уверен, Фиренц решил, что действует во благо, — угрюмо сказал он.

Бейн гневно лягнул задними ногами.

— Во благо! А мы-то тут причём? Кентавров волнует лишь в то, что предсказано! Это не наше дело: бегать туда-сюда, словно ослы, за заблудившимися в нашем лесу людьми!

Неожиданно разъярённый Фиренц встал на дыбы, и Гарри пришлось схватиться за его плечи, чтобы не упасть.

— Ты что, не видел этого единорога? — прокричал он Бейну. — Разве ты не понимаешь, почему его убили? Или планеты не посвятили тебя в эту тайну? Против того, что затаилось в этом лесу, я буду бороться даже бок о бок с людьми, если понадобится.

Развернувшись, Фиренц ринулся прочь, Гарри вцепился в него изо всех сил, и они нырнули в чащу деревьев, оставив Ронана и Бейна далеко позади.

Гарри понятия не имел, что происходит.

— Почему Бейн так разозлился? — спросил он. — И вообще, что это за штука такая, от которой вы меня спасли?

Фиренц сбавил ход и пошёл шагом, велел Гарри пригнуть голову, чтобы тот не ударился о низко свисающие ветки, но не ответил на его вопрос. Они продолжали свой путь в молчании достаточно долго, так что Гарри решил, что Фиренц вообще не хочет больше с ним разговаривать. Они пробирались особенно заросшему деревьями участку тропинки, когда Фиренц вдруг остановился.

— Гарри Поттер, ты знаешь, для чего используют кровь единорога?

— Нет, — ответил Гарри, удивлённый странным вопросом. — Мы использовали только рог и волоски из хвоста на уроках Зелий.

— Это потому, что убивать единорога — чудовищное деяние, — сказал Фиренц. — Только тот, кому нечего терять и кто хочет обрести всё, может пойти на такое преступление. Кровь единорога сохранит тебе жизнь, даже если ты находишься на краю гибели, но ужасной ценой. Ты убиваешь нечто невинное и беззащитное, чтобы спасти себя, но тогда жизнь твоя будет лишь жизнью наполовину, на которой будет лежать проклятье с того самого момента, как кровь коснётся твоих губ.

Гарри уставился на затылок Фиренца, отливавший серебром в лунном свете.

— Но кто может отчаяться на такое? — вслух подумал он. — Если твоя жизнь будет проклята навсегда, то лучше смерть, правда?

— Совершенно верно, — согласился Фиренц, — если только не для того, чтобы остаться в живых достаточно долго для того, чтобы выпить нечто другое, что вернёт тебе былую силу и мощь, благодаря чему ты никогда не умрёшь... Мистер Поттер, вы знаете, что в этот самый момент спрятано в вашей школе?

— Философский Камень! Ну конечно же — Эликсир Жизни! Но я не понимаю, кто...

— Подумайте, кому уже много лет не терпелось вернуть свою власть, кто цеплялся за жизнь в ожидании подходящего случая?

Словно стальной кулак сжал сердце Гарри. Сквозь шелест деревьев ему показалось, что он слышит слова Хагрида, произнесённые им в ночь их первой встречи: «Некоторые говорят, что он умер. Чушь собачья — вот моё мнение. Сомневаюсь, что в нем оставалось что-нибудь человеческое, чтобы умереть».

— Вы хотите сказать, — сказал Гарри охрипшим голосом, — что это был Вол...

— Гарри! Гарри, с тобой всё в порядке?

К ним навстречу по тропинке бежала Гермиона, Хагрид, пыхтя, трусил следом.

— Всё нормально, — ответил Гарри, не понимая, что говорит, — Единорог мёртв, Хагрид, он там, на поляне.

— Здесь я вас покину, — прошептал Фиренц, в то время как Хагрид уже спешил посмотреть на единорога. — Теперь вы в безопасности.

Гарри соскользнул с его спины.

— Удачи, Гарри Поттер, — сказал Фиренц. — Порой планеты толкуются неверно. Даже кентаврами. Надеюсь, это как раз один из таких случаев.

Он развернулся и поскакал обратно вглубь леса, оставив дрожащего Гарри позади себя.

Рон заснул в тёмной гостиной, дожидаясь их возвращения. Он кричал что-то насчёт нечестной игры в Квиддиче, когда Гарри тормозил его, чтобы разбудить. Но как только Гарри начал рассказывать ему и Гермионе, что произошло в лесу, он сразу окончательно проснулся.

Гарри не мог усидеть на месте. Он ходил взад и вперёд напротив камина. Его до сих пор трясло.

— Снейп хочет раздобыть Камень для Волдеморта... а Волдеморт ждёт в лесу... и всё это время мы думали, что Снейп просто хочет разбогатеть...

— Прекрати называть его имя! — сказал Рон испуганным шёпотом, будто думал, что Волдеморт мог их услышать.

Гарри не слушал.

— Меня спас Фиренц, но он не должен был это делать... Бейн был в бешенстве... Он говорил о вмешательстве в то, что предсказано планетами... Видимо, они предсказали, что Волдеморт возвращается... Бейн считает, что Фиренц должен был позволить Волдеморту меня убить... Наверное, это тоже предсказано звёздами.

— Ну хватит уже называть его имя! — прошипел Рон.

Гермиона выглядела напуганной, но всё же нашла слова утешения.

— Гарри, все говорят, что Дамблдор — единственный, кого боится Сам-Знаешь-Кто. Пока Дамблдор рядом, Сам-Знаешь-Кто не притронется к тебе. И вообще, кто сказал, что кентавры правы? По мне так это напоминает предсказание судьбы, а профессор МакГонагалл говорит, что это очень неточная отрасль магии.

Небо посветлело ещё до того, как они завершили разговор. Спать они отправились вымотанными и охрипшими. Однако ночные сюрпризы на этом ещё не закончились.

Когда Гарри откинул одеяло, он увидел под ним свой Плащ-Невидимку с приколотой к нему запиской:

«На всякий случай».

Глава шестнадцатая. Под люком

В будущем Гарри так до конца и не мог вспомнить, как он ухитрился сдать экзамены, если в любой момент ожидал, что Волдеморт ворвётся в кабинет. Но дни тянулись своим чередом, и без сомнения Пушок за закрытой дверью всё ещё был жив и здоров.

Стояла удушливая жара, особенно в большом классе, где они писали экзаменационные работы. Для экзамена им выдали специальные новые перья, которые были зачарованы Противосписывающим Заклинанием.

У них были и практические экзамены. Профессор Флитвик вызывал их в свой класс по одному и проверял, смогут ли они заставить ананас станцевать на столе чечётку. Профессор МакГонагалл принимала у них превращение мыши в табакерку — баллы начислялись за красоту табакерки и снимались, если у неё оставались усы. Снейп заставил их понервничать, дыша в затылок, пока они пытались вспомнить, как делается Зелье Забывчивости.

Гарри делал всё, чтобы не обращать внимания на приступы боли во лбу, которые постоянно беспокоили его с момента путешествия в Лес. Невилл думал, что у Гарри тяжёлый случай экзаменационной лихорадки, потому что тот не мог спать, но правда заключалась в том, что Гарри просыпался от старого кошмара, который стал ещё хуже из-за появившейся в нём фигуры в капюшоне со стекающей по подбородку кровью.

Может, потому что они не видели то же, что и Гарри в Лесу, или потому что у них не было на лбу пылающего шрама, но Рон и Гермиона, казалось, не беспокоились так сильно о Камне, как Гарри. Мысль о Волдемorte, конечно, пугала их, но он не являлся им во сне, и они были так заняты учёбой, что у них не оставалось времени на беспокойство о том, чем Снейп или кто-либо ещё могли заниматься.

Последним экзаменом у них была История Магии. Один час ответов на вопросы о тронутых старых колдунах, изобретавших самопомешивающиеся котлы, и они будут свободны, свободны на целую прекрасную неделю, пока не станут известны их результаты экзаменов. Когда призрак профессора Бинса сказал им положить перья и свернуть пергаменты, Гарри не мог не радоваться вместе с остальными.

— Это было легче, чем, я думала, — сказала Гермиона, когда они присоединились к толпе, вытекающей на солнечный двор. — Мне не нужно было учить о Кодексе Оборотней 1637 года или восстании Элфрика Жаждущего.

Гермиона всегда любила тщательно разбирать свои экзаменационные работы после сдачи, но Рон сказал, что ему от этого становится плохо, так что они побрели вниз к озеру и плюхнулись под деревом. Близнецы Уизли и Ли Джордан щекотали щупальца гигантского кальмара, который грелся на тёплом мелководье.

— Больше никакой учёбы, — счастливо вздохнул Рон, растягиваясь на траве. — Можно и повеселее, Гарри, у нас впереди целая неделя, перед тем как узнаем, как плохо мы справились, не надо пока волноваться.

Гарри потёр шрам на лбу.

— Хотел бы я знать, что это значит! — воскликнул он гневно. — Мой шрам продолжает болеть. Это и раньше случалось, но не так часто, как сейчас.

— Сходи к Мадам Помфри, — предложила Гермиона.

— Я не болен, — сказал Гарри. — По-моему, это предупреждение... это значит, что приближается опасность...

Но это не могло встревожить Рона, было слишком жарко.

— Гарри, расслабься, Гермиона права, Камень в безопасности пока рядом Дамблдор. В любом случае, у нас нет никаких доказательств, что Снейп узнал, как пройти мимо Пушка. Один раз ему чуть уже не откусили ногу, он не пойдёт туда снова так скоро. К тому же, скорее Невилл будет играть в Квиддич за Англию, чем Хагрид подведёт Дамблдора.

Гарри кивнул, но он не мог избавиться от затаившегося чувства, что он что-то забыл сделать, что-то важное. Когда он попытался объяснить это, Гермиона сказала:

— Это всё из-за экзаменов. Я проснулась прошлой ночью и пересмотрела половину записей по Трансфигурации, прежде чем я вспомнила, что мы уже сдали её.

Тем не менее, Гарри был полностью уверен, что тревожное чувство не имело ничего общего с занятиями. Гарри проследил за совой, летящей к школе через ярко-голубое небо, в её клюве была зажата записка. Хагрид был единственным, кто слал Гарри письма. Хагрид никогда не предаст Дамблдора. Хагрид никому никогда не расскажет, как пройти мимо Пушка... никогда... но...

Внезапно Гарри вскочил на ноги.

— Куда собрался? — сонно спросил Рон.

— Я просто подумал кое о чём, — сказал Гарри. Он побледнел. — Мы должны сейчас же пойти к Хагриду.

— Зачем? — пыхтела Гермиона, стараясь поспеть за Гарри.

— Ты не считаешь это немного странным, — сказал Гарри, карабкаясь по склону, поросшему травой, — что больше всего на свете Хагрид желает дракона, а тут находится незнакомец, у которого случайно оказывается в кармане яйцо? Сколько людей бродит с драконьим яйцом, если это противозаконно? И, конечно же, он находит Хагрида. Почему я не заметил этого раньше?

— О чём это вы? — спросил Рон, но Гарри, несясь в сторону леса, не ответил.

Хагрид сидел в кресле снаружи с закатанными штанинами и рукавами и чистил горох в большую миску.

— Привет, — он сказал, улыбаясь. — Кончились экзамены? Есть время отпраздновать?

— Давай, — сказал Рон, но Гарри оборвал его.

— Нет, мы спешим. Хагрид, хочу спросить тебя кое о чём. Помнишь ту ночь, когда ты выиграл Норберта? Как выглядел тот незнакомец, с которым ты играл в карты?

— Не знаю, — сказал Хагрид мимоходом, — он не снимал плаща.

Он глянул на ошеломлённую троицу и поднял брови.

— В этом нет ничего необычного, много странного народу в "Кабаньей Голове" бродит — это паб в деревне. Возможно, он был торговцем драконами. Я так и не увидел его лица, он не снимал капюшона.

Гарри присел возле миски с горохом:

— О чём вы разговаривали, Хагрид? Ты упоминал Хогвартс?

— Может, упоминал, — сказал Хагрид, нахмурившись в попытке что-нибудь вспомнить. — Да... он спросил, чем я занимаюсь, и я сказал ему, что я тут егерем работаю... Он поспрашивал немного, за какими существами я ухаживал... ну я и рассказал ему... и я сказал, что всегда очень хотел дракона... и тогда... Не очень хорошо помню, потому что он всё время ставил мне выпивку... Так... да, потом он сказал, что у него есть драконье яйцо, и можем сыграть на него, если я захочу... но он должен быть уверен, что я смогу управиться с ним, он не хотел чтобы дракон достался кому попало... И я сказал ему, после Пушка дракон не проблема...

— И он... заинтересовался Пушком? — спросил Гарри, стараясь сохранять спокойствие в голосе.

— Ну, да... сколько трёхголовых псов ты встречал, даже в Хогвартсе? Я так и сказал ему, Пушок не проблема, если знаешь, как успокоить его: немного музыки, он тут же уснёт...

Внезапно на лице Хагрида возник ужас:

— Я не должен был вам говорить этого! — выпалил он. — Забудьте, что я говорил! Эй, куда вы?

Гарри, Рон и Гермиона не сказали друг другу ни слова, пока не остановились в вестибюле, который показался очень холодным и мрачным после улицы.

— Мы должны пойти к Дамблдору, — сказал Гарри. — Хагрид рассказал тому незнакомцу, как пройти мимо Пушка, а в плаще был или Снейп, или Волдеморт — это не составило труда, как только он напоил Хагрида. Надеюсь, Дамблдор поверит нам. Фиренц сможет подтвердить, если Бейн не запретит ему. Где кабинет Дамблдора?

Они огляделись, словно надеялись увидеть знаки, указывающие нужное направление. Никто не говорил им, где обитает Дамблдор, и они не знали никого, кого бы отсылали к нему.

— Мы просто должны... — начал Гарри, но внезапно в вестибюле раздался голос.

— Что это вы здесь делаете?

Это была профессор МакГонагалл, в руках у которой была большая стопка книг.

— Мы бы хотели увидеть профессора Дамблдора, — сказала Гермиона смелее, чем могли подумать Гарри и Рон.

— Увидеть профессора Дамблдора? — повторила профессор МакГонагалл с таким видом, словно это было самое подозрительное, что можно было сделать. — Зачем?

Гарри сглотнул — и что теперь?

— Это вроде как секрет, — сказал он, но сразу пожалел, потому что у профессора МакГонагалл тут же вздулись ноздри.

— Профессор Дамблдор уехал десять минут назад, — сказала она холодно. — Он получил срочную сову из Министерства Магии и сразу же улетел в Лондон.

— Уехал? — неистово сказал Гарри. — Сейчас?

— Профессор Дамблдор великий колдун, Поттер, его время нарасхват...

— Но это очень важно.

— То, что вы хотите сказать, важнее, чем Министерство Магии, Поттер?

— Послушайте, — сказал Гарри, отбрасывая осторожность, — профессор... это на счёт Философского Камня...

Чего бы ни ожидала профессор МакГонагалл, это было не то. Книги, которые она держала, выпали из её рук, но она не стала поднимать их.

— Как вы узнали?... — выпалила она.

— Профессор, я думаю... я знаю... что Сн... что кто-то собирается украсть Камень. Я должен поговорить с профессором Дамблдором.

Она посмотрела на них со смесью потрясения и подозрительности.

— Профессор Дамблдор будет завтра, — наконец, сказала она. — Я не знаю, как вы узнали о Камне, но будьте уверены, никто не сможет его украсть, он слишком хорошо защищён.

— Но профессор...

— Поттер, я знаю, о чём говорю, — резко сказала она. Она наклонилась и собрала упавшие книги. — Лучше идите на улицу и погрейтесь на солнышке.

Но они не пошли.

— Сегодня, — сказал Гарри, когда был уверен, что профессор МакГонагалл их не услышит. — Снейп спустится под люк сегодня. Он узнал всё, что ему было надо, и теперь он убрал с дороги Дамблдора. Это он послал записку, спорим, в Министерстве Магии сильно удивятся, когда Дамблдор появится там.

— Но что мы можем..

Гермиона ахнула. Гарри и Рон обернулись.

Там стоял Снейп.

— Добрый день, — сказал он вкрадчиво.

Они уставились на него.

— Не следует вам оставаться с помещением в такой день, — сказал он со странной искривлённой улыбкой.

— Мы.. — начал Гарри, не зная, что сказать.

— Вам надо быть осторожнее, — сказал Снейп. — Слоняетесь с таким видом, что люди могут подумать, вы что-то замышляете. А Гриффиндор не может больше позволить себе терять очки, не так ли?

Гарри вспыхнул. Они повернули к выходу, но Снейп окликнул их.

— Предупреждаю, Поттер.. ещё одно ночное путешествие, и я лично добьюсь, чтобы вас исключили. Всего доброго.

И он зашагал в сторону учительской.

Снаружи на каменных ступеньках, Гарри повернулся к Рону и Гермионе.

— Так, вот что мы сделаем, — горячо зашептал он. — Один из нас будет следить за Снейпом — караулить возле учительской и следовать за ним, если он покинет её. Гермиона, лучше этим заняться тебе.

— Почему мне?

— Это же очевидно, — сказал Рон. — Ты можешь притвориться, что ждёшь профессора Флитвика. — И он заговорил высоким голосом. — О, профессор Флитвик, я так волнуюсь, мне кажется, я допустила ошибку в вопросе «четырнадцать б»..

— Да заткнись ты, — сказала Гермиона, но согласилась пойти присмотреть за Снейпом.

— А нам лучше стоять возле коридора на третьем этаже, — сказал Гарри Рону. — Пошли.

Но эта часть плана не сработала. Как только они достигли двери, отделяющей Пушка от всей школы, снова появилась профессор МакГонагалл и на этот раз она вышла из себя.

— Видимо, вы думаете, что мимо вас труднее пройти, чем через множество заклинаний! — бушевала она. — Довольно этого вздора! Если я узнаю, что вы снова приблизились к этому месту, я сниму ещё пятьдесят очков с Гриффиндора! Да, Уизли, с моего собственного Дома!

Гарри и Рон вернулись в гостиную, Гарри успел только сказать: «По крайней мере, Гермиона следит за Снейпом», когда открылся портрет Толстой Дамы, и вошла Гермиона.

— Прости, Гарри! — запричитала она. — Снейп вышел и спросил, что я делаю, тогда я сказала, что жду профессора Флитвика, и Снейп пошёл за ним, и мне оставалось только уйти, и я не знаю, куда он теперь пошел.

— Что, теперь всё? — сказал Гарри.

Рон и Гермиона посмотрели на него. Он был бледен, его глаза блестели.

— Сегодня ночью я попытаюсь добраться до Камня первым.

— Да ты с ума сошёл! — сказал Рон.

— Нельзя! — сказала Гермиона. — После того, что сказали МакГонагалл и Снейп? Тебя исключат!

— НУ И ЧТО? — закричал Гарри. — Вы что, не понимаете? Если Снейп завладеет Камнем, Волдеморт вернётся! Вы разве не слышали, как это было, когда он пытался захватить власть? Не будет больше Хогвартса, из которого можно будет исключать! Он сравняет его с землёй, или сделает из него школу Тёмных Искусств! Неужели вы не понимаете, что потеря каких-то очков больше не имеет значения? Вы думаете, что он оставит вас и ваши семьи в покое, если Гриффиндор выиграет Кубок Школы? Если меня поймут прежде, чем я доберусь до Камня, мне придётся вернуться к Дёрсли и ждать, пока Волдеморт не найдёт меня там, что значит, я умру чуточку позже, чем могу, потому что я никогда не перейду на Тёмную Сторону! Я залезу в этот люк, и ничего, что бы вы мне ни сказали, не остановит меня! Волдеморт убил моих родителей, помните?

Он пристально смотрел на них.

— Ты прав, Гарри, — сказала Гермиона тихим голосом.

— Я использую Плащ-Невидимку, — сказал Гарри. — Хорошо, что я получил его назад.

— Но укроет ли он всех нас троих? — спросил Рон.

— Нас... троих?

— Ой, да ладно тебе! Не думал же ты, что мы отпустим тебя одного?

— Конечно, нет, — сказала Гермиона оживлённо. — Как ты думаешь добраться до Камня без нас? Я лучше пойду и полистаю книги, может, найдётся что-нибудь полезное...

— Но если нас поймут, то вас тоже исключат.

— Только через мой труп, — мрачно сказала Гермиона. — Флитвик сказал мне по секрету, что я набрала сто двенадцать процентов на его экзамене. Они не выкинут меня после этого.

* * *

После ужина они, нервничая, втроём сидели в гостиной в стороне от всех. Их никто не беспокоил; ведь гриффиндорцам больше нечего было сказать Гарри. Это был первый вечер, когда он не был этим расстроен. Гермиона бегло просматривала свои записи в надежде наткнуться на заклинания, через которые они собирались прорываться. Гарри и Рон почти не говорили. Каждый из них думал о том, что им предстояло.

Гостиная медленно пустела, по мере того, как люди ложились спать.

— Надо бы взять Плащ, — пробормотал Рон, когда гостиную, потягиваясь и зевая, наконец-то покинул Ли Джордан. Гарри взбежал по лестнице в тёмную спальню. Он вытащил Плащ, и тогда его взгляд упал на флейту, подаренную ему Хагридом на рождество. Он засунул её в карман, чтобы использовать для Пушка — он был не в настроении петь.

Он спустился назад в гостиную.

— Нам лучше надеть Плащ здесь и убедиться, что он скрывает нас троих — если при обходе Филч заметит ногу, гуляющую саму по себе...

— Что это вы делаете? — раздался голос из угла комнаты. Невилл появился из-за спинки кресла, сжимая жабу Тревожа, который, по видимому, сделал очередную попытку обрести свободу.

— Ничего, Невилл, ничего, — сказал Гарри, поспешно пряча Плащ за спиной.

Невилл уставился на их виноватые лица.

— Вы опять собираетесь гулять по школе, — сказал он.

— Нет-нет, — сказала Гермиона. — Нет, мы не собираемся. Почему бы тебе не пойти спать, Невилл?

Гарри посмотрел на напольные часы рядом с выходом. Они не могли позволить себе больше терять время, возможно Снейп в это время уже усыплял музыкой Пушка.

— Вы не должны разгуливать, — сказал Невилл, — вас снова поймут. У Гриффиндора будет ещё больше неприятностей.

— Ты не понимаешь, — сказал Гарри, — это важно.

Но Невилл очевидно был полон решимости сделать что-то отчаянное.

— Я не позволю вам сделать это, — сказал он, поспешив перекрыть выход. — Я... Я буду драться!

— Невилл, — взорвался Рон, — отойди от дыры и не будь идиотом..

— Не называй меня идиотом! — сказал Невилл. — По-моему, с вас уже довольно нарушений! И это ты сказал мне давать отпор людям.

— Да, но не нам, — сказал Рон в раздражении. — Невилл ты не знаешь, что творишь.

Он сделал шаг вперёд, и Невилл уронил Тревора, который ускакал с глаз долой.

— Ну давай, пробуй, ударь меня! — сказал Невилл поднимая кулаки. — Я готов!

Гарри повернулся к Гермионе.

— Сделай что-нибудь, — сказал он отчаянно.

Гермиона шагнула вперёд.

— Невилл, — сказала она, — я действительно очень сожалею об этом.

Она подняла свою палочку.

— Петрификус Тоталус! — прокричала она, направив палочку на Невилла.

Руки Невилла вытянулись по швам. Его ноги словно слиплись. Его тело стало негнушимся, он качнулся на месте и затем упал, как бревно, лицом вниз.

Гермиона подбежала, чтобы перевернуть его. Челюсти Невилла были сжаты, так что он не мог говорить. Только глаза двигались, глядя на них с ужасом.

— Что ты сделала с ним? — прошептал Гарри.

— Это проклятье Оков Всего Тела, — сказала Гермиона несчастно. — О, Невилл, прости меня.

— Мы должны, Невилл, нет времени на объяснения, — сказал Гарри.

— Ты потом поймёшь, Невилл, — сказал Рон, перешагивая через него и натягивая Плащ-Невидимку.

Но обездвиженный Невилл, лежащий на полу, казался дурным предзнаменованием. В их взвинченном состоянии каждая тень от статуи выглядела как Филч, каждое далёкое дуновение ветра звучало, словно Пивз летел прямо на них. У подножья первого пролёта они увидели Миссис Норрис, крадущуюся чуть выше.

— О, давай пнём её, всего разочек, — Рон прошептал Гарри в ухо, но Гарри покачал головой. Когда они осторожно поднимались мимо неё, Миссис Норрис посмотрела в их сторону своими огромными глазами, но ничего не сделала.

Они больше никого не встретили по дороге, пока не достигли лестницы, ведущей к коридору на третьем этаже. Пивз качался в воздухе на их пути, распуская ковёр, чтобы об него спотыкались люди.

— Кто здесь? — сказал он внезапно, когда они поравнялись с ним. Он сузил свои злые чёрные глазки. — Знаю, что ты здесь, даже если не вижу. Ты упырьчик, или привиденьице, или мелкий тварюга-ученик?

Он поднялся в воздух и стал парить там, косясь на них.

— Я должен позвать Филча, должен, если что-то ползает вокруг невидимое.

В голову Гарри внезапно пришла идея.

— Пивз, — сказал он хриплым шёпотом, — у Кровавого Барона есть свои причины оставаться невидимым.

Пивз чуть не упал от шока. Он во время очнулся и завис в футе от ступенек.

— Прошу прощения, ваше кровейшество, мистер Барон, сэ, — слащаво сказал он. — Моя ошибочка, моя... Не увидел... Конечно, не увидел, вы же невидимы... Простите старину Пивзи за его маленькую шутку, сэ.

— У меня здесь дело, Пивз, — прохрипел Гарри. — Держись подальше от этого места сегодня ночью.

— Буду, сэ, обязательно буду, — сказал Пивз, снова взмывая в воздух. — Желаю успеха в вашем деле, Барон. Я не побеспокою вас.

И он быстро удалился.

— Гениально, Гарри! — прошептал Рон.

Несколькими секундами позже они были на месте: перед дверью в коридор третьего этажа... но дверь уж была приоткрыта.

— Ну вот, — Гарри сказал тихо. — Снейп уже прошёл мимо Пушка.

Вид открытой двери, казалось, заставил их задуматься о том, что ожидало их впереди. Не снимая Плаща, Гарри повернулся к друзьям.

— Если хотите вернуться, я не против, — сказал он. — Вы можете взять Плащ, он мне больше не нужен.

— Не глупи, — сказал Рон.

— Мы идём, — сказала Гермиона.

Гарри толкнул дверь.

Как только скрипнула дверь, низкое, грохочущее рычание донеслось до их ушей. Все три собачьих носа бешено сопели в их сторону, хотя она их и не видела.

— Что это возле её ног? — прошептала Гермиона.

— Похоже на арфу, — сказал Рон. — Должно быть, её Снейп оставил.

— Наверное, она просыпается сразу, как только перестаёшь играть, — сказал Гарри. — Ну что ж, поехали..

Он приложил флейту Хагрида к губам и дунул. На мелодию это похоже не было, но с первой ноты глаза твари начали закрываться. Гарри почти не переводил дыхание. Постепенно рычание пса стихло, он зашатался на лапах и упал на колени, потом плюхнулся на пол и заснул.

— Не останавливайся, — Рон предупредил Гарри, как только они выскользнули из-под Плаща и осторожно двинулись к люку.

Когда они достигли огромных голов, они ощутили горячее, зловонное дыхание пса.

— Думаю, мы сможем открыть люк, — сказал Рон, заглядывая за пса. — Хочешь пойти первой, Гермиона?

— Нет.

— Ладно, — Рон стиснул зубы и аккуратно перешагнул через лапы пса. Он нагнулся и потянул за кольцо — люк открылся.

— Что ты видишь? — тревожно спросила Гермиона.

— Ничего... только темноту... здесь нет лестницы, нам придётся прыгать.

Гарри, продолжая играть на флейте, махнул Рону, чтобы привлечь его внимание, и указал на себя.

— Хочешь пойти первым? Уверен? — спросил Рон. — Не представляю, насколько здесь глубоко. Дай флейту Гермионе, чтобы пёс продолжал спать.

Гарри передал флейту. В течение нескольких секунд тишины пёс начал ворчать и подёргиваться, но как только Гермиона заиграла, он опять крепко уснул.

Гарри перелез через пса и посмотрел вниз. Никакого намёка на дно.

Он стал опускаться в дыру, пока не повис на одних пальцах. Тогда он глянул на Рона и сказал:

— Если со мной что-нибудь случится, не прыгайте следом. Идите сразу в советню и шлите Хедвигу Дамблдору. Хорошо?

— Ладно, — сказал Рон.

– Увидимся через минуту, надеюсь...

И Гарри разжал руки. Холодный, сырой воздух пронёсся мимо него, пока он падал, падал, падал и...

ПЛЮХ. Со странным, глухим звуком он приземлился на что-то мягкое. Он сел и стал шарить вокруг: его глаза ещё не привыкли к мраку. Он словно сидел на каком-то растении.

– Всё в порядке! – он прокричал вверх просвету размером с почтовую марку. – Тут мягко, можете прыгать!

Рон сразу же прыгнул следом. Он приземлился, растянувшись рядом с Гарри.

– Что это за штука? – были его первые слова.

– Не знаю, какое-то растение. Наверное, оно здесь, чтобы смягчить падение. Давай Гермиона!

Отдалённая музыка стихла. Раздался громкий собачий лай, но Гермиона уже прыгнула. Она приземлилась по другую сторону от Гарри.

– Должно быть, мы находимся на несколько миль под школой, – сказала она.

– Как нам повезло, что здесь это растение, – сказал Рон.

– Повезло? – взвизгнула Гермиона. – Посмотрите на себя!

Она вскочила и пробилась к сырой стене. Ей пришлось пробиваться, потому что в тот момент, как она приземлилась, растение начало обвиваться вокруг её лодыжек, словно змеелодобные щупальца. Что же до Гарри и Рона, они и не заметили, как их ноги уже крепко связали ползучие ветки.

Гермиона ухитрилась освободиться прежде, чем растение смогло покрепче схватить её. Теперь она с ужасом наблюдала, как мальчишки пытались сорвать с себя ветки, но чем больше они сопротивлялись, тем крепче и быстрее наматывалось на них растение.

– Не двигайтесь! – приказала им Гермиона. – Я знаю, что это – это Дьявольские Силки!

– О, я так рад, что мы знаем, как оно называется, это очень нам поможет, – прорычал Рон, отклоняясь назад, чтобы помешать растению обвиться вокруг шеи.

– Заткнись, я пытаюсь вспомнить, как уничтожить его! – сказала Гермиона.

– Тогда поторопись, я не могу дышать! – выдохнул Гарри, борясь с дьявольским силком, который обвился вокруг его груди.

– Дьявольские Силки, Дьявольские Силки ... что говорила профессор Спраут? Они любят темноту и сырость...

— Так разожги огонь! — Гарри задыхался от удушья.

— Да... конечно... но здесь нет дерева, — вскричала Гермиона, заламывая руки.

— ТЫ С УМА СОШЛА? — заорал Рон. — ТЫ ВЕДЬМА ИЛИ КТО?

— А, точно! — сказала Гермиона,хватила свою палочку, взмахнула ею, пробормотала что-то и направила на растение струю такого же ярко-синего пламени, какое она использовала на Снейпе. За какие-то секунды мальчики почувствовали, как хватка растения ослабла, когда оно стало отползать от света и тепла. Изгибаясь и молотя по воздуху, Дьявольские Силки разматывались, и ребята наконец-то смогли вырваться на свободу.

— Как хорошо, что ты слушаешь на Гербологии, Гермиона, — сказал Гарри, когда они присоединились к ней у стены, утирая пот с лица.

— Да уж, — сказал Рон, — и хорошо, что Гарри не теряет голову в кризисных ситуациях — «здесь нет дерева», скажите пожалуйста.

— Сюда, — сказал Гарри, указывая на уходящий вниз каменный проход, который был единственной дорогой вперёд.

Всё, что они могли слышать кроме своих шагов, был лёгкий звук капающей воды, стекающей со стен. Проход спускался вниз, и это напомнило Гарри Гринготтс. Его сердце чуть не ушло в пятки, когда он вспомнил о драконах, сторожащих хранилища в волшебном банке. Если они встретят дракона, взрослого дракона — и с Норбертом было достаточно проблем...

— Вы ничего не слышите? — прошептал Рон.

Гарри прислушался. Мягкий шелест и позвякивание, казалось, впереди раздавались какие-то звуки.

— Как думаете, это привидение?

— Не знаю... похоже на крылья.

— Впереди свет... Я вижу, как что-то движется.

Они достигли конца прохода и увидели перед собой ярко освещённый зал, потолок изгибался высоко над головой. Зал был полон маленьких сверкающих птичек, которые порхали повсюду, переворачиваясь в воздухе. На противоположной стороне зала была массивная деревянная дверь.

— Как думаешь, они нападут на нас, если мы пойдём через зал? — спросил Рон.

— Возможно, — сказал Гарри. — Они не выглядят опасными, но если они бросятся вниз все разом... ладно, выбора нет... Я побежал.

Он глубоко вдохнул и, прикрыв лицо руками, рванул через зал. Он ожидал в любую секунду почувствовать, как в него впиваются клювы и когти, но ничего не произошло. Он достиг двери невредимым. Он потянул за ручку, но дверь была закрыта.

Подошли Рон и Гермиона. Они дёргали и толкали дверь, но она не поддавалась, даже когда Гермиона испробовала заклинание Алохомора.

— Что теперь? — спросил Рон.

— Эти птицы... они же не могут быть здесь просто для красоты, — сказала Гермиона.

Они смотрели на птиц, летающих над головами, сверкающих... сверкающих?

— Это не птицы! — внезапно сказал Гарри. — Это ключи! Крылатые ключи — приглядитесь. Это означает... — он оглядел зал, пока Рон и Гермиона щурились на стаю ключей. — Точно — смотрите! Мётлы! Мы должны поймать ключ, подходящий к двери!

— Но их сотни!

Рон рассмотрел замок.

— Нам нужен большой, старомодный ключ, возможно серебряный, как ручка.

Каждый схватил по метле и оттолкнулся от земли, поднимаясь прямо в середину тучи ключей. Они ловили и хватали, но заколдованные ключи бросались в сторону и ныряли так быстро, что было почти невозможно поймать хоть один ключик.

Однако, Гарри не зря был самым молодым Ловцом за последний век. У него был талант замечать предметы, которые не видели другие люди. После минуты метаний в вихре радужных перьев, он заметил большой серебряный ключ, у которого было погнуто крыло, словно ключ уже один раз поймали и грубо вставили в замочную скважину.

— Этот! — он прокричал остальным. — Этот большой... там... нет, там... со светло-голубыми крыльями... у которого смяты перья на одном крыле.

Рон ринулся со всей скоростью в направлении, которое указал Гарри, врезался в потолок и, чуть было, не свалился с метлы.

— Мы должны окружить его! — прокричал Гарри, не сводя глаз с ключа с повреждённым крылом. — Рон, заходи сверху. Гермиона, оставайся внизу и не давай ему спускаться. Я попытаюсь поймать его. Сейчас!

Рон нырнул, Гермиона взлетела вверх, ключ увернулся от них обоих, и Гарри рванул за ним, ключ помчался в направлении стены, Гарри нагнулся вперёд и с неприятным хрустом пригвоздил его к камню одной рукой. Ликующие крики Рона и Гермионы эхом разнеслись по всему залу.

Они быстро приземлились, и Гарри побежал к двери с сопротивляющимся ключом в руке. Гарри запихнул ключ в замок и повернул — получилось. В тот самый момент, когда замок с щелчком открылся, ключ снова взлетел, он выглядел ещё помятее, так как его ловили уже дважды.

— Готовы? — спросил Гарри у Рона и Гермионы, держа руку на дверной ручке.

Они кивнули. Гарри открыл дверь.

В следующем зале было так темно, что они ничего не видели. Но как только они вошли в него, внезапно свет залил всё помещение, открыв ошеломительный вид.

Они стояли на краю огромной шахматной доски, за чёрными, высокими шахматными фигурами, высеченными из чего-то похожего на чёрный камень. Напротив, на другом конце зала, стояли белые фигуры. Всех троих пробрала лёгкая дрожь — у возвышающихся белых фигур не было лиц.

— Что теперь будем делать? — прошептал Гарри.

— Это же очевидно, — сказал Рон. — Нам нужно играть, чтобы пройти через зал.

За белыми фигурами виднелась ещё одна дверь.

— Но как? — нервно спросила Гермиона.

— Я думаю, — сказал Рон, — мы должны стать шахматными фигурами.

Он подошёл к чёрному коню и прикоснулся к нему. Камень тут же ожил. Конь ударил копытом, и его всадник повернул голову, закованную в шлем, и посмотрел на Рона.

— Мы... э... должны присоединиться к вам, чтобы пройти?

Чёрный всадник кивнул. Рон повернулся к Гарри и Гермионе.

— Надо подумать, — сказал он. — Думаю, мы должны встать вместо трёх чёрных фигур...

Гарри и Гермиона стояли тихо, глядя на размышляющего Рона. Наконец он сказал:

— Не обижайтесь, но вы оба не так уж хорошо играете в шахматы...

— Мы не обижаемся, — быстро сказал Гарри. — Просто скажи, что нам делать.

— Хорошо, Гарри, ты займёшь место этого слона, а ты, Гермиона, становись вместо ладьи.

— А ты?

— Я буду конём, — сказал Рон

Похоже, фигуры всё слышали, потому что после слов Рона конь, слон и ладья развернулись спиной к белым фигурам и сошли с доски, оставив пустыми три клетки, которые заняли Гарри, Рон и Гермиона.

— Белые всегда делают первый ход, — сказал Рон, посмотрев через доску. — Да, смотрите...

Белая пешка сдвинулась вперёд на две клетки.

Рон начал отдавать команды чёрным фигурам. Они молча двигались туда, куда он отправлял их. У Гарри тряслись колени. Что, если они проиграют?

— Гарри, сдвинься по диагонали на четыре клетки вправо.

Они испытали первый настоящий шок, когда был взят их второй конь. Белый ферзь сбил всадника и оттащил за край доски, где тот лежал, не двигаясь, лицом вниз.

— Мне пришлось, — сказал Рон, выглядя потрясённым. — Теперь ты можешь взять того слона, Гермiona, давай.

Каждый раз, когда они теряли свою фигуру, белые действовали безжалостно. Скоро вдоль стены выросла куча безвольных чёрных фигур. Дважды Рон чуть было не пропустил момент, когда Гарри и Гермiona были под ударом. Сам он метался по всей доске, захватывая почти столько же фигур, сколько они теряли.

— Мы почти у цели, — внезапно пробормотал он. — Дайте-ка подумать.

Белый ферзь повернул своё пустое лицо в его сторону.

— Да... — сказал Рон тихим голосом, — Это единственный выход.. Меня должны срубить.

— НЕТ! — закричали Гарри и Гермiona.

— Это шахматы! — сказал резко Рон. — Здесь приходится чем-то жертвовать! Я сделаю ход, и он меня срубит, это даст тебе возможность, Гарри, объявить мат королю.

— Но...

— Ты хочешь остановить Снейпа или нет?

— Рон...

— Слушайте, если вы не поторопитесь, то он доберётся до Камня!

Другого выбора у них не было.

— Готовы? — крикнул Рон, его лицо было бледным, но решительным. — Я начинаю... и не задерживайтесь, как выиграете.

Рон сделал ход, и белый ферзь атаковал. Он ударил Рона по голове каменной рукой, и Рон рухнул на пол — Гермiona закричала, но осталась на своей клетке — белый ферзь оттащил Рона в сторону. Кажется, он был без сознания.

Дрожа, Гарри сдвинулся на три клетки влево по диагонали.

Белый король снял корону и бросил её к ногам Гарри. Они выиграли. Шахматные фигуры расступились, открыв дорогу к двери, и поклонились. Бросив на Рона последний отчаянный взгляд, Гарри и Гермиона прошли через дверь в следующий проход.

— А если он?..

— С ним будет всё хорошо, — сказал Гарри, пытаясь уговорить самого себя. — Как думаешь, что дальше?

— Мы справились с Дьявольским Силком Спраут; Флитвик, должно быть, наложил заклятье на ключи; МакГонагалл трансформировала шахматные фигуры в живые; значит, остались заклинания Квирелла и Снейпа.

Они дошли до следующей двери.

— Ну? — прошептал Гарри

— Давай.

Гарри открыл дверь.

Отвратительная вонь заполнила их ноздри, заставив обоих натянуть мантии на нос. Сквозь выступившие слёзы они увидели перед собой распостёртого на полу тролля гораздо больше того, с которым они имели дело, находящегося без сознания, с кровавой шишкой на голове.

— Хорошо, что нам не пришлось с ним сражаться, — прошептал Гарри, когда они осторожно перешагивали через его огромную ногу. — Быстрее, дышать нечем.

Он открыл следующую дверь, оба едва находили смелости посмотреть, что ждёт их дальше, — но там не было ничего пугающего, просто стол с семью различными бутылочками, стоящими в ряд.

— Это работа Снейпа, — сказал Гарри. — Что надо сделать?

Они перешагнули порог, и сразу позади них в проёме двери, в которую они вошли, вспыхнуло пламя. Это был не обычный огонь, а фиолетовый. В то же мгновение чёрное пламя вспыхнуло в проёме двери, ведущей дальше. Они были в ловушке.

— Смотри! — Гермиона схватила бумажный свиток, лежавший рядом с бутылками. Гарри заглянул ей через плечо, чтобы прочитать:

Пусть сзади безопасность — опасность впереди,
Помогут вам лишь двое, должны вы их найти.
Один из нас позволит продвинуться вперёд,
Другой того, кто выпьет, обратно проведёт.
И в двух ещё налито крапивное вино,
И трое яд содержат, но выбрать всё равно
Придётся, если вечность здесь провести не в мочь.
Дадим мы вам подсказки, чтоб в выборе помочь.
Во-первых, знать полезно, где яд, здоровья для.
Его всегда найдёте вы слева от вина.

А, во-вторых, различны два зелья по краям,
Вперёд идёте? Значит, нужны они не вам.
Имеет, в-третьих, разный размерчик всяк сосуд,
Но ни гигант, ни карлик вам смерти не несут.
И наконец, в-четвёртых, — мотайте же на ус —
Вторые слева-справа тождественны на вкус.
Гермиона глубоко вздохнула, и Гарри с удивлением увидел, что она
улыбается, что он сам сделал бы в последнюю очередь.

— Гениально, — сказала Гермиона. — Это не магия — это логика —
головоломка. У многих великих волшебников нет ни капли логики, они бы
застряли здесь навечно.

— Но и мы тоже застрянет.

— Конечно, нет, — сказала Гермиона. — Всё, что нам надо, написано здесь.
Семь бутылочек: в трёх яд, в двух вино, одна даст возможность пройти
безопасно через чёрное пламя, и одна — назад через фиолетовое.

— Но как узнать, что пить?

— Минуту.

Гермиона перечитала свиток несколько раз. Затем она стала ходить туда
сюда вдоль ряда бутылочек, что-то бормоча сама себе и указывая на
бутылочки. Наконец она хлопнула в ладоши.

— Есть, — сказала она. — Самая маленькая бутылочка проведёт нас через
чёрное пламя прямо к Камню.

Гарри посмотрел на крошечную бутылочку.

— Здесь только на одного из нас, — сказал он. — Всего один глоток.

Они переглянулись.

— Которая ведёт через фиолетовое пламя?

Гермиона указала на пузатую бутылочку справа.

— Ты выпей это, — сказал Гарри. — Нет, послушай, возвращайся и позаботься
о Роне. Хватайте метлы в комнате с летающими ключами, они помогут вам
выбраться из люка и пробраться мимо Пушка, идите прямо в совятню и
отправляйте Хедвигу Дамблдору, он нам нужен. Я, возможно, задержу
ненадолго Снейпа, но всё равно я ему не соперник.

— Но Гарри... что если с ним Сам-Знаешь-Кто?

— Ну... Мне однажды повезло, — сказал Гарри, указывая на свой шрам. —
Может, повезёт и во второй раз.

Губы Гермионы задрожали, и она бросилась на Гарри и обняла его.

— Гермиона!

– Гарри, знаешь, ты великий колдун.

– Не такой хороший, как ты, – сказал Гарри смущённо, как только она отпустила его.

– Я? – сказала Гермиона. – Книги! И ум! Но есть более важные вещи: дружба и храбрость, и... ах, Гарри, будь осторожен!

– Пей первая, – сказал Гарри. – Ты уверена, что из них что?

– Абсолютно, – сказала Гермиона.

Она сделала медленный глоток из пузатой бутылочки и содрогнулась.

– Это не отрава? – сказал Гарри тревожно.

– Нет... но похоже на лёд.

– Быстро, иди, пока оно действует.

– Удачи... береги себя.

– Иди!

Гермиона развернулась и прошла прямо через фиолетовое пламя.

Гарри глубоко вздохнул и взял самую маленькую бутылочку. Он повернулся к чёрному пламени.

– Ну, вперёд, – сказал он и осушил бутылочку одним глотком.

Ощущение было действительно такое, будто он выпил лёд, который растёкся по всему его телу. Он поставил бутылочку и пошёл вперёд; он собрался с духом, видел, как чёрные языки пламени лизали его тело, но не чувствовал их... одно мгновение вокруг был только огонь, а затем Гарри оказался с другой стороны в последнем зале.

Там уже кто-то был... но это был не Снейп. Это был даже не Волдеморт.

Глава семнадцатая. Двуликий человек

Это был Квиррелл.

– Вы! – ахнул Гарри.

Квиррелл улыбнулся. Его лицо совсем не дёргалось.

– Я, – спокойно сказал он. – А я всё гадал, встречу ли здесь с тобой или нет, Поттер.

– Но я думал... Снейп...

– Северус? – Квиррелл засмеялся, и этот смех не дрожал от волнения, как обычно, а наоборот, был ледяным и уверенным. – Да, Северус и правда выглядит подозрительно. Полезно, когда он всюду носится, будто огромная

летучая мышь. Кто же заподозрит б-б-бедного, за-заикающегося п-профессора Квиррелла на его фоне?

Гарри не верил своим ушам. Это не может быть правдой, не может.

— Но Снейп пытался убить меня!

— Нет, нет, нет. Это я пытался убить тебя. Твоя подружка мисс Грэйнджер случайно толкнула меня, когда прибежала, чтобы поджечь Снейпа на том матче по Квиддитчу. Она нарушила мой зрительный контакт с тобой. Ещё несколько секунд, и я бы сбросил тебя с метлы. Это могло случиться даже раньше, если бы Снейп не бормотал контрзаклятье, пытаясь спасти тебя.

— Снейп пытался спасти меня?

— Ну конечно, — холодно сказал Квиррелл. — А почему, по-твоему, он хотел судить ваш следующий матч? Он хотел быть уверенным, что я не сделаю этого ещё раз. Странно... зря он так беспокоился. Всё равно я ничего не смог бы сделать под надзором Дамблдора. А все учителя подумали, что Снейп пытался не дать Гриффиндору выиграть, так что он сразу стал весьма непопулярным... А главное, всё это зря, потому что, в конце концов, сегодня ночью я всё равно тебя убью.

Квиррелл щёлкнул пальцами. Из пустоты появились веревки и крепко опутали Гарри.

— Ты слишком любопытный, чтобы жить, Поттер. Рыскай ты так же по школе в Хэллоуин, то и на меня бы наткнулся, когда я пришел проверить, как охраняется Камень.

— Так это вы запустили в школу тролля?

— Разумеется. У меня особый дар управляться с троллями... ты, должно быть, видел, что я сделал с троллем по пути сюда. К сожалению, пока все остальные бегали в его поисках, Снейп, который к тому времени меня уже подозревал, направился сразу на третий этаж, чтобы перехватить меня... в итоге не только троллю не удалось забить тебя до смерти, но и эта трехголовая псина не смогла даже откусить Снейпу ногу как следует. А теперь постой тихонько, Поттер. Мне нужно исследовать это интересное зеркало.

Только сейчас Гарри осознал, что находится позади Квиррелла. Это было Зеркало Ииналеж.

— Это зеркало — ключ к местонахождению Камня, — пробормотал Квиррелл, обстукивая раму. — От Дамблдора можно было ожидать чего-нибудь эдакого... но сейчас он в Лондоне... и я буду уже далеко к его возвращению...

Всё, что смог придумать Гарри — продолжать разговор с Квирреллом, чтобы он не мог сконцентрироваться на зеркале.

— Я видел вас со Снейпом в лесу... — выпалил он.

— Да, — подтвердил Квиррелл, обходя зеркало, чтобы взглянуть на него сзади. — Он следил за мной, пытаюсь выяснить, как далеко я продвинулся. Он всё время подозревал меня. Пытался даже запугать меня... как будто это возможно, когда на моей стороне Волдеморт.

Квиррелл вышел из-за Зеркала и жадно уставился в него.

— Я вижу Камень... вручаю его своему повелителю... но где он?

Гарри пытался бороться с опутывавшими его веревками, но они не поддавались. Ему нужно было отвлекать внимание Квиррелла от Зеркала.

— Но мне всегда казалось, что Снейп ненавидит меня.

— Он и ненавидит, — между делом сказал Квиррелл, — видит бог, ненавидит. Он учился в Хогвартсе с твоим отцом, разве ты не знал? Они не выносили друг друга. Но он никогда не хотел твоей смерти.

— Но я слышал несколько дней назад ваши рыдания... и думал, что это он угрожает вам...

Впервые за весь разговор лицо Квиррелла исказила гримаса страха.

— Иногда, — сказал он, — я нахожу трудным следовать указанием моего повелителя — он великий волшебник, а я так слаб...

— Вы имеете в виду, что он был в классе вместе с вами? — выдохнул Гарри.

— Он всегда со мной, куда бы я ни пошел, — спокойно ответил Квиррелл. — Я встретил его, когда путешествовал по миру. Тогда я был ещё глупым юношей, полон нелепых идей о добре и зле. Лорд Волдеморт показал мне, насколько я ошибался. Нет ни добра, ни зла, есть только власть и те, кто слишком слаб, чтобы её добиваться... С тех пор я верно служу ему, хотя и подвел его не один раз. Ему приходится быть очень суровым со мной, — Квиррелл вдруг задрожал. — Он не прощает ошибок просто так. Когда мне не удалось украсть Камень из Гринготтса, он был разочарован больше всего. И наказал меня... решил, что за мной требуется постоянный надзор...

Голос Квиррелла сорвался. Гарри вспомнил свою прогулку по Диагон Аллее — как он мог быть таким дураком? Именно в этот день он впервые встретил там Квиррелла и пожал ему руку в Дырявом Котле.

Квиррелл тихо выругался.

— Не понимаю... Камень внутри Зеркала? Нужно его разбить?

Мысли Гарри неслись галопом.

«Чего я хочу сейчас больше всего на свете, — думал он, — так это найти Камень раньше Квиррелла. Поэтому, если я посмотрю в Зеркало, то увижу, как я его нахожу... значит, я увижу, где он спрятан! Но как это сделать, чтобы Квиррелл не понял, что я на самом деле собираюсь сделать?»

Незаметно для Квиррелла, он попытался подвинуться влево, чтобы оказаться перед Зеркалом, но веревки слишком туго стягивали лодыжки — он споткнулся и упал. Квиррелл не обратил на это внимания. Он всё ещё разговаривал сам с собой:

— Что делает это Зеркало? Как оно работает? Помоги мне, Владыка!

К ужасу Гарри, ему вдруг ответил голос, и голос этот, казалось, исходил из самого Квиррелла.

— Используй мальчишку... используй мальчишку...

Квиррелл повернулся к Гарри.

— Да... Поттер.. подойди сюда.

Он хлопнул в ладоши, и опутывавшие Гарри веревки опали. Гарри медленно поднялся на ноги.

— Подойди сюда, — повторил Квиррелл. — Посмотри в Зеркало и расскажи мне, что ты видишь.

Гарри пошёл к нему.

«Я должен обмануть его, — отчаянно подумал он. — Я должен посмотреть и соврать насчет того, что я вижу, это всё».

Квиррелл встал позади него. Гарри ощутил странный запах, который, похоже, исходил от тюрбана Квиррелла. Он закрыл глаза, встал перед Зеркалом, после чего открыл их.

Сначала он увидел просто свое отражение, бледное и напуганное. Но через секунду отражение улыбнулось ему. Оно засунуло руку в свой карман и вытащило кроваво-красный камень. Затем оно подмигнуло и засунуло Камень обратно в карман... и как только оно это сделало, Гарри почувствовал, как что-то тяжелое упало в его настоящий карман.

Каким-то образом... невероятно... он получил Камень.

— Ну? — нетерпеливо спросил Квиррелл. — Что ты видишь?

Гарри собрал волю в кулак.

— Я вижу, как я пожимаю руку Дамблдору, — придумывал он на ходу. — Я... я только что выиграл Кубок Школы для Гриффиндора.

Квиррелл опять выругался.

— Отойди отсюда, — приказал он. Когда Гарри подвинулся, он бедром ощутил Философский Камень. Хватит ли у него храбрости сбежать с ним?

Но не прошел он и пяти шагов, как вновь раздался высокий голос, хотя губы Квиррелла при этом даже не пошевелились.

— Он лжёт... он лжёт...

— Поттер, вернись назад! — крикнул Квиррелл. — Говори правду! Что ты только что видел?

И опять раздался этот голос.

— Дай мне поговорить с ним... лицом к лицу...

— Повелитель, вы ещё недостаточно сильны!

— У меня достаточно сил... для этого...

Гарри почувствовал, что какая-то дьявольская сила пригвоздила его к месту. Он не мог пошевелить ни одним мускулом. Окаменев, он наблюдал, как Квиррелл поднял руки и начал разматывать свой тюрбан. Что происходит? Наконец, тюрбан упал на пол. Без него голова Квиррелла выглядела до странного маленькой. Затем он медленно повернулся.

Если бы Гарри мог произнести хотя бы звук, то сейчас бы закричал. Вместо затылка у Квиррелла было лицо, самое ужасное лицо, которое когда-либо видел Гарри. Оно было белое, как мел, с ярко-красными глазами и щелями вместо ноздрей, как у змеи.

— Гарри Поттер... — прошептало оно.

Гарри попытался отступить назад, но ноги его не слушались.

— Видишь, во что я превратился? — сказала лицо. — Всего лишь тень, дым... Я приобретаю форму только тогда, когда могу разделить с кем-нибудь его тело... к счастью, всегда есть те, кто готов впустить меня в свои сердца и мысли... В последние недели кровь единорога придала мне силы... в лесу ты видел верного Квиррелла, пьющего её для меня... а когда у меня будет Эликсир Жизни, я смогу обрести свое собственное тело... А теперь... почему бы тебе не отдать мне этот Камень в твоём кармане?

Итак, он знал. Гарри вдруг опять почувствовал свои ноги. Спотыкаясь, он отпрянул назад.

— Не будь глупцом, — проворчало лицо. — Лучше сохрани свою жизнь и присоединись ко мне... или последуешь за своими родителями... Они умерли, моля меня о пощаде...

— ЛОЖЬ! — вдруг закричал Гарри.

Квиррелл задом пятился на него, так что Волдеморт мог не терять его из виду. Дьявольское лицо теперь улыбалось.

— Как трогательно... — прошипело оно. — Я всегда ценил храбрость... Да, мальчик, твои родители были смелыми людьми... Твоего отца я убил первым, и он отважно сражался... но твоей матери не обязательно было умирать... она пыталась защитить тебя... А теперь отдай мне Камень, если не хочешь, чтобы её смерть была напрасной.

– НИКОГДА!

Гарри ринулся к огненной двери, но Волдеморт завопил "ДЕРЖИ ЕГО!", и в следующую секунду Гарри почувствовал руку Квиррелла на своем запястье. Острая, словно игла, боль пронзила шрам Гарри, и голова будто раскололась надвое. Он закричал, изо всех сил пытаясь вырваться, и к его удивлению, Квиррелл отпустил его. Боль в голове слегка утихла... Он дико осмотрелся по сторонам, пытаясь понять, куда делся Квиррелл, и увидел его корчащимся от боли в пальцах – они прямо на глазах покрывались волдырями.

– Держи его! ДЕРЖИ ЕГО! – опять завопил Волдеморт, и Квиррелл прыгнул, сбил Гарри с ног и навалился, обхватив обеими руками его шею. Боль в шраме практически ослепила Гарри, и все же он видел Квиррелла, бьющегося в агонии.

– Владыка, я не могу удержать его... мои руки... мои руки!

Квиррелл, прижав Гарри к земле коленями, отпустил его шею и с ужасом уставился на свои ладони... Гарри заметил, что они обожжены и блестят словно красное сырое мясо.

– Тогда убей его, глупец, и покончим с этим! – прохрипел Волдеморт.

Квиррелл поднял руку, чтобы выполнить смертельное заклятье, но Гарри инстинктивно рванулся вверх и вцепился в лицо Квиррелла...

– АААА!

Квиррелл скатился с него, его лицо тоже покрылось волдырями, и тогда Гарри понял: Квиррелл не может прикоснуться к его коже, не страдая от ужасной боли... значит, его единственный шанс – не выпускать Квиррелла, причиняя ему боль, которая не даст ему наложить заклятье.

Гарри вскочил на ноги, схватил Квиррелла за руку и сжал её изо всех сил. Квиррелл заорал и попытался отбросить Гарри... боль в голове Гарри опять нарастала... он ничего не видел... он мог только слышать ужасные вопли Квиррелла и крики Волдеморта:

– УБЕЙ ЕГО! УБЕЙ ЕГО!

... и ещё другие голоса, звучавшие, возможно, в голове самого Гарри:

– Гарри! Гарри!

Он почувствовал, как рука Квиррелла выкручивается из его захвата, понял, что все потеряно, и начал проваливаться в темноту... все глубже... глубже... глубже...

* * *

Что-то золотистое блеснуло прямо над ним. Снитч! Он попытался схватить его, но его руки были слишком тяжелы.

Он моргнул. Это был вовсе не Снитч. Это была пара очков. Как странно.

Он ещё раз моргнул. Из темноты над ним выплыло лицо Альбуса Дамблдора.

— Добрый день, Гарри, — сказал Дамблдор. Гарри уставился на него. Затем он вспомнил:

— Сэр! Камень! Это был Квиррелл! Камень у него! Сэр, быстрее..

— Успокойся, дорогой мальчик, ты немного отстал от времени, — сказал Дамблдор. — Камень не у Квиррелла.

— А у кого тогда? Сэр, я...

— Гарри, успокойся, пожалуйста, иначе мадам Помфри выставит меня отсюда.

Гарри сглотнул и осмотрелся. Он понял, что находится в больничном крыле. Он лежал на кровати с белыми простынями, возле которой стоял столик, заваленный таким количеством сладостей, что хватило бы на половину магазина.

— Подарки от твоих друзей и поклонников, — объяснил Дамблдор, улыбаясь. — То, что случилось там, внизу, между тобой и профессором Квирреллом, разумеется, секрет, поэтому, естественно, вся школа об этом знает. Думаю, именно твои друзья мистер Фред и мистер Джордж Уизли попытались передать тебе в подарок сиденье от унитаза. Очевидно, они думали, что это тебя развлечет. Мадам Помфри, однако, сочла это несколько негигиеничным и конфисковала его.

— Как долго я уже здесь?

— Три дня. Мистер Рональд Уизли и мисс Грэйнджер будут счастливы узнать, что ты пришел в себя, они очень волнуются.

— Но, сэр, Камень...

— Похоже, мне не удастся тебя отвлечь. Ну ладно, итак, Камень. Профессору Квирреллу не удалось забрать его у тебя. Я прибыл как раз вовремя, чтобы помешать этому, хотя, должен признать, ты и сам неплохо с этим справлялся.

— Вы были там? Вы получили сову Гермионы?

— Мы, должно быть, разминулись в воздухе. Как только я прибыл в Лондон, сразу стало понятно, что мне нужно быть там, откуда я только что уехал. И я вернулся как раз вовремя, чтобы оттащить Квиррелла от тебя.

— Так это были вы.

— Я боялся, что уже опоздал.

— Это чуть было не случилось, я не мог больше сопротивляться, чтобы камень не оказался у него...

— Я боялся не за камень, мой мальчик, а за тебя... твой героизм чуть было не убил тебя. На один ужасный момент я подумал, что так и случилось. Ну а что касается Камня, так он уничтожен.

— Уничтожен? — непонимающе сказал Гарри. — Но ваш друг... Николас Фламель...

— Так ты знаешь о Николасе? — удовлетворенно воскликнул Дамблдор. — Ты хорошо подготовился, верно? Ну что ж, мы с Николасом немного поболтали, и решили, что так будет лучше всего.

— Но это означает, что он и его жена в итоге умрут, так?

— У них есть достаточно Эликсира, чтобы привести все дела в порядок, ну а потом, да, они умрут, — Дамблдор усмехнулся, видя изумленное лицо Гарри.

— Такому молодому человеку, как ты, уверен, это кажется невероятным, но для Николаса и Перенеллы это все равно что отправиться в постель после долгого, очень долгого дня. В конце концов, для высокоорганизованного ума смерть — это всего лишь ещё одно большое приключение. Знаешь, Камень на самом деле был не такой уж чудесной вещью. Сколько хочешь денег и жизни! То, что большинство людей выбирает в первую очередь... беда только в том, что люди обладают удивительной способностью выбирать именно то, что для них хуже всего.

Гарри лежал, не находя, что ответить. Дамблдор что-то мурлыкал и улыбался, глядя на потолок.

— Сэр? — сказал Гарри. — Я тут подумал... сэр... даже если Камень исчез, Вол... то есть Сам-Знаете-Кто...

— Называй его Волдеморт, Гарри. Всегда называй вещи своими именами. Боязнь имени усиливает страх самой вещи.

— Да, сэр. Так вот, Волдеморт ведь попробует вернуться каким-нибудь другим способом, верно? То есть, он ведь не исчез насовсем, верно?

— Нет, Гарри, не исчез. Он всё ещё где-то там, наверное, ищет, кто бы ещё поделился с ним телом... поскольку он не живой в полном смысле этого слова, то его невозможно и убить. Он оставил Квиррелла умирать, он безжалостен к своим последователям, точно также, как и к своим врагам. И все же, Гарри, хотя ты смог только отсрочить возвращение его мощи, нужно всего лишь, чтобы нашёлся кто-нибудь ещё, кто будет готов сразиться с ним в следующий раз, пусть даже без надежды на победу... и если ему помешают опять, и опять, что ж, есть шанс, что он не вернётся к власти никогда.

Гарри закивал, но быстро прекратил это дело из-за боли в голове. После чего сказал:

— Сэр, я бы хотел узнать ещё кое-что... Если только вы можете мне рассказать... я хотел бы узнать правду о...

— Правду, — вздохнул Дамблдор. — Это самая прекрасная и ужасная вещь на свете, с ней надо обращаться осторожно. Тем не менее, я отвечу на твои вопросы, если только у меня не будет очень хорошей причины не делать этого, но в таком случае я прошу извинить меня. Лгать я, разумеется, не буду.

— Хорошо... Волдеморт сказал, что он убил мою маму только потому, что она пыталась не дать ему убить меня... Но почему он хотел убить в первую очередь именно меня?

На этот раз Дамблдор вздохнул ещё глубже.

— Увы, на этот твой первый вопрос я как раз ответить и не могу. Не сегодня. Не сейчас. Когда-нибудь ты узнаешь... не думай об этом сейчас, Гарри. Когда станешь чуть постарше... я понимаю, что тебе это не нравится... когда ты будешь готов к этому, ты узнаешь.

И Гарри понял, что лучше не настаивать.

— Но почему Квиррелл не мог дотронуться до меня?

— Твоя мама погибла, чтобы спасти тебя. Если в этом мире существует нечто, чего Волдеморт не в состоянии понять, то это любовь. Он не понял, что такая большая любовь, как твоей матери к тебе, оставляет свой след. Не шрам, не что-то видимое... когда нас любят так глубоко, даже если любивший нас человек ушел, его защита остается с нами навсегда. Она в самой твоей коже. Квиррелл, полный ненависти, жадности и амбиций, разделил свою душу с Волдемортом, поэтому и не мог прикоснуться к тебе. Прикосновение к человеку, отмеченному таким хорошим чувством, было мучительно для него.

После этого Дамблдор очень заинтересовался птичкой на подоконнике, давая Гарри возможность вытереть глаза о простыню. Наконец, когда он опять смог говорить спокойно, Гарри спросил:

— А Плащ-Невидимка? Вы не знаете, кто мне его послал?

— Ах да, случилось так, что когда-то твой отец оставил его у меня, вот я и подумал, что он может тебе понравиться, — Глаза Дамблдора заблестели. — Весьма полезная вещица... твой отец в основном использовал его, чтобы тайком пробраться на кухню и стащить оттуда что-нибудь вкусное.

— И ещё кое-что...

— Выкладывай.

— Квиррелл сказал, что Снейп...

— Профессор Снейп, Гарри.

— Да, он... Квиррелл сказал, что он ненавидит меня потому, что ненавидел моего отца. Это правда?

— Ну, скажем так, они не любили друг друга. Примерно, как вы с мистером Малфоем. А потом твой отец сделал нечто, чего Снейп так никогда и не смог ему простить.

— Что?

— Он спас ему жизнь.

— Что?

— Да... — задумчиво сказал Дамблдор. — Забавно, как иногда работают мысли у людей, верно? Профессор Снейп не смог смириться с тем, что он в должниках у твоего отца... Я даже думаю, что он так старался защитить тебя в этом году именно потому, что хотел уравнять счет с твоим отцом. Тогда он спокойно мог бы опять продолжать ненавидеть память о твоём отце.

Гарри попытался понять услышанное, но кроме головной боли в результате ничего не получил, поэтому решил оставить это на потом.

— И, сэр, ещё одна вещь...

— Только одна?

— Как я получил Камень из зеркала?

— А, наконец-то, я очень рад услышать от тебя этот вопрос. Это была одна из моих самых гениальных идей, а между нами говоря, это кое-чего стоит. Понимаешь, только тот, кто хотел найти Камень — найти, но не использовать его — мог его получить. В противном случае он просто видит себя делающим золото или пьющим Эликсир Жизни. Мой мозг иногда удивляет даже меня самого... Ну что ж, хватит пока вопросов. Предлагаю обратить внимание на конфеты. А! «Конфеты с Любymi Вкусами от Берти Ботт»! Когда-то в детстве мне не повезло с одной такой, — у нее был вкус рвоты, и я с тех пор, боюсь, утратил к ним интерес... но вот эта выглядит вполне надежно, как считаешь?

Он улыбнулся и положил золотисто-коричневую карамельку в рот. Затем он передернулся и сказал:

— Увы! Ушная сера!

* * *

Мадам Помфри, медсестра, была приятной женщиной, но очень строгой.

— Всего на пять минут, — попросил Гарри.

— Ни в коем случае.

— Но вы разрешили войти профессору Дамблдору...

— Разумеется, он ведь директор, а это совсем другое дело. Тебе нужно отдохнуть.

— Но я же отдыхаю. Смотрите, лежу себе и все такое. Ну мадам Помфри...

— Ну, ладно, — согласилась она. — Но только на пять минут.

И она позволила войти Рону с Гермионой.

— Гарри!

Гермиона явно была готова броситься ему на шею, но Гарри был даже рад, что этого не произошло, потому что голова все ещё раскалывалась.

— О, Гарри, мы были уверены, что ты.. Дамблдор так волновался..

— Вся школа только об этом и говорит, — сообщил Рон. — Что же там на самом деле произошло?

Это был один из тех редких моментов, когда настоящая история оказывается ещё более странной и причудливой, чем слухи. Гарри рассказал им все: о Квиррелле, Зеркале, Камне и Волдеморте. Рон и Гермиона были очень хорошими слушателями — они ахали в правильных местах, а когда Гарри рассказал им, что было под тюрбаном Квиррелла, Гермиона громко вскрикнула.

— Так Камня больше нет? — заключил Рон. — Теперь Фламели просто умрут?

— Я тоже это спросил, но Дамблдор думает, что.. как это.. «для высокоорганизованного ума смерть — это всего лишь ещё одно большое приключение».

— Я всегда говорил, что он сумасшедший, — сказал Рон, восхищаясь бесшабашностью своего кумира.

— А что было с вами? — спросил Гарри.

— Ну, я вернулась без проблем, — начала рассказывать Гермиона. — Привела в чувство Рона... это заняло некоторое время... и мы как раз бежали вверх, в советню, чтобы послать весточку Дамблдору, но на выходе встретили его самого — он уже обо всем знал. Он только спросил «Гарри пошел за ним, верно?» и ринулся на третий этаж.

— Как ты думаешь, он знал, что ты это сделаешь? — сказал Рон. — Послал тебе Плащ отца и все такое?

— Ну знаете, — взорвалась Гермиона, — если это так... то есть, это было бы ужасно... ты ведь мог погибнуть.

— Нет, это не так, — задумчиво сказал Гарри. — Он странный человек, этот Дамблдор. Я думаю, он хотел мне дать что-то вроде шанса. Знаете, мне кажется, он на самом деле знает обо всем, что здесь происходит. По-моему, он вполне догадывался, что мы попытаемся это сделать, и вместо того, чтобы остановить, подготовил нас к этому. Вряд ли я случайно обнаружил, как работает это зеркало. Скорее он думал, что у меня есть право встретиться с Волдемортом, если я буду к этому готов...

— Ага, Дамблдор псих, это точно, — гордо заключил Рон. — Слушай, как хочешь, но к завтрашнему празднику по случаю окончания учебного года ты должен быть на ногах. Очки, правда, подсчитаны, и выиграл Слизерин... и последнюю игру в Квиддитч ты пропустил — без тебя нас разгромили ребята из Рэйвенкло... но еда должна быть хорошей.

В этот момент вмешалась мадам Помфри.

— Вы здесь уже почти пятнадцать минут, теперь МАРШ ОТСЮДА! — строго приказала она.

* * *

После ночи хорошего сна Гарри почувствовал себя почти нормально.

— Я хочу пойти на праздник, — сказал он мадам Помфри, пока она наводила порядок среди множества коробок со сладостями. Я ведь могу, правда?

— Профессор Дамблдор говорит, что тебе разрешено пойти, — сухо сказала она, хотя, судя по её тону, профессор Дамблдор просто не понимал, насколько это рискованно. — У тебя ещё посетитель.

— О, хорошо, — сказал Гарри. — Кто?

Не успел он это сказать, как в дверь боком протиснулся Хагрид. Как обычно, находясь в помещении, Хагрид выглядел чрезмерно большим. Он сел возле Гарри, взглянул на него, и зарыдал.

— Это... все... моя... ужасная... ошибка! — всхлипнул он, закрыл лицо руками. — Это я рассказал этому дьявольскому отродью, как обойти Пушка. Я рассказал ему! Это было единственное, чего он не знал, и я рассказал ему! А ты мог погибнуть! И всё из-за драконьего яйца! Больше никогда не буду пить! Меня вообще надо уволить и отправить к магглам!

— Хагрид! — позвал его Гарри, потрясённый тем, что Хагрид весь сотрясается от горя и раскаяния, и большущие слёзы каплют ему на бороду. — Хагрид, он все равно бы это как-нибудь узнал, ведь речь идёт о Волдеморте, он узнал бы, даже если бы ты ничего ему не рассказал.

— Ты мог погибнуть! — продолжал всхлипывать Хагрид. — И не называй его по имени!

— ВОЛДЕМОРТ! — проорал Гарри, и Хагрид так опешил, что перестал плакать. — Я видел его, и я называю его по имени. Пожалуйста, Хагрид, успокойся, мы спасли Камень, он уничтожен, и Волдеморт больше не сможет им воспользоваться. Возьми лучше шоколадную лягушку, у меня их много...

Хагрид вытер нос тыльной стороной ладони и сказал:

— Хорошо, что напомнил. Я ведь тоже тебе кое-что принес.

— Надеюсь, это не сэндвич с мясом горноста, а? — встревожился Гарри, и Хагрид, наконец, улыбнулся.

— Не. Дамблдор вчера специально дал мне выходной на это. По правде говоря, вместо этого он должен был бы меня уволить... неважно, вот, возьми.

Это был красивый альбом в кожаном переплете. Стоя от любопытства, Гарри открыл его. Он был полон фотографий волшебников. И с каждой страницы ему улыбались и махали его мама и папа.

— Послал сову всем школьным друзьям твоих родителей с просьбой прислать фотографии... я знал, что у тебя нет ни одной... тебе нравится?

Гарри не мог выдавить ни слова, но Хагрид все понял.

* * *

Этим вечером Гарри проделал весь свой путь на заключительный пир в одиночку. Он задержался из-за мадам Помфри, непреклонно настаивающей на последней проверке, поэтому к его приходу Главный Зал был уже почти полон. Он был декорирован в цвета Слизерина – серебристо-зеленые, – выигрывавшего Кубок Школы уже седьмой год подряд. Огромное знамя с изображением змеи Слизерина покрывало стену за преподавательским столом.

Когда Гарри вошел, сначала воцарилась тишина, после чего все разом заговорили. Он втиснулся на свое место между Роном и Гермионой за столом Гриффиндора и постарался не обращать внимания на то, что остальные встают со своих мест, чтобы взглянуть на него.

К счастью, в этот момент прибыл Дамблдор. Шум тут же стих.

– Вот и прошел ещё один год! – радостно сообщил Дамблдор. – И я хочу немного надоесть вам старческим брюзжанием, прежде чем мы вонзим свои зубы в эти вкуснейшие лакомства. Что за год это был!

Надеюсь, ваши головы теперь немножко полнее, чем год назад... и у вас есть целое лето, чтобы опустошить их как следует перед началом следующего года...

А теперь, как я понимаю, пришло время вручения школьного кубка, и места расположились так: на четвертом месте находится Гриффиндор с тремястами двенадцатью очками, на третьем – Хаффлпаф с тремястами пятьюдесятью двумя, Рэйвенкло заработал четыреста двадцать шесть, а Слизерин – четыреста семьдесят два.

Шквал радостных возгласов и аплодисментов пронесся по столу Слизерина. Гарри увидел, как Драко Малфой стучит своим кубком по столу.

Это было тошнотворное зрелище.

– Да, да, молодцы, Слизерин, – сказал Дамблдор. – Тем не менее, последние события тоже должны быть учтены.

Воцарилась полная тишина. Улыбки слизеринцев слегка увяли.

– Итак, – продолжил Дамблдор, – у меня есть ещё несколько очков на раздачу. Что тут у нас... Ага...

– Начнем с мистера Рональда Уизли...

Рон побагровел. Он походил на редиску, сильно подгоревшую на солнце.

– ... за лучшую шахматную партию, подобную которой Хогвартс не видел уже многие годы, я присуждаю Гриффиндору пятьдесят очков.

Восторженные крики Гриффиндорцев чуть не подняли волшебный потолок, казалось, что звёзды над головой задрожали. Послышался голос Перси, который говорил другим старостам:

— Это мой брат, знаете? Мой младший брат! Прошел через гигантские шахматы МакГонагалл!

Наконец, снова наступила тишина.

— Далее... мисс Гермиона Грэйнджер... за продемонстрированную холодную логику перед лицом пламени я даю Гриффиндору ещё пятьдесят очков.

Гермиона спрятала лицо в ладонях, Гарри сильно подозревал, что она расплакалась. Гриффиндорцы за столом просто сошли с ума — ведь они только что получили сотню очков.

— Наконец... мистер Гарри Поттер... — произнес Дамблдор. Все притихли в напряженном ожидании. — ... за исключительную храбрость и присутствие духа я присуждаю Гриффиндору шестьдесят очков.

Поднялся оглушительный шум. Те, кто могли и складывать, и кричать до хрипоты одновременно, поняли, что у Гриффиндора теперь четыреста семьдесят два очка — ровно столько же, сколько и у Слизерина. Они могли бы получить школьный кубок... если бы только Дамблдор дал Гарри на одно очко больше.

Дамблдор поднял руку. Шум постепенно затих.

— Храбрость бывает разной, — сказал Дамблдор, улыбаясь. — Противостояние врагу требует большой отваги, но такой же смелости требует и противостояние друзьям. Поэтому я присуждаю десять очков мистеру Невиллу Лонгботтому.

Если бы в этот момент кто-нибудь стоял снаружи Главного Зала, то мог бы подумать, что там что-то взорвалось, настолько громким был восторженный рев за столом Гриффиндора. Гарри, Рон и Гермиона вскочили, криками поздравляя Невилла, побелевшего от неожиданности и погребенного под грудой обнимающих его товарищей. До этого ему ещё не доводилось выиграть для Гриффиндора хотя бы одно очко. Гарри, все ещё крича, ткнул Рона локтем в ребра, показывая на Малфоя, который сидел, словно парализованный, в таком шоке, как будто на него наложили замораживающее заклятие.

— А это означает, — крикнул Дамблдор сквозь шквал аплодисментов, поскольку и Рэйвенкло и Хаффлпаф тоже были рады поражению Слизерина, — что нам нужно слегка сменить декорации.

Он хлопнул в ладоши. В один миг зеленые драпировки превратились в алые, а серебро превратилось в золото. Огромная змея Слизерина исчезла, и её место занял стоящий на задних лапах лев Гриффиндора. С вымученной улыбкой Снейп пожимал руку профессору МакГонагалл. Он перехватил взгляд Гарри, и Гарри сразу понял, что отношение Снейпа к нему нисколько не изменилось. Но Гарри это не расстроило. Было ощущение, что в следующем году жизнь опять станет нормальной, ну или почти нормальной, как это и должно быть в Хогвартсе.

Это был лучший вечер в жизни Гарри, лучше, чем победа в Квиддитче, или Рождество, или даже чем нокаутирование горных троллей.. этот вечер он не забудет никогда.

* * *

У Гарри совсем вылетело из головы то, что ещё не объявлены результаты экзаменов, но вскоре произошло и это. К их великому удивлению, и он, и Рон получили хорошие оценки. Гермиона, разумеется, стала лучшей ученицей среди первокурсников. Даже Невилл умудрился сдать, его хорошая оценка по Гербологии компенсировала полный провал по Зельеварению. Они надеялись, что Гойл, который был настолько же туп, насколько и гадок, будет отчислен, но он тоже прошел. Это было досадно, но, как сказал Рон, счастье никогда не бывает полным.

И вот настал момент, когда их шкафы опустели, чемоданы упаковались, жабу Невилла нашли, когда она пряталась в углу туалета. Всем ученикам были вручены инструкции с предупреждением не использовать магию на каникулах («Каждый раз надеюсь, что они об этом забудут» — грустно поведал Фред Уизли). Пришел Хагрид, чтобы отвести их к флотилии лодок на озере. Они погрузились в Хогвартс-Экспресс, болтали и смеялись, а местность кругом становилась все зеленее и ухоженнее. Проезжая мимо маггловских городков, они ели «Конфеты С Любым Вкусом от Берти Ботт». Потом сменили свои волшебные мантии на куртки и пальто, и прибыли на платформу девять и три четверти на станции Кингс Кросс.

Покинуть платформу заняло довольно много времени. Перед выходным барьером стоял старый высохший смотритель, выпуская их по два-три человека за раз, так чтобы они, появляясь из стены, не привлекали внимания магглов.

— Этим летом вы должны приехать к нам, — заявил Рон. — Оба. Я pošлю вам сову.

— Спасибо, — сказал Гарри. — Мне понадобится нечто, о чем стоит помечтать.

Люди толкали их, пока они продвигались к выходу, чтобы вернуться в мир магглов. Некоторые из них выкрикивали:

— Пока, Гарри!

— До встречи, Поттер!

— Всё ещё знаменит, — ухмыльнулся Рон.

— Но не там, куда я направляюсь, поверь мне, — ответил Гарри.

Он, Рон и Гермиона прошли через барьер вместе.

— Вот он, мам, он там, смотри!

Это была Джинни Уизли, младшая сестра Рона, но показывала она не на Рона.

— Гарри Поттер! — визжала она. — Смотри, мам! Я его вижу!

— Успокойся, Джинни, показывать пальцем некрасиво.

Миссис Уизли улыбнулась им.

— Непростой выдался год? — сказала она.

— Очень, — подтвердил Гарри. — Спасибо за сладости и свитер, миссис Уизли.

— Ох, не за что, мой дорогой.

— Ну, ты готов?

Это был дядя Вернон, все такой же краснолицый, такой же усатый и такой же раздраженный, видя Гарри, держащего клетку с совой на станции, где полно обычных людей. За ним стояла тетя Петунья и Дадли, с ужасом взирающий на Гарри.

— А вы, должно быть, семья Гарри! — поприветствовала их миссис Уизли.

— В некотором смысле, — ответил дядя Вернон. — Поторопись, парень, мы не собираемся ждать тебя весь день. — С этими словами он пошёл прочь.

Гарри повернулся, чтобы попрощаться с Роном и Гермионой.

— Ну что, увидимся летом.

— Надеюсь, у тебя будут... эээ... хорошие каникулы, — сказала Гермиона, с сомнением глядя вслед дяде Вернону, пораженная тем, что кто-то может быть настолько недоброжелательным.

— О, конечно будут, — ответил Гарри, и они с удивлением заметили, что он ухмыляется. — Они ведь не знают, что нам запрещено использовать магию дома. Так что этим летом мы с Дадли повеселимся...